

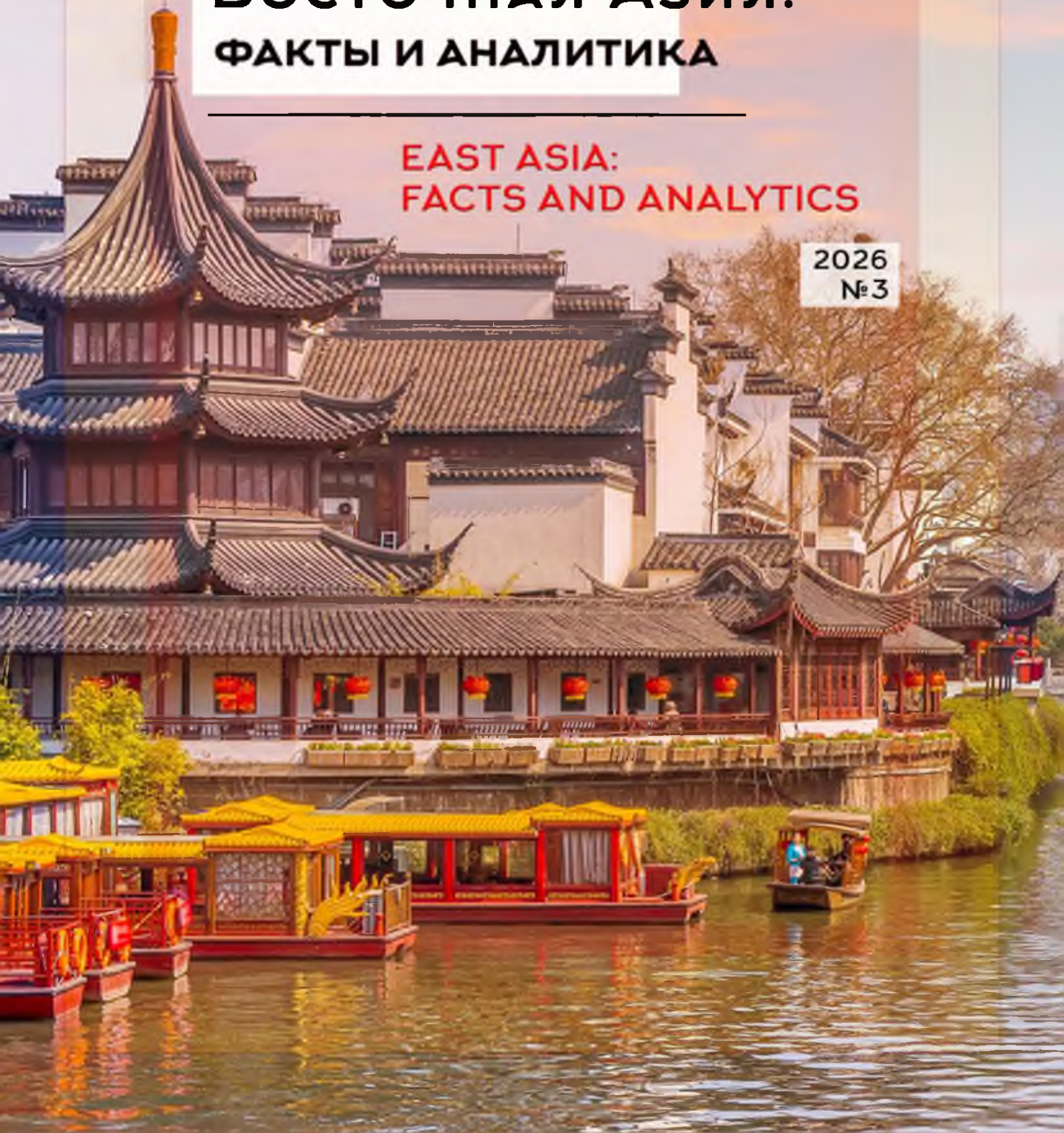

ISSN 2686-7702

Восточная Азия: ФАКТЫ И АНАЛИТИКА

EAST ASIA:
FACTS AND ANALYTICS

2026
№3

Электронный научный информационно-аналитический журнал «Восточная Азия: факты и аналитика» издаётся ежеквартально с 2019 г. Журнал освещает широкий круг актуальных научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Издание представляет информационно-аналитические материалы, посвящённые современным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в регионе. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредитель: Институт Китая и современной Азии РАН.

CC BY 4.0

URL: <http://eastasiajournal.ru>

Регистрационный номер СМИ: ЭЛ № ФС 77-78969 от 14.08.2020.

- Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК), Научную электронную библиотеку eLibrary.ru, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
- Входит в DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, WorldCat, ROAD, ASCI database, Jisc Open Policy Finder.

Главный редактор: Горчакова Т.Е., к.э.н. (Россия).

Отв. секретарь: Казаков О.И. (Россия).

Редакционная коллегия: Андрианов В.Д., д.э.н. (Россия); Виноградов А.В., д.полит.н (Россия); Ёкотэ Синдзи, проф. (Япония); Ёсида Нориаки, PhD (Япония); Кин Пхеа, проф. (Камбоджа); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Колотов В.Н., д.и.н. (Россия); Лузянин С.Г., д.и.н. (Россия); Мазырин В.М., д.э.н. (Россия); Мещеряков А.Н., д.и.н. (Россия); Михалёв А.В., д.полит.н (Россия); Мосяков Д.В., д.и.н. (Россия); Мохаммад Хазми бин Мохаммад Русли, проф. (Малайзия); Наинг Све У, PhD (Мьянма); Нарут Тьярэнсри, PhD (Таиланд); Никитин А.И., д.полит.н. (Россия); Панов А.Н., д.полит.н. (Россия); Песцов С.К., д.полит.н. (Россия); Портяков В.Я., д.э.н. (Россия); Потапов М.А., д.э.н. (Россия); Сюй Бо, проф. (Китай); Тэ Хван, проф. (Республика Корея); У Хао, проф. (Китай); Эдуардо С. Тадем, PhD (Филиппины); Энелито А. Севилья, проф. (Филиппины).

Редакционный совет: Афонасьева А.В., к.э.н. (Россия); Бабаев К.В., д.филол.н. (*председатель*) (Россия); Ву Кхоан (Вьетнам); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Заклязьминская Е.О., к.э.н. (Россия); Кузьминков В.В., к.и.н. (Россия); Мищенко Я.В., к.э.н. (Россия); Пыльцина Е.С., к.э.н. (Россия); Сафронова Е.И., к.э.н. (Россия); Соколовский А.Я., к.ф.н. (Россия); Танет Ваттанакул, PhD (Таиланд).

Редакция: Кириченко М.А. (Россия), Нгуен Данг Фат, к.э.н. (Вьетнам), Скворцова Е.М. (Россия), Суркова Т.И. (Россия), Цветкова А.А. (Россия).

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым присуждаются учёные степени:

- 5.2.5 Мировая экономика (экономические науки)
- 5.5.4 Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)
- 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Коды международной классификации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР):

- 5.02 Economics and business
- 5.06 Political science
- 6.01 History and archaeology

Дизайн обложки: В.Н. Субочева.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

eISSN 2686-7702

© Коллектив авторов

© ИККА РАН

The electronic scientific information and analytical periodical “East Asia: Facts and Analytics” is published quarterly since 2019. The edition presents the coverage of the widest range of actual scientific problems of the East and Southeast Asian countries, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides the information and analytical material focusing on modern economic, political, social and cultural processes in the region. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of China and Contemporary Asia RAS.

CC BY 4.0

URL: <http://eastasiajournal.ru>

Mass media registration number (in the Russian Federation): ЭЛ № ФС 77-78969 dated Aug 14, 2020.

- Included in List of Higher Attestation Commission (HAC), Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru”, Russian Science Citation Index, Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.
- Included in DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, WorldCat, ROAD, ASCI database, Jisc Open Policy Finder.

Editor-in-chief: Gorchakova Tatiana E. (Russia), PhD (Economics).

Executive Secretary: Kazakov Oleg I. (Russia).

Editorial Board: Andrianov Vladimir D. (Russia), DSc (Economics); Eduardo C. Tadem (Philippines), PhD (Southeast Asian Studies); Henelito A. Sevilla, Jr. (Philippines), PhD (International Relations); Kin Phea (Cambodia), PhD; Kistanov Valerii O. (Russia), DSc (History); Kolotov Vladimir N. (Russia), DSc (History); Luzyanin Sergey G. (Russia), DSc (History); Mazyrin Vladimir M. (Russia), DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N. (Russia), DSc (History); Mikhalev Alexey V. (Russia), DSc (Political Science); Mohd Hazmi bin Mohd Rusli, (Malaysia), professor; Mosyakov Dmitry V. (Russia), DSc (History); Naing Swe Oo (Myanmar), PhD; Narut Charoensri (Thailand), PhD; Nikitin Alexander I. (Russia), DSc (Political Science); Panov Aleksandr N. (Russia), DSc (Political Science); Pestsov Sergei K. (Russia), DSc (Political Science); Portyakov Vladimir Ya. (Russia), DSc (Economics); Potapov Maxim A. (Russia), DSc (Economics); Tae-Hwan Kwak (Republic of Korea), professor; Vinogradov Andrey V. (Russia), DSc (Political Science); Wu Hao, (China), professor; Xu Bo, (China), professor; Yokote Shinji (Japan), professor; Yoshida Noriaki (Japan), Ph.D (Sociology).

Editorial Council: Afonaseva Alina V. (Russia), PhD (Economics); Babaev Kirill V. (Russia), DSc (Philology) (*Head of the Editorial Council*); Kuzminkov Victor V. (Russia), PhD (History); Mishchenko Yana V. (Russia), PhD (Economics); Pyltsina Elena S. (Russia), PhD (Economics); Safronova Elena I. (Russia), PhD (Economics); Sokolovsky Aleksandr Ya. (Russia), PhD (Philology); Thanet Wattanakul (Thailand), PhD (Applied Economics); Vu Khoan (Vietnam); Zakliazminskaja Ekaterina O. (Russia), PhD (Economics); Zhebin Aleksandr Z. (Russia), PhD (Political Science).

Editors Office: Kirichenko Maria A. (Russia), Nguyen Dang Phat (Vietnam), PhD (Economics), Skvortsova Elizaveta M. (Russia), Surkova Tatiana I. (Russia), Tsvetkova Anna A. (Russia).

Scientific specialties and corresponding branches of science for which academic degrees are awarded (in the Russian Federation):

- 5.2.5 World economy (economic sciences)
- 5.5.4 International relations, global and regional studies (political sciences)
- 5.6.7 History of international relations and foreign policy (historical sciences)

Fields of Science and Technology of the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD):

- 5.02 Economics and business
- 5.06 Political science
- 6.01 History and archaeology

Cover design: Victoria N. Subocheva.

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

СОДЕРЖАНИЕ

Гурбанова Н.Э., Кулинцев Ю.В.

Энергетическое сотрудничество Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР:
структурные особенности и возможные траектории дальнейшего развития 6

Домахина Ю.А.

Политический курс Такаити Санаэ в отношении КНДР..... 22

Щербенко М.Н.

Структурные сдвиги и социальные издержки агроэкологической
трансформации дельты реки Меконг после принятия Постановления № 120 34

Назарова Д.В., Сунь Э.

Трансформация российского рынка легковых автомобилей в условиях
санкционного давления: укрепление позиций китайских производителей. 48

Белозёров В.В.

Японский дизайн в СССР (1960–1990). Обречённые идеи и удивительный
мир потребления..... 74

Очерки

Горчакова Т.Е.

Станет ли Япония ядерной державой? (*на англ.*)..... 94

Самсонова В.Г.

Кореевед Евгений Евгеньевич Ким (Ким Ен Ун): к юбилею учёного..... 102

CONTENTS

Gurbanova N.E., Kulintsev Yu.V.

Energy cooperation between the Russian Far East and Northeast China: structural features and possible development paths	6
--	---

Domakhina Yu.A.

Takaichi Sanae's political course towards North Korea.....	22
--	----

Shcherbenko M.N.

Structural shifts and social costs of the agroecological transformation of the Mekong Delta after the adoption of Resolution No. 120.....	34
--	----

Nazarova D.V., Sun E.

Transformation of the Russian passenger car market amidst sanctions pressure: the strengthening position of the Chinese manufacturers	48
--	----

Belozerov V.V.

Japanese Design in the USSR (1960–1990): Doomed Ideas in the World of Soviet Consumption.....	74
--	----

Essays

Gorchakova T.E.

Will Japan become a nuclear power? (<i>in English</i>).....	94
---	----

Samsonova V.G.

Korean studies scholar Evgeniy Kim (Kim En Un): on the scientist's anniversary	102
--	-----

DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-6-21

Энергетическое сотрудничество Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР: структурные особенности и возможные траектории дальнейшего развития

Гурбанова Наталья Эльдаровна¹,
Кулинцев Юрий Викторович²

¹ Институт Северо-Восточной Азии, Цзилиньский Университет, Чанчунь, КНР

² Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В статье анализируются современное состояние и перспективы сотрудничества Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая в условиях энергетического перехода и трансформации глобальной энергетической архитектуры. Региональная связка рассматривается как многоуровневый геоэкономический коридор, основанный на ресурсной взаимодополняемости и трансграничной инфраструктуре. Авторы выявляют основные ограничения и возможности взаимодействия и сопоставляют три траектории его развития с учётом ресурсных, инфраструктурных, рыночных и институциональных факторов. Сделан вывод, что наиболее вероятна комбинированная траектория, предполагающая выборочное расширение трубопроводных поставок при одновременной диверсификации импорта КНР и постепенном смещении сотрудничества в сферы переработки углеводородов, газохимии и низкоуглеродных технологий.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Северо-Восток Китая, энергетическое сотрудничество, энергетический переход, энергетическая безопасность, трансграничная инфраструктура.

Авторы:

Гурбанова Наталья Эльдаровна, PhD экономических наук, старший преподаватель Института Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета (адрес: пров.Цзилинь, г.Чанчунь, ул. Цяньцзинь, 2699). ORCID: 0000-0001-8152-8496. SPIN-код: 3530-1371. E-mail: natalia_gu@jlu.edu.cn

Кулинцев Юрий Викторович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-4906-6866. SPIN-код: 9896-2302. E-mail: kulintsev.y@iccaras.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гурбанова Н.Э., Кулинцев Ю.В. Энергетическое сотрудничество Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР: структурные особенности и возможные траектории дальнейшего развития // Восточная Азия: факты и аналитика. 2026. Т. 8. № 3. С. 6–21. DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-6-21

Energy cooperation between the Russian Far East and Northeast China: structural features and possible development paths

Gurbanova Natalia E.¹,
Kulintsev Yury V.²

¹ Northeast Asian Studies College, Jilin University, Changchun, People's Republic of China

² Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article examines the current state and prospects of cooperation between the Russian Far East and Northeast China in the context of the energy transition and transformation of the global energy architecture. This regional linkage is viewed as a multilevel geoeconomic corridor based on resource complementarity and cross-border infrastructure. The study identifies the main constraints and opportunities for cooperation and compares three development paths, taking into account resource, infrastructural, market, and institutional factors. The authors conclude that the most likely outcome is a combined path, involving the selective expansion of pipeline supplies, the continued diversification of China's imports, and a gradual shift in cooperation toward hydrocarbon processing, gas chemistry, and low-carbon technologies.

Keywords: Russian Far East, Northeast China, energy cooperation, energy transition, energy security, cross-border infrastructure.

Author: Gurbanova Natalia E., Ph.D. (Economics), Senior Lecturer, Northeast Asian Studies College, Jilin University (address: 2699, Qianjin Street, Changchun, People's Republic of China). ORCID: 0000-0001 8152-8496. SPIN-code: 3530-1371. E-mail: natalia_gu@jlu.edu.cn

Kulintsev Yury V., PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4906-6866. SPIN-code: 9896-2302. E-mail: kulintsev.y@iccaras.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Gurbanova N.E., Kulintsev Yu.V. (2026). Energeticheskoye sotrudnichestvo Dal'nego Vostoka RF i Severo-Vostoka KNR: strukturnyye osobennosti i vozmozhnyye trayektorii dal'neyshego razvitiya [Energy cooperation between the Russian Far East and Northeast China: structural features and possible development paths]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 8 (3): 6–21. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2026-2-6-21

Введение

Трансформация мирового энергопотребления в пользу Азии усиливает значимость российского восточного вектора. Крупнейшим потребителем энергии сегодня является Китайская Народная Республика, где в 2025 г. мощность чистой генерации (солнечной, ветровой, гидро- и атомной) достигла 1494 ГВт и впервые превысила совокупную мощность угольной и газовой генерации в 420 ГВт, в то время как доля «чистых» источников в энергетическом парке составила около 51 %¹. При этом в 2024 г. объёмы экспорта

¹ China's epic renewables boom lifts it into rare clean capacity club. *Reuters*, Feb 13, 2026. URL: <https://www.reuters.com/markets/commodities/chinas-epic-renewables-boom-lifts-it-into-rare-clean-capacity-club-2026-02-13/> (accessed: Apr 29, 2026).

российской нефти в Китай достигли 108 млн т (+30 % к 2022 г.)², а газ по магистрали «Сила Сибири» вышел на 38,8 млрд м³ в год³. Однако на фоне ускоряющегося энергоперехода КНР и диверсификации поставок возникает вопрос: насколько устойчивой является модель энергетического сотрудничества Дальнего Востока РФ и Северо-Востока Китая? Для ответа на данный вопрос было проведено настоящее исследование.

Методологическая основа исследования определяется логикой анализа российско-китайского энергетического сотрудничества как сложной геоэкономической системы, формирующейся на стыке ресурсной, инфраструктурной и институциональной взаимозависимости. В работе используются системный, институциональный, сравнительно-аналитический и сценарный подходы, что позволяет соединить анализ текущего состояния энергетических связей с оценкой их долгосрочной устойчивости в условиях изменения глобальной энергетической архитектуры.

Теоретическая база формируется на пересечении концепций геоэкономики, энергетической безопасности, региональной интеграции и энергетического перехода. В рамках геоэкономического подхода энергетическое сотрудничество рассматривается не только как торговля ресурсами, но и как инструмент пространственной связности. Концепция энергетической безопасности позволяет анализировать интересы Китая в диверсификации источников поставок, а также интересы России в сохранении устойчивых экспортных рынков. Теория энергетического перехода используется для оценки влияния развития ВИЭ на долгосрочный спрос Китая на традиционные энергоресурсы.

Источниковая база включает официальные документы, статистические материалы и отчёты. Среди документов учитываются Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 г., планы по развитию Дальнего Востока и Байкальского региона, материалы Министерства энергетики РФ, Министерства экономического развития РФ, Газпрома, Роснефти и Транснефти. Китайские источники представлены положениями 14-го пятилетнего плана КНР, программными документами по достижению пика выбросов углерода к 2030 г. и углеродной нейтральности к 2060 г., материалами Государственного совета КНР и Национального бюро статистики Китая.

Существующие научные исследования показывают, что российско-китайское энергетическое взаимодействие изучается в нескольких взаимосвязанных направлениях. Первый блок работ рассматривает эволюцию сотрудничества от преимущественно сырьевой торговли к более широкой стратегической кооперации, включающей нефть, газ, уголь, атомную энергетику, СПГ и перспективные низкоуглеродные направления [Shao, Han 2025; Zhang, Bai 2020; Cao, Bluth 2013]. Второй блок посвящён влиянию международной энергетической турбулентности на двустороннюю торговлю энергоресурсами. В этих работах подчёркивается, что, хотя внешние ограничения и повысили значение китайского направления для России, они в то же время стали причиной развития рисков асимметричной зависимости [Liang 2024; Babina et al. 2026; Nguyen et al. 2026; Sun et al. 2026]. Отдельное направление составляют исследования регионального взаимодействия Дальнего Востока РФ

² China-Russia Dashboard: Facts and figures on a special relationship. *MERICS*. URL: <https://merics.org/en/china-russia-dashboard-facts-and-figures-special-relationship> (accessed: Apr 29, 2026).

³ Russia's Gazprom supplied 38 bcm of gas to China via Power of Siberia pipeline in 2025. *Reuters*, Dec 25, 2025. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/russias-gazprom-supplied-38-bcm-gas-china-via-power-siberia-pipeline-2025-2025-12-25/> (accessed: Apr 29, 2026).

и Северо-Востока КНР. В этих работах связка двух регионов рассматривается как пространство сопряжения российского «поворота на Восток», китайской политики «открытости на Север» и инициативы «Один пояс, один путь». При этом фиксируются не только возможности кооперации, но и структурные ограничения: узость торговой структуры, недостаточная развитость трансграничной инфраструктуры, слабость локальных механизмов взаимодействия и так называемый эффект температурного разрыва между высоким политическим интересом и более ограниченными практическими результатами [Wang, Chu 2024; Xiang, Xu 2025; Wang, Wang 2014; Ma 2014]. Значительная часть публикаций акцентирует внимание на инфраструктурной стороне сотрудничества, прежде всего на газопроводных маршрутах, транспортных ограничениях и устойчивости поставок [Zhu et al. 2025; Zabortseva, Kruchinin 2025].

В последние годы усиливается интерес к влиянию энергетического перехода на российско-китайскую энергетическую модель. В работах по данной теме анализируются изменение роли ископаемого топлива, развитие низкоуглеродных технологий, институциональная реакция нефтегазового сектора на кризисы 2020 и 2022 гг., а также долгосрочные последствия декарбонизации для экспортно-сырьевых экономик [Клименко и др. 2025; Мазурова 2026; Wang et al. 2026; Apostolopoulos et al. 2026; Li, Hu 2026]. Вместе с тем региональная модель энергетического взаимодействия Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР как геоэкономического энергетического коридора остаётся недостаточно раскрытой. Именно это определяет исследовательский фокус настоящей статьи: оценить не только текущую динамику поставок, но и долгосрочную устойчивость региональной энергетической связки в условиях санкционного давления, инфраструктурных ограничений, асимметрии переговорных позиций и энергетического перехода КНР.

Геоэкономические основы энергетического коридора

С точки зрения геоэкономики, энергетический коридор представляет собой стратегическую ось, которая обеспечивает трансграничное перемещение энергоресурсов с минимальными издержками, повышая устойчивость потоков и интегрируя экономические системы участников. Его формирование обусловлено сочетанием пространственной близости, ресурсной обеспеченности и комплементарности регионов, что создаёт возможности для повышения эффективности трансграничного взаимодействия.

Взаимодействию Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая способствует протяжённая сухопутная граница, которая позволяет развивать трубопроводную и электрическую инфраструктуру без морских транзитных рисков, снижая транспортные издержки и повышая устойчивость потоков. Ресурсная база РФ, включающая крупные месторождения нефти (Сахалин, >1 млрд т) и газа (Якутия, Чаяндинское и Ковыктинское), сочетается с энергоёмкой промышленной структурой китайских провинций Хэйлунцзян, Цилинь и Ляонин, формируя модель «ресурсы – спрос». Инфраструктурную основу коридора образуют нефтепровод ВСТО, действующий газопровод «Сила Сибири-1» и строящийся «Сила Сибири-2», СПГ-терминалы и высоковольтные линии, что обеспечивает возможность диверсификации маршрутов. В то же время, совместные инвестиции, включая участие китайских компаний в «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2», демонстрируют переход к глубокой кооперации с распределением рисков. Эти геоэкономические основы коридора

формируют долгосрочный механизм трансграничного энергетического взаимодействия, интегрируя ресурсы РФ в региональный спрос КНР.

Текущее состояние энергетического сотрудничества Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР

В последние десятилетия Азия стала центром мирового энергопотребления. На долю региона приходится более половины глобального спроса, при этом Китай формирует около четверти мирового потребления. Рост экономики Северо-Востока Китая сопровождается увеличением импорта энергоресурсов, что делает российско-китайское сотрудничество стратегически значимым для устойчивости обеих экономик.

Нефтяной сегмент. Нефть остаётся ключевым ресурсом двустороннего сотрудничества. Согласно расчётам, объёмы экспорта из Дальнего Востока РФ в Северо-Восточный Китай увеличивались почти ежегодно с 2010 по 2023 г. (Рис. 1).

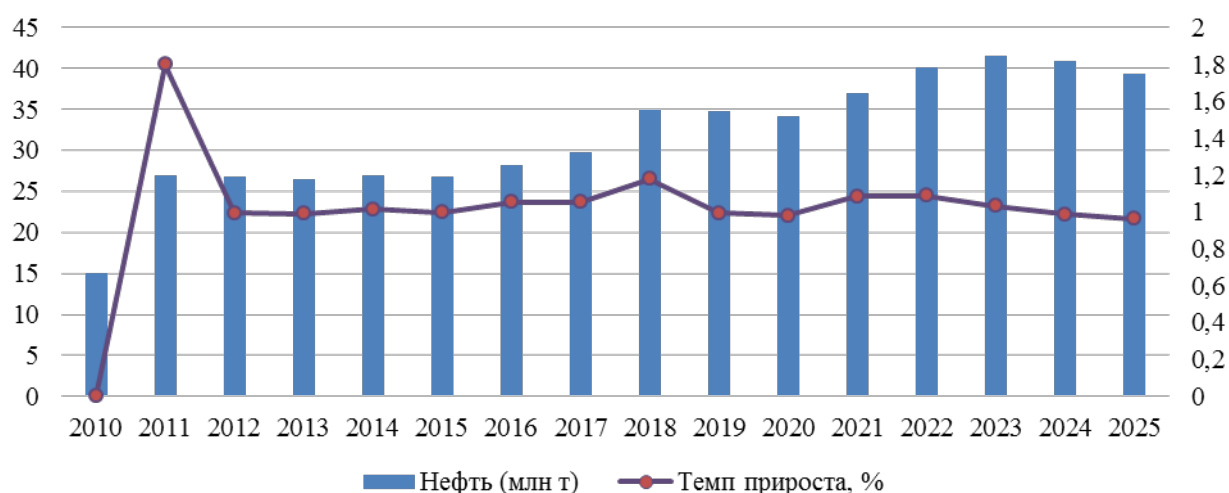

Рис. 1. Динамика поставок нефти из ДВ РФ на СВ КНР, 2010–2025 гг.

Fig. 1. Dynamics of oil supplies from the Russian Far East to the Northeast China in 2010–2025.

Источник: Рассчитано авторами по данным ПАО «Транснефть» о поставках нефти по трубопроводу «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО), его ответвления «Сковородино – Дацин» и статистики импорта нефти КНР за 2010–2025 гг. URL: www.transneft.ru; Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC). URL: <http://cnpc.com.cn>; ФТС России. Таможенная статистика внешней торговли. URL: <http://customs.gov.ru/statistic>; Главного таможенного управления КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn> (дата обращения: 29.04.2026).

Source: Calculated by the authors based on the data from PJSC Transneft on oil supplies via the East Siberia–Pacific Ocean (ESPO) pipeline, its Skovorodino–Daqing branch, and the statistics on Chinese oil imports for 2010–2025. URL: www.transneft.ru; China National Petroleum Corporation (CNPC). URL: <http://cnpc.com.cn>; Federal Customs Service of Russia. Foreign Trade Customs Statistics. URL: <http://customs.gov.ru/statistic>; General Administration of Customs of the People’s Republic of China. URL: <http://stats.customs.gov.cn> (accessed: Apr 29, 2026).

В 2011 г. после ввода в эксплуатацию ответвления на Дацин наблюдался резкий рост поставок, который впоследствии стал умеренным, но сохранил устойчивость. В период 2012–2018 гг. экспорт увеличивался постепенно, отражая инфраструктурное расширение и наращивание пропускной способности. С 2019 г., на фоне ввода крупных инвестиций

в модернизацию магистральной сети и увеличения контрактных обязательств, динамика усилилась, что привело к достижению объёма 39,4 млн т в 2025 г. с сохранением среднегодового темпа прироста на уровне 1–2 %. Устойчивое сотрудничество сохраняется за счёт участия CNPC в проектах Восточного полигона, где обеспечиваются долгосрочные поставки для перерабатывающих заводов в Хэйлунцзяне. Российские компании также реализуют совместные нефтехимические проекты, например, модернизацию НПЗ в Далине, что повышает добавленную стоимость сырья.

Газовый сегмент. С 2010 по 2018 г. объёмы экспорта газа оставались относительно низкими, на уровне менее 1 млрд м³, отражая ограниченные инфраструктурные возможности. После ввода в эксплуатацию газопровода «Сила Сибири» в 2019 г. объём поставок увеличился с менее чем 5 млрд м³ до 38 млрд м³ в 2025 г. (Рис. 2).

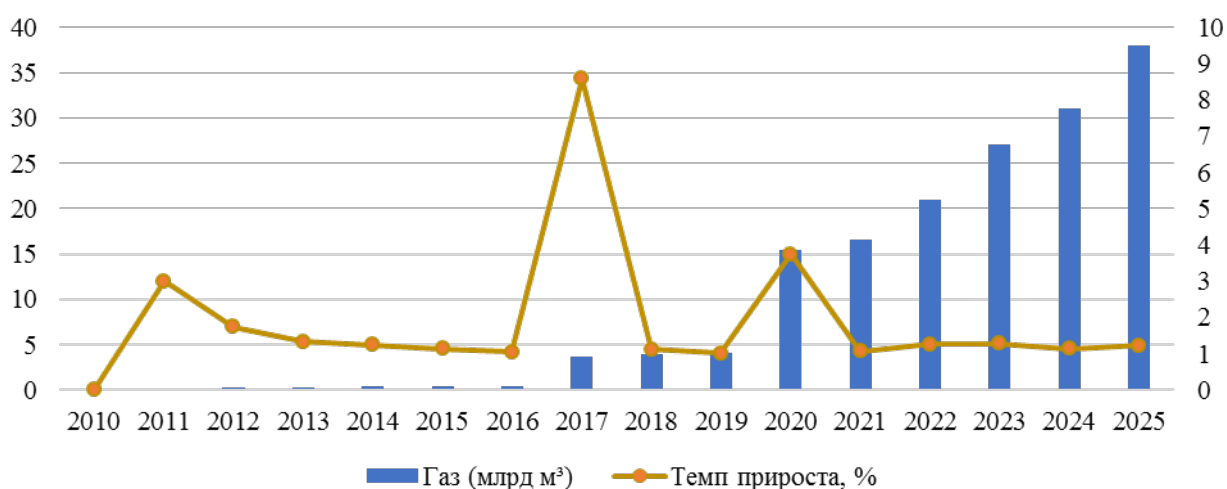

Рис. 2. Динамика поставок газа из ДВ РФ на СВ КНР, 2010–2025 гг.

Fig. 2. Dynamics of gas supplies from the Russian Far East to the Northeast China in 2010–2025.

Источник: Рассчитано авторами по данным о поставках газа по газопроводу «Сила Сибири» и статистике импорта газа КНР за 2010–2025 гг.: ПАО «Газпром». URL: www.gazprom.ru; ФТС России. Таможенная статистика внешней торговли. URL: <http://customs.gov.ru/statistic>; Главное таможенное управление КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn> (дата обращения: 29.04.2026).

Source: Calculated by the authors based on the data on gas supplies via the Power of Siberia pipeline and China's gas import statistics for 2010–2025: PJSC Gazprom. URL: www.gazprom.ru; Federal Customs Service of Russia. Foreign Trade Customs Statistics. URL: <http://customs.gov.ru/statistic>; General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: <http://stats.customs.gov.cn> (accessed: Apr 29, 2026).

В настоящее время реализуются новые инфраструктурные проекты («Сила Сибири-2»), которые могут способствовать дальнейшему росту поставок газа между российским Дальним Востоком и китайским Северо-Восточным регионом. Устойчивому сотрудничеству в этой сфере также способствуют долгосрочные контракты на газ. Однако Китай продолжает диверсифицировать источники импорта газа, что может свидетельствовать о желании снизить газовую зависимость от России, тем самым обеспечив собственную энергетическую безопасность. В условиях снижения активности экспорта газа в европейском направлении, для России такая стратегическая тактика Китая может вести к формированию асимметричного рынка покупателя [Веселов и др. 2025].

Угольный сегмент. Объём поставок угля с Дальнего Востока РФ в северо-восточные провинции КНР существенно увеличился за период с 2010 по 2025 г., отражая укрепление двустороннего энергетического взаимодействия (Рис. 3). Повышение мощностей, в том числе ввод в эксплуатацию новых терминалов в Ванино и Хомске, способствовало увеличению поставок. Тем не менее, после 2018 г. волатильность поставок возросла, что могло быть связано с колебаниями спроса китайских предприятий на фоне ужесточения экологической политики в стране. В то же время долгосрочные контракты и стабилизация тарифов на железнодорожные перевозки позволили достичь нового пика в 2023 г. Последующее замедление темпов в значительной степени связано с достижением предела пропускной способности инфраструктуры.

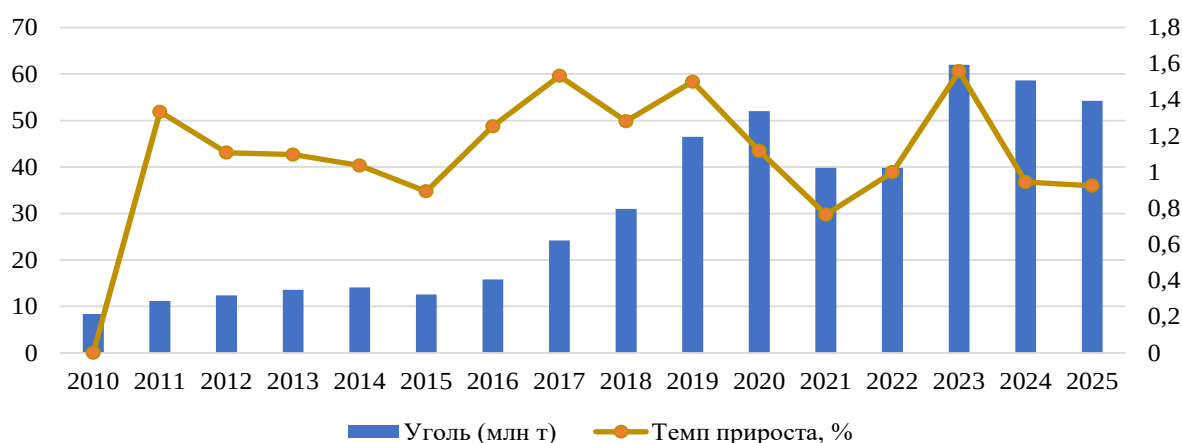

Рис. 3. Динамика поставок угля из ДВ РФ на СВ КНР, 2010–2025 гг.

Fig. 3. Dynamics of coal supplies from the Russian Far East to the Northeast China in 2010–2025.

Источник: Рассчитано авторами по экспортным данным о поставках угля с Дальнего Востока РФ и статистике импорта угля КНР за 2010–2025 гг.: ОАО «РЖД». URL: www.cargo.rzd.ru; URL: <https://rzdlog.com>; ФТС России. Таможенная статистика внешней торговли. URL: <http://customs.gov.ru/statistic>; Главное таможенное управление КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn> (дата обращения: 29.04.2026).

Source: Calculated by the authors based on export data on coal supplies from the Russian Far East and China's coal import statistics for 2010–2025: JSC Russian Railways. URL: www.cargo.rzd.ru; URL: <https://rzdlog.com>; Federal Customs Service of Russia. Foreign Trade Customs Statistics. URL: <http://customs.gov.ru/statistic>; General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: <http://stats.customs.gov.cn> (accessed: Apr 29, 2026).

Электроэнергетика и СПГ. Экспорт электроэнергии с Дальнего Востока РФ на Северо-Восток КНР носит преимущественно региональный характер и сосредоточен в приграничных территориях. Объёмы поставок относительно невелики по сравнению с другими энергоресурсами (Рис. 4). Согласно статистике, максимальные объёмы экспортной электроэнергии приходились на 2010–2012 гг., после чего наблюдалось постепенное снижение, основной причиной которого может быть рост внутреннего потребления электроэнергии на ДВ РФ и ограниченная пропускная способность линий электропередачи.

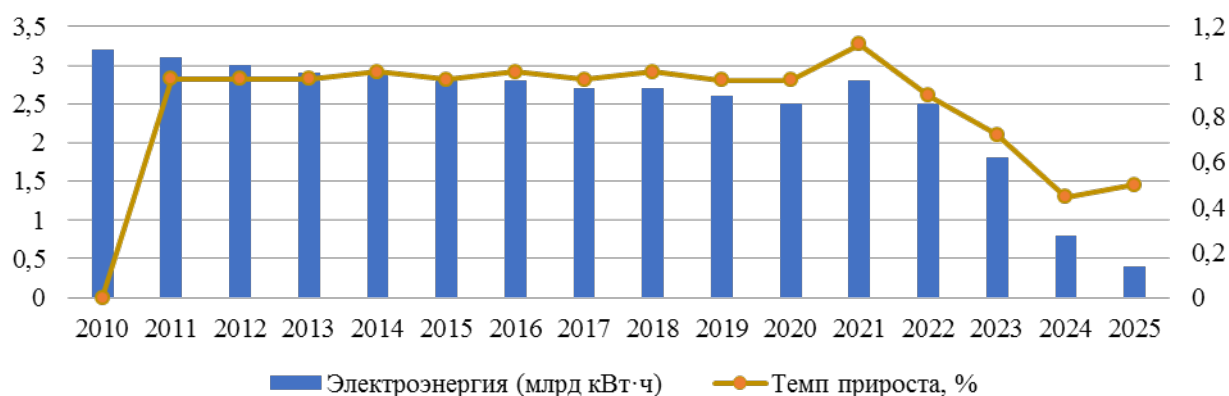

Рис. 4. Динамика поставок электроэнергии из ДВ РФ на СВ КНР, 2010–2025 гг.

Fig. 4. Dynamics of electricity supplies from the Russian Far East to the Northeast China in 2010–2025.

Источник: Рассчитано авторами по годовым отчётам ПАО «Интер РАО», статистике внешней торговли ФТС России и данным китайской таможенной статистики по импорту электроэнергии за 2010–2025 гг.: ПАО «Интер РАО». URL: www.interrao.ru; ФТС России. Таможенная статистика внешней торговли. URL: <http://customs.gov.ru/statistic>; Главное таможенное управление КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn> (дата обращения: 29.04.2026).

Source: Calculated by the authors based on the annual reports of PJSC Inter RAO, foreign trade statistics of the Federal Customs Service of Russia, and Chinese customs statistics on electricity imports for 2010–2025: PJSC Inter RAO. URL: www.interrao.ru; Federal Customs Service of Russia. Foreign Trade Customs Statistics. URL: <http://customs.gov.ru/statistic>; General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: <http://stats.customs.gov.cn> (accessed: Apr 29, 2026).

СПГ и новые направления. Сотрудничество в сфере СПГ перспективно для России и Китая, поскольку форма данного энергоресурса позволяет легче изменять маршруты поставок, используя в том числе морской транспорт. Следует ожидать, что в ближайшие 3–5 лет объёмы экспорта СПГ из России в Китай будут увеличиваться, при этом ключевую роль будут играть дальневосточный СПГ и арктические проекты «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2», что обуславливается как ростом китайского спроса, так и расширением производственных мощностей российских СПГ-проектов [Fadeev et al. 2024]. Стоит отметить, что Китай активно участвует в финансировании этих проектов. Такое сотрудничество создаёт двойную выгоду для реализации проектов СПГ, поскольку, с одной стороны, китайские инвестиции способствуют модернизации мощностей выработки СПГ, а с другой – обеспечивают долгосрочную гарантию поставок.

Вместе с тем перспективы поставок российского СПГ в Китай необходимо оценивать с учётом рисков морской логистики. Их устойчивость зависит от доступности специализированного флота, страхования, перевалочных мощностей и бесперебойного прохождения морских транспортных узлов. Дополнительные ограничения создают санкции, способные затруднить строительство СПГ-проектов и обслуживание газозовозов. В этом отношении сухопутные маршруты обладают преимуществом, поскольку обеспечивают более предсказуемые поставки в северо-восточные провинции КНР и в меньшей степени зависят от стоимости фрахта и состояния морских коммуникаций. При этом Китай продолжает диверсифицировать импорт газа, сочетая трубопроводные поставки из России и Центральной Азии с закупками СПГ у Катара, Австралии, США и других производителей. Поэтому динамика экспорта российского СПГ будет зависеть от ценовой конкурентоспособности,

устойчивости логистики и условий долгосрочных контрактов. В этих обстоятельствах наиболее надёжной основой российско-китайского энергетического сотрудничества остаётся сочетание сухопутных трубопроводных поставок с ограниченно гибкими морскими маршрутами.

Ограничения и вызовы сотрудничества

К настоящему времени показатели энергетического сотрудничества ДВ РФ и Северо-Востока КНР достигли максимальных значений и демонстрируют выход на плато. Газопровод «Сила Сибири» к 2025 г. работает на полной мощности – около 38 млрд кубометров в год, и дальнейший рост возможен только после реализации проекта «Сила Сибири-2», способного увеличить объёмы до 50 млрд куб м/год. Ограниченной остаётся и железнодорожная инфраструктура Дальнего Востока, которая позволяет экспортировать уголь и СПГ в объёме примерно 70 млн т в год, при этом лишь около четверти пограничных переходов приспособлены для крупных энергетических потоков, что затрудняет масштабирование поставок.

Российский экспорт подвержен экономическим и ценовым рискам. Значительный объём поставок газа в Китай по долгосрочным контрактам с фиксированными ценами снижает гибкость на фоне резких колебаний мировых цен [Guo et al. 2023; Дранев и др. 2026]. Аналогично, экспорт других энергоресурсов зависит от глобального спроса. Геополитическая ситуация усиливает риски. Санкционные ограничения ограничивают доступ к современным технологиям и капиталу, что замедляет реализацию инфраструктурных проектов [Lin, Davidson 2024]. Одновременно усиливается конкуренция со стороны других поставщиков, а политизация энергетических потоков делает переговорные позиции России более уязвимыми [Цзынань, Лылова 2025].

Внутренние ограничения Дальнего Востока РФ также сдерживают развитие новых объектов и модернизацию существующих мощностей [Kang 2022]. Среди этих факторов наиболее заметно влияние демографического спада и дефицита инвестиций. В то же время в энергетическом сотрудничестве, особенно в сфере электроэнергетики, внутренние факторы в виде роста её потребления в России (на фоне неизменного объёма выработки) сокращают экспортный потенциал роста данного энергоресурса.

Энергетический переход на возобновляемые источники энергии, который активно реализуется в Китае, также выступает одним из вызовов для энергетического сотрудничества Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР. Согласно Энергетической стратегии Китая до 2035 года и программе «Чистая энергия и углеродная нейтральность» мощность солнечных и ветровых станций должна быть существенно увеличена, что активно поддерживается правительством страны. По состоянию на 2025 г. доля новых видов энергии среди всех источников в Китае составила около 48 % (примерно 2800 ГВт). Расширение атомной и водородной энергетической инфраструктуры в стране также активно снижает углеродный след [Shao, Han 2025]. В дополнение к этому Китай развивает умное потребление энергии, устанавливая специальные системы накопления. Тем самым потребность страны в традиционных источниках энергии постепенно снижается. Поскольку модель экспорта России ориентирована в первую очередь на энергетические ресурсы, это создаёт долгосрочные структурные вызовы. Однако при этом необходимо учитывать

неэнергетическое использование углеводородов в КНР. Нефть сохраняет значение как сырьё для производства полимеров, синтетических волокон и другой нефтехимической продукции. Природный газ востребован в газохимии, прежде всего при производстве аммиака, метанола и водорода, а также в металлургических процессах. Поэтому развитие возобновляемой энергетики и электрификация транспорта не означают пропорционального сокращения китайского спроса на российскую нефть и газ. В долгосрочной перспективе их роль может смещаться от преимущественно топливного использования к промышленной переработке.

Сценарный анализ

Сценарное прогнозирование выполнено как качественно-количественный морфологический анализ. Первым этапом стало выделение четырёх групп факторов, которые включают динамику спроса КНР, пропускную способность трансграничной инфраструктуры, конкурентную среду и темпы энергетического перехода. Затем для каждой группы были заданы направленные предпосылки, на сочетании которых построены три внутренне согласованные траектории. Количественные значения до 2060 г. имеют характер условных диапазонов, полученных путём экстраполяции фактических уровней 2024–2025 гг. с учётом заявленных мощностей трубопроводов и СПГ-проектов, целевых ориентиров китайских энергетических документов и прогнозов Международного энергетического агентства. Значения на горизонтах 2030, 2040, 2050 гг. представляют условные интервалы и могут пересматриваться по мере изменения сроков проектов, цен и энергетической политики КНР⁴.

Сценарий 1: интенсификация сотрудничества. В рамках первого сценария (Табл. 1) предполагается углубление энергетического сотрудничества Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР. Основным фактором в рамках этого сценария выступает ввод новых объектов инфраструктуры, в том числе трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», расширения проекта «Сила Сибири», а также реализация новых СПГ-проектов на Сахалине и Камчатке. С учётом скорости развития инфраструктуры Россия к 2031–2040 гг. сможет увеличить поставки газа до 45 млрд м³/год, а к 2051–2060 гг. расширить экспорт СПГ до 15 млн т/год. Устойчивая основа для данного сценария, помимо инфраструктуры, может быть обеспечена за счёт контрактных механизмов, фиксирующих объёмы и цены поставок.

Реализация сценария возможна при сохранении высокого внутреннего спроса в КНР, ограниченной конкуренции со стороны альтернативных поставщиков, стабильной геополитической конъюнктуры и поддержке китайских инвесторов в совместных энергетических проектах. Сценарий ориентирован на институционализацию взаимодействия и максимальное укрепление двусторонних связей, включая совместное развитие газохимии и модернизацию нефтеперерабатывающей инфраструктуры.

⁴ Oil 2025: Analysis and Forecast to 2030. Paris: International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/oil-2025> (accessed: Jul 23, 2026); Gas 2025: Analysis and Forecast to 2030. Paris: International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/gas-2025> (accessed: Jul 23, 2026); China Energy Outlook 2060. Beijing: Sinopec Economics and Development Research Institute. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-96-7647-7> (accessed: Jul 23, 2026).

Таблица 1. Сценарий 1 (интенсификация сотрудничества).**Table 1.** Scenario 1 (intensification of cooperation).

Показатель	2025–2030	2031–2040	2041–2050	2051–2060
Объём газа, млрд м ³ /год	38	45	50	50–60
Объём СПГ, млн т	8	10	12	15
Основные проекты	«Сила Сибири», Сахалин-Хэйлунцзян	«Сила Сибири-2»	Расширение СПГ	Интеграция с новыми маршрутами и инфраструктурой
Условия реализации	Стабильный спрос КНР, ограниченная конкуренция, стабильность геополитики			

Источник: Рассчитано авторами.

Source: Calculated by the authors.

Сценарий 2: диверсификация КНР. Второй сценарий (Табл. 2) отражает стратегию Китая по диверсификации поставок энергоресурсов и снижению зависимости от российского экспорта.

Таблица 2. Сценарий 2 (диверсификация КНР).**Table 2.** Scenario 2 (China's diversification).

Показатель	2025–2030	2031–2040	2041–2050	2051–2060
Доля России в энергобалансе КНР, %	30–35	25–30	20–25	<20
Объём импорта СПГ из других стран, млн т	10	20	30	40
Условия реализации	Активное расширение СПГ-инфраструктуры, диверсификация поставок, поддержка стратегии энергетической безопасности КНР			

Источник: Рассчитано авторами.

Source: Calculated by the authors.

В рамках этого сценария КНР активно расширяет импорт СПГ из Катара, Австралии и США, увеличивая объём закупок до 20–30 млн т в год к 2030 г. Параллельно развиваются внутренние СПГ-терминалы и инфраструктура в северо-восточных провинциях, позволяя перераспределять потоки энергоресурсов. В этих условиях вполне закономерен пересмотр условий долгосрочных контрактов, включая объёмы поставок и ценовые формулы.

Сценарий 3: структурная трансформация. Переход на новые источники энергии, стремительно развивающийся в Китае, ведёт к снижению спроса на традиционные энергоресурсы (Табл. 3). В результате российская экспортная модель должна адаптироваться к новым условиям. Для России это означает расширение поставок СПГ с дальневосточных терминалов, развитие газохимических проектов и внедрение гибких логистических схем, позволяющих оперативно перенаправлять потоки в зависимости от колебаний спроса.

Таблица 3. Сценарий 3 (структурная трансформация).**Table 3.** Scenario 3 (structural transformation).

Показатель	2025–2030	2031–2040	2041–2050	2051–2060
Доля ВИЭ в энергобалансе КНР, %	42	45	47	48
Доля ядерной энергии, блоки	51	60	70	80
Импорт газа и угля из РФ, млн т	70	65	60	55
Основные меры	Интеграция водорода, развитие СПГ с низким углеродным следом, адаптация инфраструктуры РФ			

Источник: Рассчитано авторами.

Source: Calculated by the authors.

В этом сценарии значимость долгосрочных контрактов снижается, а ключевую роль начинают играть технологические и экологические стандарты. Россия должна учитывать требования к низкоуглеродному газу и интеграцию с альтернативными видами энергии в Китае. Новые форматы взаимодействия включают совместные инвестиции в СПГ, адаптацию трубопроводной инфраструктуры и проекты по газохимии с учётом устойчивости поставок. Реализация сценария возможна при продолжении энергетического перехода КНР, поддержке новых технологий и стимулировании спроса на гибкие формы поставок.

Заключение

Энергетическое сотрудничество Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР стратегически важно для обеих стран. На протяжении более десяти лет оно устойчиво развивалось и к настоящему времени достигло высоких результатов. Тем не менее, его динамика косвенно показывает, что в последние годы уже достигнут предел развития данного сотрудничества и для выхода на более высокий уровень требуется снятие текущих ограничений. С российской стороны они связаны с предельными пропускными возможностями инфраструктуры. В Китае национальные программные документы и поставленные цели определяют стремление государства снизить долю потребляемых традиционных энергоресурсов. Неопределённость мировой экономической ситуации также оказывает влияние на стабильность регионального энергетического сотрудничества.

Будущее энергетического сотрудничества Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР было представлено через призму трёх возможных траекторий развития. Согласно первому сценарию, стабильная экономико-политическая среда будет вести к углублению сотрудничества. Это будет выражаться в росте объёмов поставок энергоресурсов между регионами и в заключении новых долгосрочных контрактов на поставки. По второму сценарию продолжится диверсификация источников поставок энергоресурсов Китая, тем самым создавая более конкурентную среду и ценовое давление со стороны покупателя. Третий сценарий предполагает энергетическую трансформацию Китая, что станет причиной

снижения потребления традиционных энергоресурсов. В этих условиях России будет необходимо развивать новые источники энергии.

Наиболее вероятным представляется сочетание элементов всех трёх сценариев. Сохранение и возможное расширение трубопроводных поставок будет сопровождаться диверсификацией китайского импорта и изменением структуры спроса. В результате может сформироваться сложная модель сотрудничества, объединяющая поставки энергоресурсов, совместное развитие инфраструктуры, глубокую переработку сырья и технологическую кооперацию. Такая модель предполагает применение гибких контрактных механизмов и совместное распределение инвестиционных, ценовых и логистических рисков. Для её реализации необходимо расширить пропускную способность нефте- и газопроводов, Восточного полигона и пограничных переходов, модернизировать портовые и СПГ-терминалы, а также развивать газоперерабатывающие комплексы, хранилища газа и трансграничные линии электропередачи. Приоритетное значение сохраняют сухопутные маршруты, менее зависимые от морских логистических рисков. Важно отметить, что традиционные углеводороды в среднесрочной перспективе останутся основой российско-китайского энергетического сотрудничества. При этом их роль будет постепенно меняться. Наряду с энергетическим потреблением нефть и газ сохраняют значение как сырьё для нефтехимии, газохимии и металлургии КНР. Поэтому развитие возобновляемой энергетики не означает пропорционального сокращения китайского спроса на российские углеводороды.

Энергетическая политика России должна быть направлена как на увеличение экспорта, так и на развитие нефтехимии и газохимии, производство продукции с высокой добавленной стоимостью, расширение мощностей СПГ и освоение низкоуглеродных технологий. Долгосрочная устойчивость сотрудничества будет зависеть от сочетания надёжной инфраструктуры, глубокой переработки углеводородов, диверсификации маршрутов и развития новых технологических направлений. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены в области оценки влияния энергетического перехода Китая на структуру импорта российских углеводородов, а также на прогнозировании сценариев адаптации экспортной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Веселов Ф.В., Малахов В.А., Хоршев А.А., Новикова Т.В.* Цены на газ как фактор конкуренции технологий в электроэнергетике и темпов её декарбонизации: отраслевые, межотраслевые и макроэкономические последствия // Теплоэнергетика. 2025. № 11. С. 5–17. DOI 10.56304/S0040363625600302
- Дранев С.Я., Меловацкий А.Д., Дранев Ю.Я.* Сравнение институциональных условий крупнейшего нефтегазового бизнеса в России и за рубежом в ответ на шоки 2020 и 2022 годов // Проблемы прогнозирования. 2026. № 1. С. 106–118. DOI 10.47711/0868-6351-214-106-118
- Клименко В.В., Клименко А.В., Терешин А.Г.* Новая энергетическая стратегия России может привести её к выходу из Парижского соглашения // Теплоэнергетика. 2025. № 10. С. 5–16. DOI 10.56304/S004036362560051X
- Мазурова О.В.* Роль низкоуглеродных технологий в снижении энергоёмкости промышленности: методический подход и прогнозная оценка // Известия Томского политехнического университета. 2026. № 1 (337). С. 228–244. DOI 10.18799/24131830/2026/1/4991

Цзынань Л., Лылова Е.В. Достижения, вызовы и пути развития российско-китайского энергетического сотрудничества // Международная торговля и торговая политика. 2025. № 11 (3). С. 34–50. DOI 10.21686/2410-7395-2025-3-34-50

REFERENCES

- Draney S.Ya., Melovatskiy A.D., Draney Yu.Ya. (2026). Sravneniye institutsional'nykh usloviy krupneyshego neftegazovogo biznesa v Rossii i za rubezhom v otvet na shoki 2020 i 2022 godov [A comparison of the institutional conditions of the largest oil and gas businesses in Russia and abroad in response to the shocks of 2020 and 2022]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 1: 106–118. (In Russian). DOI 10.47711/0868-6351-214-106-118
- Klimenko V.V., Klimenko A.V., Tereshin A.G. (2025). Novaya energeticheskaya strategiya Rossii mozhet privesti ee k vykhodu iz Parizhskogo soglasheniya [Russia's new energy strategy could lead to withdrawal from the Paris Agreement]. *Teploenergetika* [Thermal Engineering], 10: 5–16. (In Russian). DOI 10.56304/S004036362560051X
- Mazurova O.V. (2026). Rol' nizkouglerodnykh tekhnologiy v snizhenii energoyemkosti promyshlennosti: metodicheskiy podkhod i prognoznaya otsenka [Role of low-carbon technologies in lowering industrial energy intensity: methodological approach and projection]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 337 (1): 228–244. (In Russian). DOI 10.18799/24131830/2026/1/4991
- Veselov F.V., Malakhov V.A., Khorshev A.A., Novikova T.V. (2025). Tseny na gaz kak faktor konkurentsii tekhnologiy v elektroenergetike i tempov ee dekarbonizatsii: otraslevyye, mezhotraslevyye i makroekonomicheskiye posledstviya [Gas prices as a factor of technology competition in the electric power industry and the pace of its decarbonization: sectoral, intersectoral and macroeconomic consequences]. *Teploenergetika* [Thermal Engineering], 11: 5–17. (In Russian). DOI 10.56304/S0040363625600302
- Zinan L., Lylova E.V. (2025). Dostizheniya, vyzovy i puti razvitiya rossiysko-kitayskogo energeticheskogo sotrudnichestva [Achievements, challenges and ways to develop Russian-Chinese energy cooperation]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 11 (3): 34–50. (In Russian). DOI 10.21686/2410-7395-2025-3-34-50
- * * *
- Apostolopoulos N., Goulas C., Flouros F., Papadopoulos G., Apostolopoulos S. (2026). The impact of the energy crisis on the food market, the energy transition, and energy poverty after the outbreak of the Russia–Ukraine war: a systematic literature review. *Frontiers in Sustainable Energy Policy*, 5: 1755555. DOI 10.3389/fsuep.2026.1755555
- Babina T., Hilgenstock B., Itskhoki O., Mironov M., Ribakova E., Shapoval N. (2026). Russian oil exports under international sanctions. *Energy Economics*, 153 (C): 109006. DOI 10.1016/j.eneco.2025.109006
- Cao W., Bluth C. (2013). Challenges and countermeasures of China's energy security. *Energy Policy*, 53: 381–388. DOI 10.1016/j.enpol.2012.10.070
- Fadeev A.M., Spiridonov A.A., Kondratov N.A., Zaikov K.S., Kuprikov M.Y., Kuprikov N.M. (2024). Energy cooperation of Russia and China in the Arctic: state and prospects. *Polar Geography*, 47 (1), 16–32. DOI 10.1080/1088937X.2024.2321143
- Guo J., Chen J., Yu R., Qiao Z., Liu X. (2023). Zhong E nengyuan hezuo fazhan de xianzhuang ji duice [Current situation and countermeasures for the development of China–Russia energy cooperation]. *Jinrong wentan* [Financial Tribune], 1: 99–101. (In Chinese). [郭济民, 陈佳序, 于瑞敏, 乔治轩, 刘炫孜. 中俄能源合作发展的现状及对策. 金融文坛].
- Kang R. (2022). Zhong E nengyuan hezuo sikao [Reflections on China–Russia energy cooperation]. *Dianqi gongye* [Electrical Industry], 3: 14–17. (In Chinese). [亢荣. 中俄能源合作思考. 电器工业].

- Li J., Hu Y. (2026). Analysis on the evolution of strategies for high-quality coordinated development of China–Russia subnational cooperation. *Discrete Dynamics in Nature and Society*, 1: 5539816. DOI 10.1155/ddns/5539816
- Liang J. (2024). Jin ji nian guoji nengyuan jinzhang de xingshi dui woguo nengyuan gongying de yingxiang [Impact of recent international energy tensions on China's energy supply]. *Shidai qiche* [Auto Time], 12: 37–39. (In Chinese). [梁峻豪. 近几年国际能源紧张的形势对我国能源供应的影响. 时代汽车].
- Lin S., Davidson N.B. (2024). Development of energy trade between Russia and China under EU and US economic sanctions. *International Trade and Trade Policy*, 10 (4): 42–58. DOI 10.21686/2410-7395-2024-4-42-58
- Ma L. (2014). Zhongguo Dongbei yu Xiboliya nengyuan hezuo wenti ji duice [Problems and countermeasures of energy cooperation between Northeast China and Siberia]. *Bianjiang jingji yu wenhua* [Border Economy and Culture], 12: 3. (In Chinese). [马莉恬. 中国东北与西伯利亚能源合作问题及对策. 边疆经济与文化]. DOI 10.3969/j.issn.1672-5409.2014.12.016
- Nguyen H.H., Nguyen D.H., Nguyen T.H.M., Chen X.H. (2026). Geopolitical fragmentation and energy transition inequalities: climate policy uncertainty, sanctions, and the oil and gas sector. *Energy Policy*, 210: 115048. DOI 10.1016/j.enpol.2025.115048
- Shao H., Han M. (2025). Zhong E nengyuan hezuo licheng, tezheng yu qianjing zhanwang [Evolution, characteristics and prospects of China–Russia energy cooperation]. *Zhongguo shiyou daxue xuebao (shehui kexue ban)* [Journal of China University of Petroleum (Social Sciences Edition)], 41 (3): 20–28. (In Chinese). [邵宏珠, 韩梦婷. 中俄能源合作历程、特征与前景展望. 中国石油大学学报 (社会科学版)].
- Sun M., Song Y., Ren F. (2026). Geopolitical fractures in energy markets: cross-dimensional analysis of security, socioeconomic, and policy landscapes under Russia-Ukraine conflict. *Energy Policy*, 208: 114930. DOI 10.1016/j.enpol.2025.114930
- Wang C., Chu N. (2024). Zhongguo Dongbei yu Eluosi Yuandong diqu chanye hezuo fazhan yanjiu [Study on the development of industrial cooperation between Northeast China and the Russian Far East]. *Jingji yanjiu daokan* [Economic Research Guide], 3: 20–24. (In Chinese). [王成, 初楠臣. 中国东北与俄罗斯远东地区产业合作发展研究. 经济研究导刊]. DOI 10.3969/j.issn.1673-291X.2024.03.006.
- Wang G., Do H.X., Liu C., Sbai E., Silva E. (2026). Shifting roles of renewable and fossil energy in the ENTSO-E countries: evidence from a novel war-induced energy intensity index. *Energy Policy*, 210: 115083. DOI 10.1016/j.enpol.2026.115083
- Wang Z., Wang F. (2014). Zhongguo Dongbei yu Eluosi Yuandong nengyuan hezuo duice yanjiu [Study on countermeasures for energy cooperation between Northeast China and the Russian Far East]. *Liaoning shizhuan xuebao (shehui kexue ban)* [Journal of Liaoning Teachers College (Social Sciences Edition)], 4: 4. (In Chinese). [王泽宇, 王福君. 中国东北与俄罗斯远东能源合作对策研究. 辽宁师专学报 (社会科学版)]. DOI 10.3969/j.issn.1008-3898.2014.04.004
- Xiang Y., Xu Y. (2025). Zhong E “Dongbei–Yuandong” quyu jingmao hezuo: lishi luoji, xianshi kunjing yu lujing xuanze [China–Russia “Northeast–Far East” regional economic and trade cooperation: historical logic, current difficulties and path choice]. *Heilongjiang sheng shehui zhuyi xueyuan xuebao* [Journal of Heilongjiang Institute of Socialism], 4: 5–13. (In Chinese). [项义军, 许永继. 中俄“东北—远东”区域经贸合作: 历史逻辑、现实困境与路径选择. 黑龙江省社会主义学院学报].
- Zabortseva T.I., Kruchinin I.S. (2025). Study of the development potential of the oil-and-gas extraction industry in Eastern Siberia: opportunities and limitations. *Geography and Natural Resources*, 46: S82–S87. DOI 10.1134/S1875372825700465

- Zhang L., Bai W. (2020). Risk assessment of China's natural gas importation: a supply chain perspective. *SAGE Open*, 10 (3): 1–15. DOI 10.1177/2158244020939912
- Zhu H., Fang H., Ding Z., Feng K., Ding S. (2025). Measurement and analysis of natural gas trade potential between China and Russia under the “dual carbon” goal: insights from the stochastic frontier gravity model. *Energy Sources, Part B: Economics, Planning, and Policy*, 20 (1): 2542877. DOI 10.1080/15567249.2025.2542877

Поступила в редакцию: 03.06.2026
Принята к публикации: 29.07.2026

Received: Jun 3, 2026
Accepted: Jul 29, 2026

DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-22-33

Политический курс Такаити Санаэ в отношении КНДР

Домахина Юлия Андреевна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Статья посвящена анализу политики Японии в отношении КНДР при администрации премьер-министра Такаити Санаэ. Первостепенной задачей японского правительства на этом направлении по-прежнему остаётся сдерживание так называемой северокорейской угрозы в свете планомерного роста ракетно-ядерного потенциала Пхеньяна. При этом ракетно-ядерная программа КНДР становится устойчивым элементом стратегического планирования Японии и используется как фактор обоснования расширения оборонных возможностей страны. В региональном измерении политика Такаити отличается укреплением координации по проблеме КНДР с Вашингтоном и Сеулом. Автор исследует динамику развития оборонного сотрудничества в формате треугольника Япония–США–РК, которая демонстрирует тенденции к дальнейшему углублению. Во главу угла дипломатической повестки на северокорейском векторе Такаити ставит вопрос о судьбах похищенных японских граждан и выдвигает инициативу о личной встрече с Ким Чен Ыном. Несмотря на формальную открытость японского руководства к диалогу, перспектива проведения японо-северокорейского саммита маловероятна, что связано с различиями в понимании сторонами рамок переговорного процесса. Автор приходит к выводу, что для курса Такаити Санаэ в отношении Северной Кореи характерен подход «давления и диалога», в котором силовое сдерживание преобладает над дипломатической составляющей.

Ключевые слова: Япония, Северная Корея, США, Республика Корея, Такаити Санаэ, ракетно-ядерная программа, проблема похищенных японцев.

Автор: Домахина Юлия Андреевна, младший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0007-3182-8934. SPIN-код: 3533-1598. E-mail: domakhina_julia@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2024-0016 «Япония в АТР: политика, безопасность, экономика»).

Для цитирования: Домахина Ю.А. Политический курс Такаити Санаэ в отношении КНДР // Восточная Азия: факты и аналитика. 2026. Т. 8. № 3. С. 22-33. DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-22-33

Takaichi Sanae's political course towards North Korea

Domakhina Yulia A.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article analyzes Japan's policy towards the DPRK under the administration of Prime Minister Takaichi Sanae. The primary objective of Japanese government on this track remains containing the so-called North Korean threat in the light of the systematic growth of Pyongyang's nuclear missile potential. At the same time, the DPRK's nuclear missile program is becoming a stable element of Japan's strategic planning and is being used as a justification for expanding the country's defense capabilities. At the regional level, Takaichi's policy is notable for strengthening coordination on the DPRK issue with Washington and Seoul. The author describes the dynamics of defense cooperation within the Japan–USA–ROK triangle, which shows signs of further deepening. Takaichi prioritizes the abduction issue on the diplomatic agenda and puts forward the initiative for a personal meeting with North Korean leader Kim Jong Un. Despite the formal openness of the Japanese leadership to dialogue, the prospect of a Japan–North Korea summit is unlikely, due to the different views of the parties on the framework of the negotiation process. The author concludes that Takaichi Sanae's policy towards North Korea is characterized by two-track approach of pressure and dialogue, in which deterrence prevails over diplomacy.

Keywords: Japan, North Korea, US, Republic of Korea, Takaichi Sanae, nuclear missile program, the Japanese abduction issue.

Author: Domakhina Yulia A., Junior Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0009-0007-3182-8934. SPIN-code: 3533-1598. E-mail: domakhina_julia@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0016 “Japan in the Asia-Pacific region: politics, security, economy”).

For citation: Domakhina Yu.A. (2026). Politicheskiy kurs Takaiti Sanae v otnoshenii KNDR [Takaichi Sanae's political course towards North Korea]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 8 (3): 22-33. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-22-33

Введение

В официальной позиции правительства Японии северокорейский вопрос напрямую связан с обеспечением национальной безопасности и рассматривается как приоритетное направление внешней и оборонной политики. В её основе лежат подходы Токио к таким проблемам, как продолжающаяся модернизация северокорейской ракетно-ядерной программы и нерешённая проблема похищенных японских граждан.

Центральное место во внешнеполитическом курсе Токио на северокорейском направлении продолжает занимать проблема ракетно-ядерного потенциала КНДР. Белая книга по обороне Японии за 2025 г. отражает изменение характера «угроз», исходящих от КНДР. Акценты в документе сделаны на развитии Пхеньяном баллистических технологий, системы спутникового слежения, на участившихся испытаниях ракет различных классов, в

том числе гиперзвуковых. Подобные действия рассматриваются Японией как «прямая угроза национальной безопасности и вызов для всего Азиатско-Тихоокеанского региона, обстановка в котором всё больше обостряется»¹. Особо острый характер так называемая северокорейская угроза приобретает в свете участвовавших ракетных испытаний Пхеньяна, которые нередко проходят в непосредственной близости от японской территории. В период 2017–2025 гг. случаи пролёта северокорейских ракет над японским архипелагом сопровождались активацией системы раннего предупреждения J-Alert, что вызвало резонанс внутри японского общества. В связи с этим северокорейский ракетно-ядерный потенциал занимает значимое место в повестке безопасности Токио.

Вместе с тем руководство Японии вынуждено учитывать происходящие трансформации в системе региональной безопасности. Токио глубоко обеспокоен укреплением связей между КНДР, Китаем и Россией, рассматривает сотрудничество трёх стран как «тревожный сигнал». В аналитическом докладе Национального института оборонных исследований Японии отмечается, что «фактический альянс Москвы, Пекина и Пхеньяна» создаёт угрозу безопасности с трёх сторон. Кроме того, японские эксперты подчёркивают, что в условиях обострения отношений между Токио и Пекином северокорейские власти стремятся использовать геополитическую турбулентность для «продвижения ракетно-ядерных амбиций и укрепления своих позиций в регионе»².

В фокусе внешней политики Японии остаётся насущной проблема похищений японских граждан спецслужбами КНДР в 1970–80-х гг. В Синей книге по дипломатии за 2025 г. проблема похищенных японцев рассматривается не только с точки зрения гуманитарного аспекта, но и в контексте национальной безопасности. В документе отмечается, что проблема похищений представляется не только «примером нарушения основных прав человека», но и «важнейшим вопросом, касающимся суверенитета Японии, жизни и безопасности японских граждан», решение которого – одна из приоритетных задач японского руководства³. С точки зрения Токио, вопрос о похищенных японцах наряду с ракетно-ядерной программой КНДР является камнем преткновения на пути к нормализации двусторонних отношений [Гринюк 2006]. На протяжении десятилетий спектр данных проблем задаёт направление политики в отношении Пхеньяна. При действующей администрации Такаити Санаэ северокорейский вектор политики Японии характеризуется сочетанием прежних подходов с формированием новых тенденций, обусловленных требованиями региональной безопасности.

¹ Defense of Japan 2025 (Annual White Paper). Ministry of Defense of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/index.html (accessed: Jan 21, 2026).

² Japan government report expresses alarm at 'new world order' of these three ally nations. *Independent*, Nov 20, 2025. URL: <https://www.independent.co.uk/asia/japan/japan-new-world-order-north-korea-russia-china-b2868791.html> (accessed: Feb 10, 2026).

³ Diplomatic Bluebook 2025. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100866935.pdf> (accessed: Feb 12, 2026).

Подходы администрации Такаити Санаэ в отношении Северной Кореи

Такаити Санаэ, представляющая консервативное крыло японской политики, опирается на давно сложившуюся в правительственных кругах линию в отношении КНДР [Стрельцов, Нака, Нелидов 2025]. Ключевым приоритетом для японского правительства по-прежнему остаётся обеспечение национальной безопасности в свете ракетно-ядерной «угрозы», исходящей со стороны Северной Кореи. Как и её предшественники, Такаити категорически отвергает ракетно-ядерную программу КНДР и выражает приверженность полной денуклеаризации Корейского полуострова. При этом в риторике Такаити появились новые акценты. В одном из публичных выступлений премьер-министр прямо назвала Северную Корею «ядерным государством»⁴, что противоречит официальной позиции Токио о непризнании ядерного статуса КНДР. Факт подобного заявления весьма показателен. Он отражает не изменение официальной позиции японского правительства, а более трезвое восприятие сложившейся ситуации в области региональной безопасности. Такаити хорошо осознаёт, что игнорировать растущий ракетно-ядерный потенциал КНДР на сегодняшний день невозможно, а потому в практической политике японского руководства учитывается реальный характер так называемой северокорейской угрозы.

Основные столпы политики администрации Такаити в отношении КНДР включают:

- 1) развитие Японией собственного военного потенциала в свете усиления ракетно-ядерной «угрозы» со стороны Пхеньяна;
- 2) укрепление сотрудничества в области безопасности по линии Токио–Вашингтон–Сеул;
- 3) формальную установку на достижение диалога с северокорейским руководством.

По мере расширения ракетно-ядерных возможностей КНДР в политике Токио в сфере безопасности наблюдаются непрерывные изменения. Период последних лет определил новый вектор японской оборонной политики, в котором оформился переход от исключительно оборонительной стратегии к практической реализации концепции «проактивной обороны» [Matsuda 2023]. С приходом к власти Такаити обозначились тенденции к более напористому и ускоренному курсу на пересмотр послевоенной политики Японии в области безопасности.

Заняв должность премьер-министра, Такаити Санаэ подтвердила намерение продолжать развитие японского военного потенциала, заявив, что цель по увеличению военных расходов будет достигнута досрочно – уже к марту 2026 г., и инициировав пересмотр ключевых документов в сфере безопасности. После победы ЛДПЯ на досрочных парламентских выборах в феврале 2026 г. Такаити вновь пообещала пересмотреть основные документы в области безопасности, ускорить наращивание военного потенциала страны, смягчить ограничения на экспорт вооружений и создать «национальный разведывательный совет» под своим руководством. Необходимость подобных преобразований лидер объяснила тем, что Япония сталкивается с «самой серьёзной и сложной обстановкой в сфере безопасности в АТР» со времён Второй мировой войны, указав на «расширение военной

⁴ Премьер Японии назвала КНДР ядерной державой. *РИА Новости*, 27.01.2026. URL: <https://ria.ru/20260127/yaponiya-2070456514.html> (дата обращения: 30.04.2026).

активности Китая, ракетные и ядерные возможности Северной Кореи, углубление связей между Пекином, Москвой и Пхеньяном»⁵.

Инициативы Такаити получили практическую реализацию в апреле 2026 г., когда правительство Японии одобрило поправки «Трёх принципов передачи оборонного оборудования и технологий». Этот шаг предоставляет возможность экспортировать все виды вооружений (в том числе летательные) в 17 стран, с которыми Японию связывают подписанные соглашения в области обороны. Иностранные аналитики отмечают, что выход на мировой рынок вооружений позволит Японии расширить партнёрские отношения в сфере безопасности и «получить рычаги влияния при планировании действий в случае непредвиденных обстоятельств». Помимо этого, пересмотр политики в области экспорта вооружений повышает роль Японии в АТР, «где страна теперь выступает в качестве активного участника сдерживания»⁶.

Происходящие при администрации Такаити изменения в оборонном законодательстве необходимо рассматривать шире, чем ответ на текущие угрозы безопасности в регионе. Они являются частью постепенного изменения японской стратегической культуры и отражают ускорившийся отход Японии от приверженности пацифизму. В обозримой перспективе принятые инициативы могут стать почвой для перехода к коренным преобразованиям японской послевоенной оборонной политики, включая пересмотр 9-й статьи Конституции, о возможности которого Такаити ранее заявляла на съезде ЛДПЯ 12 апреля 2026 г.

В контексте эволюции японской политики в области безопасности фактор КНДР выполняет две функции. С одной стороны, Япония воспринимает ракетно-ядерную программу Пхеньяна и участвовавшие ракетные испытания как реальную угрозу. С другой, так называемая северокорейская угроза выполняет роль фактора формирования общественного мнения и консолидации общества: японское руководство, объясняя необходимость изменения оборонного законодательства, ссылается именно на растущие проблемы безопасности, среди которых ракетно-ядерный потенциал Пхеньяна занимает одно из центральных мест. Сразу после того, как в марте 2026 г. КНДР осуществила запуск более десяти баллистических ракет в сторону Японского моря, японская газета *Yomiuri Shimbun* провела опрос общественного мнения, согласно которому 56% респондентов рассматривали Северную Корею как «угрозу национальной безопасности», а 74% опрошенных положительно отнеслись к укреплению оборонных возможностей Японии⁷.

По мнению экспертов, мотивацией к обретению Японией большей независимости в обеспечении собственной безопасности стал повторный приход Дональда Трампа к власти в США [Кистанов 2025]. Существующая настороженность в отношении администрации

⁵ Policy speech by Prime Minister Takaichi Sanae to the 221st Session of the Diet. *Prime Minister's Office of Japan*, Feb 20, 2026. URL: <https://japan.kantei.go.jp/105/statement/202602/20shiseihoshin.html> (accessed: Mar 10, 2026).

⁶ Pitassi M. Japan's shift from the Yoshida Doctrine to the Takaichi Doctrine: the start of the Japanese active deterrence Asia Pacific diplomacy and security. *BISI*, May 13, 2026. URL: <https://bisi.org.uk/reports/japans-shift-from-the-yoshida-doctrine-to-the-takaichi-doctrine-the-start-of-the-japanese-active-deterrence> (accessed: May 17, 2026).

⁷ 62% want to be among safest countries in the world. *The Yomiuri Shimbun*, Mar 27, 2026. URL: <https://japannews.yomiuri.co.jp/society/general-news/20260327-318828/> (accessed: Apr 27, 2026).

Трампа, вызванная тарифной политикой американского лидера⁸, его пренебрежением к многосторонним институтам сотрудничества и непредсказуемостью в принятии внешнеполитических решений, углубляет недоверие Токио относительно того, что Вашингтон готов выполнить свои гарантии безопасности при любых обстоятельствах. Тем не менее, американо-японский альянс сохраняет ключевое место в контексте сдерживания КНДР, поскольку именно американский фактор остаётся основой системы безопасности Японии в западной части Тихого океана [Bradford 2021]. В условиях роста ракетно-ядерного потенциала Пхеньяна расширение японо-американского сотрудничества подразумевает конкретные механизмы противодействия: проведение совместных военных учений, поддержание санкционного режима, модернизацию военного сотрудничества, развитие совместной сферы противоракетной обороны.

В то же время Япония тесно согласовывает свой курс на северокорейском направлении с Республикой Корея. Связующим звеном координации усилий в отношении КНДР для Японии при администрации Такаити остаётся треугольник Токио–Вашингтон–Сеул [Кистанов 2026]. После прошедшего в августе 2023 г. саммита в Кэмп-Дэвиде, в ходе которого треугольник получил институциональное оформление, союзники определили сдерживание Пхеньяна в качестве одного из основных направлений сотрудничества. Это обязательство осталось неизменным даже после возвращения к власти Трампа и смены южнокорейской администрации, поскольку стороны продолжают последовательно подтверждать «общую приверженность полной денуклеаризации Северной Кореи»⁹.

Спустя почти три года с момента встречи в Кэмп-Дэвиде сотрудничество в рамках треугольника демонстрирует устойчивую динамику. Практическую реализацию получила инициатива по внедрению механизма обмена данными о северокорейских ракетных запусках в режиме реального времени, активизировались регулярные встречи глав внешнеполитических и военных ведомств трёх стран. Значительную трансформацию претерпели совместные военные учения: с июня 2024 г. Токио, Вашингтон и Сеул приступили к проведению серии трёхсторонних манёвров Freedom Edge, главной особенностью которых стала интеграция воздушных, морских и киберопераций. По заявлению сторон, совместные манёвры направлены на «укрепление оперативных возможностей трёх стран, отработку сценариев реагирования и усиление сдерживания ракетно-ядерной угрозы, исходящей от КНДР»¹⁰.

Между тем главные опасения Пхеньяна связаны именно с наращиванием военного присутствия США и их союзников в районе Корейского полуострова [Жебин 2025]. После проведения третьего раунда Freedom Edge в сентябре 2025 г. ЦТАК опубликовало два заявления высокопоставленных северокорейских чиновников. В одном из них директор департамента ЦК ТПК Ким Ё Чжон (сестра Ким Чен Ына) отметила, что «безрассудная

⁸ Парамонов О.Г. «Японский кульбит» Ли Чжэ Мёна: стратегия или тактика? *Международная жизнь*, 25.06.2025. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/51986> (дата обращения: 27.05.2026).

⁹ Japan-ROK summit meeting. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, Jan 13, 2026. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/pageite_000001_01454.html (accessed: Apr 30, 2026).

¹⁰ US, ROK, Japan to hold multi-domain drills against North Korea, first under Lee. *NK News*, Sep 5, 2025. URL: <https://www.nknews.org/2025/09/us-rok-japan-to-hold-multi-domain-drills-against-north-korea-first-under-lee/> (accessed: May 5, 2026).

демонстрация силы, которую США, Япония и Республика Корея проявляют вокруг КНДР, приведёт к негативным последствиям для самих союзников»¹¹. А заместитель председателя ЦВК ТПК Пак Чон Чхон заявил, что «агрессивный характер военных учений представляет серьёзную угрозу безопасности КНДР и большие риски подрыва региональной стабильности», и предупредил, что в том случае, если «США и их союзники продолжат демонстрировать безрассудные военные действия, Пхеньян ответит контрмерами в усиленной форме»¹².

Сложившаяся обстановка в районе Корейского полуострова укрепляет уверенность КНДР в том, что наиболее подходящим вариантом для обеспечения безопасности режима и предотвращения внешнего вмешательства является непрерывное наращивание ракетно-ядерного потенциала. Соответственно, на фоне усиления военного присутствия США, Японии, РК вблизи северокорейских границ Пхеньян предпринимает меры для укрепления собственной обороноспособности, продолжая модернизировать ракетный арсенал и учащая испытательные запуски. Спустя месяц после состоявшихся учений союзников Ким Чен Ын в ходе военного парада, посвящённого 80-летию Трудовой партии, продемонстрировал твёрдотопливную МБР «Хвасон-20», которая, по оценкам экспертов, способна достичь любой точки материковой части США¹³, а 22 октября 2025 г. КНДР произвела успешные испытания новых гиперзвуковых баллистических ракет малой дальности. Таким образом, ситуация вокруг ракетно-ядерной проблемы превратилась в замкнутый круг, когда военная активность треугольника, направленная на «сдерживание северокорейской угрозы», форсирует модернизацию ракетно-ядерного арсенала КНДР.

Однако Такаити Санаэ ясно обозначила намерение продолжать углубление военного сотрудничества по линии Токио–Вашингтон–Сеул. Договорённость о развитии трёхсторонней координации «в интересах регионального мира и стабильности» была подтверждена в ходе личных встреч Такаити с американским лидером Дональдом Трампом и президентом РК Ли Чжэ Мёном. Кроме того, в марте 2026 г. внешнеполитические ведомства США, Японии и РК организовали совместное мероприятие в Праге, посвящённое «противодействию киберугрозам» со стороны Северной Кореи в Европе. Участники форума обсудили «текущую ситуацию с кибердеятельностью Северной Кореи, направленной на обход международных санкций и финансирование ракетно-ядерной программы, включая кражи криптовалюты и деятельность корейских IT-специалистов за рубежом» и подтвердили «важность усиления защиты от киберугроз посредством развития сотрудничества государства с частным сектором»¹⁴.

¹¹ Allies launch dual exercises amid N. Korea's rare twin threats. *The Korea Herald*, Sep 14, 2025. URL: <https://m.koreaherald.com/article/10575122> (accessed: May 6, 2026).

¹² Press Statement issued by Vice-Chairman of WPK Central Military Commission. *KCNA*, Sep 14, 2025. URL: <http://www.kcna.kp/en/article/q/59b4eb9b3cc6925359ade3537d043ec823ac33ef236e878ddcc8df5c8186b3d6.kcmsf> (accessed: May 6, 2026).

¹³ Асмолов К. Первый ракетный пуск КНДР при новом президенте РК. *Новое Восточное Обозрение*, 28.10.2025. URL: <https://journal-neo.su/ru/2025/10/28/pervyj-raketnyj-pusk-kndr-pri-novom-prezidente-rk/> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁴ Japan-U.S.-ROK public-private event to counter North Korea's cyber threats in Europe. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, Mar 17, 2026. URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/pressite_000001_02184.html (accessed: May 7, 2026).

Координация усилий Японии с США и РК, помимо нацеленности на сдерживание так называемой северокорейской угрозы, отражает антикитайский и антироссийский характер треугольника. В официальных японских документах, посвящённых обеспечению безопасности, Китай и Россия продолжают фигурировать в списке «главных угроз в АТР» наряду с ракетно-ядерной программой КНДР¹⁵. Особую тревогу Токио вызывает продолжающееся в последние годы сближение на треке Москва–Пекин–Пхеньян. Японские эксперты и политические круги отмечают, что укрепление стратегического партнёрства стран привело к «ухудшению геополитического ландшафта вокруг Японии, которая сталкивается с угрозами безопасности на трёх фронтах»¹⁶. Помимо прочего, Токио рассматривает расширение сотрудничества между Россией, Китаем и КНДР в контексте возможного усиления северокорейского ракетно-ядерного потенциала. Опасения японского руководства заметно возросли после ратификации осенью 2024 г. Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между РФ и КНДР, следствием которого может стать потенциальная передача Северной Корее технологий в военной сфере [Стрельцов 2025]. По мнению японских экспертов, вышеупомянутый Договор «заложил основу для военно-технического сотрудничества Москвы и Пхеньяна, что в перспективе позволит КНДР эффективно развивать ракетную и ядерную программы»¹⁷. С другой стороны, укрепление связей по линии РФ–КНР–КНДР значительно ослабляет политическую и экономическую изоляцию Пхеньяна, что подрывает усилия Токио по «сдерживанию северокорейских ядерных амбиций» через международное давление. Учитывая позитивную динамику в отношениях между Россией, Китаем и Северной Кореей, администрация Такаити, не раз подтверждавшая «серьёзную обеспокоенность политикой соседей»¹⁸, будет стремиться к более тесному трёхстороннему взаимодействию с Вашингтоном и Сеулом.

Возможен ли диалог?

В то же время официальный курс японского правительства формально сохраняет установку на диалог с КНДР, о чём свидетельствуют положения ежегодного доклада МИД Японии – Синей книги по дипломатии за 2025 г. В документе подчёркивается готовность к нормализации отношений с КНДР при условии прекращения дальнейших ядерных и ракетных испытаний и продвижения по одному из наиболее болезненных для Токио

¹⁵ Defense of Japan 2025 (Annual White Paper). Ministry of Defense of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/index.html (accessed: May 8, 2026).

¹⁶ Shin Kawashima. Japan's updated defence strategy leaves crucial details to be determined. *East Asia Forum*, Mar 21, 2023. URL: <https://eastasiaforum.org/2023/03/21/japans-updated-defence-strategy-leaves-crucial-details-to-be-determined> (accessed: May 12, 2026).

¹⁷ Hirohito O. Japan-U.S.-South Korea trilateral cooperation in response to the Russia-North Korea partnership. *IOG*, Jul 4, 2024. URL: <https://instituteofgeoeconomics.org/en/research/2024070401/> (accessed: May 12, 2026).

¹⁸ Russia says peace talks with Japan only possible if Tokyo abandons 'anti-Russian course'. *Reuters*, Oct 30, 2025. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/russia-says-peace-talks-with-japan-possible-if-it-abandons-anti-russian-course-2025-10-30/> (accessed: Mar 17, 2026).

вопросов – проблеме похищенных северокорейскими спецслужбами японских граждан в 1970–80-х гг.¹⁹.

Готовность японского руководства к прямым контактам с Пхеньяном подтвердил глава МИД Японии Мотэги Тосимицу, отметив, что добиваться нормализации японо-северокорейских отношений Токио продолжит «путём всестороннего решения вопросов, вызывающих озабоченность»²⁰. Тем самым японское правительство подчёркивает, что дипломатический канал не закрыт, но тесно связан с конкретными шагами северокорейской стороны по ракетно-ядерной проблеме и вопросу похищений.

Сама Такаити Санаэ с момента прихода к власти неоднократно выражала приверженность развитию прямого диалога с Ким Чен Ыном для обсуждения проблемы похищенных японцев. Стремление Такаити наладить диалог, включив в повестку столь наболевший для японской стороны вопрос, объясняется несколькими факторами. На личном уровне оно обусловлено желанием премьер-министра укрепить свой политический имидж. Возможный саммит с главой КНДР позволил бы Такаити продемонстрировать образ «решительного» лидера и «законной преемницы» Абэ Синдзо, который считал решение проблемы похищений «делом всей жизни»²¹. Другая причина кроется в стратегических интересах Токио. Северная Корея традиционно не склонна рассматривать Японию в качестве ключевого самостоятельного переговорщика. Неучастие Японии в американо-северокорейских и межкорейских саммитах в 2019 г. ещё более подчеркнуло отсутствие дипломатического веса страны в глазах северокорейского руководства. Соответственно, личная встреча Такаити и Ким Чен Ына может способствовать повышению роли японской региональной дипломатии.

Таким образом, администрация Такаити придерживается курса, в рамках которого сохраняется нацеленность на прямой диалог с Пхеньяном, однако стремление использовать возможный саммит в качестве площадки для продвижения по конкретной проблеме похищенных японских граждан заведомо ограничивает пространство переговоров. Официальная позиция Токио сформулирована однозначно: без урегулирования проблемы похищений нормализация отношений с КНДР невозможна. Другими словами, гуманитарный аспект выведен в разряд предварительных условий, а не сопутствующих элементов переговорного процесса. В свою очередь, Пхеньян демонстрирует глубокое безразличие к обсуждению темы похищенных, поскольку, по мнению северокорейских властей, они уже пошли на существенные уступки в этом вопросе в начале 2000-х гг., получив взамен прекращение связей и дополнительные требования [Дьячков 2021]. Эту точку зрения

¹⁹ Diplomatic Bluebook 2025. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100866935.pdf> (accessed: Feb 12, 2026).

²⁰ Foreign Policy Speech by Minister for Foreign Affairs Motegi to the 221st Session of the Diet. Ministry of Foreign Affairs of Japan, Feb 20, 2026. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pp/pageite_000001_01492.html (accessed: May 14, 2026).

²¹ The domestic roots of Takaichi's North Korea abduction overtures. East Asia Forum, Mar 28, 2026. URL: <https://eastasiaforum.org/2026/03/28/the-domestic-roots-of-takaichis-north-korea-abduction-overtures/> (accessed: May 17, 2026).

подтверждают и заявления руководства КНДР о незаинтересованности в переговорах по «односторонней, давно решённой» проблеме²².

Аналогичная ситуация складывается вокруг северокорейской ракетно-ядерной программы. Политика японского руководства, сохраняющего приверженность денуклеаризации Корейского полуострова, идёт вразрез с позицией Пхеньяна, заключающейся в том, что вопрос касательно его ракетно-ядерного потенциала «окончательно закрыт и не подлежит дальнейшему обсуждению»²³.

Попытки Японии вести политику «с позиции силы, настаивая на ядерном разоружении Пхеньяна и разрешении проблемы похищенных» подвергаются резкой критике со стороны КНДР²⁴. К тому же санкционное давление и наращивание военного сотрудничества Японии с союзниками в районе Корейского полуострова рассматриваются северокорейским руководством как «враждебная политика». Тем не менее, совершенно очевидно, что администрация Такаити не собирается отступать от нынешнего курса в отношении Пхеньяна, что сводит к нулю возможность проведения японо-северокорейского саммита в обозримом будущем.

Заключение

Курс администрации Такаити Санаэ в отношении КНДР сочетает два разноплановых, но традиционно совместимых в японской политике на северокорейском направлении вектора. С одной стороны, Токио усиливает политику сдерживания так называемой северокорейской угрозы в свете планомерного роста ракетно-ядерного потенциала Пхеньяна. С другой – японское правительство формально ориентировано на возобновление диалога с северокорейским руководством.

Стратегия противодействия КНДР при администрации Такаити базируется на комплексном подходе: помимо поддержки устоявшегося санкционного режима, основной акцент сместился на развитие военных инструментов сдерживания, как собственными усилиями, так и в рамках треугольника Япония–США–РК.

С приходом к власти Такаити обозначились тенденции к ускоренному наращиванию Японией собственного оборонного потенциала, что подтверждают инициативы премьер-министра, в том числе перспектива пересмотра 9-й статьи Конституции. Стремление Токио к приобретению большей самостоятельности в вопросе обеспечения собственной безопасности обусловлено ухудшением стратегической среды вокруг Японии: помимо развития ракетно-ядерной программы КНДР, японское руководство рассматривает в качестве основных региональных «угроз» Китай и Россию и выражает серьёзную озабоченность в связи с укреплением связей по линии Москва–Пекин–Пхеньян. Стратегическую нестабильность для Японии в АТР усиливают опасения относительно второго президентского срока Трампа,

²² Sister of Kim Jong Un takes negative stance toward Takaichi's desire to meet Kim. *NHK World-Japan*, Mar 23, 2026. URL: https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/20260323_20/ (accessed: May 17, 2026).

²³ КНДР считает вопрос денуклеаризации окончательно закрытым. *TACC*, 11.07.2026. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/27907793> (дата обращения: 27.07.2026).

²⁴ Ким Ен Ун. Япония стремится вести разговор с КНДР с позиции силы. *ИКСА РАН*, 29.03.2024. URL: <https://www.icaras.ru/news/yaponiya-stremitsya-vesti-razgovor-s-kndr-s-pozitsii-sily.html> (дата обращения: 17.05.2026).

внешнеполитический курс которого отличается непредсказуемостью и транзакционным подходом. В этих условиях Токио не может полагаться исключительно на американские гарантии безопасности, поэтому администрация Такаити продолжит двигаться в сторону наращивания собственных оборонных возможностей.

Тем не менее, японо-американский альянс по-прежнему является краеугольным камнем в оборонной политике Японии и играет ключевую роль в стратегии сдерживания КНДР. Администрация Такаити сохраняет курс на углубление сотрудничества в области безопасности с Вашингтоном при одновременной координации действий с Сеулом. Платформой для объединения усилий на северокорейском направлении остаётся треугольник Япония–США–РК, в рамках которого политика противодействия Пхеньяну приобрела многоуровневый характер: стороны вырабатывают согласованный подход в отношении ракетно-ядерной программы КНДР, поддерживая усиление экономического давления, развивая каналы обмена разведанными и наращивая военную активность в районе Корейского полуострова.

Вместе с тем Такаити стремится совместить силовой компонент политики в отношении Северной Кореи с открытой дипломатической инициативой, не выходя за рамки национальных приоритетов безопасности. Для Японии такая позиция подразумевает включение вопросов, связанных с ракетно-ядерной программой КНДР и судьбами похищенных японских граждан, в повестку возможного саммита. Хотя риторика Такаити по поводу готовности к личной встрече с Ким Чен Ыном выглядит как открытость к диалогу, рамки переговоров определены заранее. С точки зрения северокорейской стороны, считающей данные темы давно закрытыми, переговоры с Токио в подобном формате лишены смысла. Следовательно, сценарий, в котором инициатива Такаити получит практическое продолжение, едва ли осуществим. Как представляется, дипломатическая составляющая премьер-министра на северокорейском направлении будет строиться вокруг выработки общей стратегии и координации позиций с союзниками, а не поиска путей для достижения диалога с Пхеньяном. Основной же акцент сохранится на многоуровневом сдерживании КНДР посредством дальнейшего развития собственных оборонных возможностей Японии и укрепления сотрудничества с Вашингтоном и Сеулом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гринюк В.А.* Проблема «похищенных японцев» в отношениях Японии и КНДР // Ежегодник Япония. 2006. № 35. С. 55–70.
- Дьячков И.В.* Взаимные исторические претензии КНДР и Японии // Японские исследования. 2021. № 2. С. 78–91. DOI 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91
- Жебин А.З.* О перспективах отношений США с КНДР // Власть. 2025. Т. 33. № S4. С. 99–111.
- Кистанов В.О.* Япония и КНДР: будет ли нормализация отношений? // Проблемы Дальнего Востока. 2026. № 1. С. 5–25. DOI 10.55105/2500-2872-2025-3-5-25
- Кистанов В.О.* Внешняя политика Японии в эпоху Трампа 2.0: будут ли перемены? // Японские исследования. 2025. № 3. С. 51–62. DOI 10.55105/2500287220253525
- Стрельцов Д.В.* Японо-американские отношения в сфере безопасности при кабинете Исибы: новый вектор развития? // Россия и АТР. 2025. № 2. С. 126–145. DOI 10.24412/1026-8804-2025-2-126-145

Стрельцов Д.В., Нака К.О., Нелидов В.В. Семинар «Япония на этапе политической турбулентности»
// Японские исследования. 2025. № 4. С. 154–172. DOI 10.55105/2500-2872-2025-4-154-172

REFERENCES

- Dyachkov I.V. (2021). Vzaimnyye istoricheskiye pretenzii KNDR i Yaponii [Mutual historical accusations between the DPRK and Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2: 78–91. (In Russian). DOI 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91
- Grinyuk V.A. (2006). Problema “pokhishchennykh yapontsev” v otnosheniyakh Yaponii i KNDR [The problem of the «abducted Japanese» in Japan-DPRK relations]. *Ezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 35: 55–70. (In Russian).
- Kistanov V.O. (2026). Yaponiya i KNDR: budet li normalizatsiya otnosheniy? [Japan and North Korea: will there be a normalization of relations?]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 1: 51–62. (In Russian). DOI 10.7868/S2712909826010048
- Kistanov V.O. (2025). Vneshnyaya politika Yaponii v epokhu Trampa 2.0: budut li peremeny? [Japan's foreign policy in the era of Trump 2.0: will there be any changes?]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 3: 5–25. (In Russian). DOI 10.55105/2500-2872-2025-3-5-25
- Streltsov D.V. (2025). Yaponno-amerikanskiye otnosheniya v sfere bezopasnosti pri kabinete Isiby: novyy vektor razvitiya? [Japanese-American security relations under the Ishiba cabinet: a new vector of development?]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific], 2: 126–145. (In Russian). DOI 10.24412/1026-8804-2025-2-126-145
- Streltsov D.V., Naka K.O., Nelidov V.V. (2025). Seminar «Yaponiya na etape politicheskoy turbulentnosti» [Seminar «Japan at the stage of political turbulence»]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 4: 154–172. (In Russian). DOI 10.55105/2500-2872-2025-4-154-172
- Zhebin A.Z. (2025). O perspektivakh otnosheniy SSHA s KNDR [Prospects of the USA–DPRK relations]. *Vlast'* [Power], S4 (33): 99–111. (In Russian).
- * * *
- Matsuda T. (2023). Japan's emerging security strategy. *The Washington Quarterly*, 46 (1): 85–102. DOI 10.1080/0163660X.2023.2190218
- Bradford J. (2021). Japan takes the lead in Western Pacific maritime security. *Asia Policy*, 2 (16): 81–102. URL: <https://www.jstor.org/stable/27023972> (accessed: Apr 25, 2026).

Поступила в редакцию: 10.06.2026
Принята к публикации: 28.07.2026

Received: Jun 6, 2026
Accepted: Jul 28, 2026

DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-34-47

Структурные сдвиги и социальные издержки агроэкологической трансформации дельты реки Меконг после принятия Постановления № 120

Щербенко Мария Николаевна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В 2017 г. во Вьетнаме было принято Постановление Правительства № 120, ознаменовавшее существенное изменение прежней парадигмы развития дельты реки Меконг. Многие называли этот документ «золотым постановлением», способным снять остроту накопившихся социально-экономических и экологических противоречий в регионе и открыть для его жителей путь к лучшей жизни. Статья посвящена анализу промежуточных итогов реформ. Автор исследует содержание Постановления и рассматривает меры государства по реализации принципов документа: отход от монокультурного рисоводства, технологическую и «зелёную» модернизацию региона, а также уделяет особое внимание положению населения дельты. Подробно описано усугубление негативных тенденций: рост бедности, углубление земельного неравенства, преждевременная деаграризация занятости и увеличение миграционного оттока. Сделан вывод, что, несмотря на предпринимаемые государством усилия по преобразованию аграрного сектора, процесс трансформации протекает достаточно медленно, а его темпы отстают от темпов деградации экосистемы.

Ключевые слова: Вьетнам, дельта реки Меконг, Постановление Правительства СРВ № 120, агроэкологическая трансформация, изменение климата, бедность, миграция, сельское хозяйство.

Автор: Щербенко Мария Николаевна, младший научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0007-4643-1518. SPIN-код: 7124-4759. E-mail: Maria-Shcherbenko@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2024-0013 «Реалии и перспективы развития стран АСЕАН в контексте региональных и мировых процессов»).

Для цитирования: Щербенко М.Н. Структурные сдвиги и социальные издержки агроэкологической трансформации дельты реки Меконг после принятия Постановления № 120 // Восточная Азия: факты и аналитика. 2026. Т. 8. № 3. С. 34–47. DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-34-47

Structural shifts and social costs of the agroecological transformation of the Mekong Delta after the adoption of Resolution No. 120

Shcherbenko Maria N.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. In 2017, Vietnam adopted Government Resolution No. 120, marking a significant shift in the development paradigm for the Mekong Delta. The document was widely hailed as a “golden resolution” capable of alleviating the acute socio-economic and environmental tensions that had accumulated in the region and of paving the way to a better life for its inhabitants. The article analyzes the interim results of these reforms. The author examines the content of the Resolution and highlights the state’s measures to put its principles into practice – such as moving away from rice monoculture and pursuing technological and “green” modernization – while paying particular attention to the condition of the Delta’s population. The article considers in detail the aggravation of negative trends, including rising poverty, deepening land inequality, premature deagrarianization of employment, and increasing out-migration. The author concludes that, despite the state’s efforts to transform the agricultural sector, the transformation is proceeding rather slowly, lagging behind the pace of ecosystem degradation.

Keywords: Vietnam, Mekong Delta, Vietnamese Government Resolution No. 120, agroecological transformation, climate change, poverty, migration, agriculture.

Author: Shcherbenko Maria N., Junior Research Fellow of the Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0009-0007-4643-1518. SPIN-code: 7124-4759. E-mail: Maria-Shcherbenko@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0013 “Realities and prospects for the development of ASEAN countries in the context of regional and global processes”).

For citation: Shcherbenko M.N. (2026). Strukturnyye sdvigi i sotsial’nyye izderzhki agroekologicheskoy transformatsii del’ty reki Mekong posle prinyatiya Postanovleniya № 120 [Structural shifts and social costs of the agroecological transformation of the Mekong Delta after the adoption of Resolution No. 120]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 8 (3): 34–47. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-34-47

Введение

Дельта реки Меконг, главная житница Вьетнама, уже длительное время привлекает пристальное внимание как вьетнамских, так и зарубежных исследователей. Причина тому – беспрецедентный по своим масштабам и темпам нарастания социально-экономический кризис, ставящий под вопрос будущее региона.

Наиболее явно этот кризис выражен в неуклонном падении удельного веса дельты в национальном хозяйстве: если на рубеже веков на неё приходилось почти 20 % ВВП Вьетнама, то уже к середине 2010-х гг. этот показатель опустился до 15 % [World Bank 2025: 12]. Аграрный сектор также демонстрирует все признаки замедления: темпы роста в нём,

ежегодно достигавшие 4,6 % в начале столетия, после 2009 г. упали до 1,1 % [World Bank 2025: 13]. Уже с 2012 г. сельское хозяйство перестало быть крупнейшим сектором в ВРП дельты, уступив место сфере услуг и промышленности [World Bank 2025: 20]. При этом дельта Меконга – один из наиболее продуктивных аграрных регионов Юго-Восточной Азии. Её значение для экономики Вьетнама традиционно определялось значительной ролью в обеспечении продовольственной безопасности и поддержании экспортного потенциала. Именно здесь, на площади 30 тыс. кв. км (12 % территории СРВ), собирается более 50 % всего урожая риса в стране, 65 % продукции аквакультуры, 70 % фруктов. На дельту Меконга приходится свыше половины всей аграрной продукции, поставляемой Вьетнамом на внешние рынки (включая 90 % экспортируемого риса)¹.

Проблемы дельты и причины её деградации сегодня хорошо известны и подробно рассмотрены в литературе. Особое внимание исследователи уделяют последствиям изменения климата. Так, вьетнамские авторы отмечают, что дельта Меконга представляет собой плоскую аллювиальную равнину, большая часть которой возвышается над уровнем моря менее чем на 2 м [То 2014]. При прогнозируемом подъёме вод Мирового океана на 30 см к 2050 г. под угрозой затопления в сухой сезон окажется почти 40 % региона. Ввиду изменения режима осадков ещё более возрастёт частота экстремальных явлений – паводков и засух, грозящих масштабным засолением почв и водоёмов, эрозией берегов, сокращением площади сельскохозяйственных угодий и уже сегодня наносящих непоправимый ущерб экономике региона.

Однако климатические изменения сами по себе не являются главной причиной деградации дельты. Их воздействие лишь усугубляет последствия негативных процессов, обусловленных хозяйственным освоением Меконга. Строительство гидроэлектростанций в верховье реки, прежде всего в Китае и Лаосе, неконтролируемая и зачастую нелегальная добыча песка из её русла, чрезмерный забор грунтовых вод приводят к сокращению стока наносов, поступающих в нижнее течение реки и обеспечивающих естественное плодородие почв, ускоренному проседанию поверхности, ухудшению экологии, снижению уровня воды в сезон дождей [Boretti 2020]. Эти процессы наносят большой ущерб не только Вьетнаму, но и другим странам субрегиона Большого Меконга – Камбодже, Мьянме, Лаосу, Таиланду, где аграрный сектор занимает важные позиции в экономике и занятости населения (в частности, на долю данных государств приходится пятая часть мирового производства риса и треть его экспорта, а также значительные объёмы вылова пресноводной рыбы) [Бурова 2020]. Например, существенно меньше воды стало получать питаемое водами Меконга озеро Тонлесап в Камбодже: за период 2010–2019 гг. средний уровень воды в нём снизился примерно на 1 м по сравнению с предыдущим десятилетием, что негативно отразилось на сельском хозяйстве и рыболовстве [Меконг: проблемы региона... 2024]. Тем не менее наиболее тяжёлая ситуация наблюдается во вьетнамской дельте, омываемой водами Южно-Китайского моря, и именно проблема её деградации стала в последнее время предметом острых международных дискуссий.

¹ Mekong Delta region contributes roughly 31% to agricultural sector's GDP. *VietnamNet Global*, Sep 16, 2024. URL: <https://vietnamnet.vn/en/mekong-delta-region-contributes-roughly-31-to-agricultural-sector-s-gdp-2322583.html> (accessed: Jun 30, 2026).

Во многом нынешний кризис связан с особенностями модели развития региона. В последние десятилетия государственная политика в отношении дельты была ориентирована на наращивание производства риса как главной продовольственной культуры. Такой подход позволил СРВ обеспечить продовольственную безопасность и стать одним из ведущих экспортёров этого злака, а дельта Меконга получила известность как «рисовая чаша» Индокитая. Тем не менее, хотя на долю региона всё ещё приходится 50 % выращиваемого в стране риса, постепенное сокращение разрыва с остальными регионами по продуктивности, растущая зависимость урожайности здесь от внесения химических удобрений и пестицидов [Nguyen, Hoang 2015], указывают на снижение потенциала дальнейшего роста в рамках сложившейся модели хозяйствования.

Нарастание рассмотренных выше угроз сопровождается всё более заметными социально-экономическими сдвигами. В их числе – миграционный отток населения из дельты. Среди недавних исследований по данной тематике можно выделить работу вьетнамских учёных [Phan et al. 2025], в которой описаны неблагоприятные перспективы для региона, где в настоящее время проживает почти пятая часть населения страны. Эксперты отмечают сопряжённые с миграцией проблемы и её последствия в виде дисбалансов на региональном рынке труда.

В отечественной науке ситуация, сложившаяся в дельте Меконга, подробно рассмотрена в статье Н.Г. Рогожиной [Рогожина 2022], где не только обобщены причины деградации экосистемы реки, но и дана характеристика формирующейся государственной политики по минимизации её последствий, в том числе принятому правительством в 2017 г. Постановлению № 120, ставшему ключевым программным документом по восстановлению региона. Автор приходит к выводу, что, несмотря на имеющиеся сложности, признание государством необходимости нового подхода создаёт предпосылки для перехода к устойчивому развитию. Вместе с тем в работе не затронуты процессы, происходившие в ходе реализации намеченных мер, и не оценены последствия начатой трансформации.

Данную лакуну призвана заполнить настоящая статья.

Постановление № 120 как смена парадигмы развития региона

17 ноября 2017 г. премьер-министр СРВ Нгуен Суан Фук подписал Постановление № 120 об устойчивом развитии региона в условиях адаптации к изменению климата². В отечественной литературе документ был охарактеризован как «коренной слом прежней парадигмы развития» [Рогожина 2022: 42]. Впервые на высшем уровне было открыто заявлено, что жизнеспособности региона угрожают не только внешние факторы, но и недалёковидные решения по экономическому развитию, принимавшиеся ранее самим правительством. В частности, государство признало экологически опасной практику сбора трёх урожаев риса в год и его выращивания на территориях, подверженных засолению, а

² Nghị quyết về phát triển bền vững đồng bằng sông Cửu Long thích ứng với biến đổi khí hậu (Số: 120/NQ-CP, 17/11/2017) [Постановление Правительства СРВ № 120/NQ-CP от 17.11.2017 «Об устойчивом развитии дельты реки Меконг в условиях адаптации к изменению климата»]. *Thư viện pháp luật* [Библиотека нормативно-правовых актов], 2017. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Tai-nguyen-Moi-truong/Nghi-quyet-120-NQ-CP-2017-phat-trien-dong-bang-song-Cuu-Long-thich-ung-voi-bien-doi-khi-hau-367711.aspx> (дата обращения: 30.06.2026). (На вьетн.).

также провозгласило отказ от фиксированных показателей по производству этого злака и площади земель под ним. Теперь фермерам «рисовой чаши» было предложено самостоятельно выбирать выращиваемые культуры. В новой системе приоритетов рис занял третье место, уступив аквакультуре и садоводству. На смену логике «покорения природы» (вьетн. *chinh phục thiên nhiên*) пришла модель «жизни в гармонии с природой» (вьетн. *thuận thiên*), ориентированная на развитие экологически безопасного аграрного производства с учётом неизбежности климатических изменений. Вместо унифицированного подхода была предложена концепция адаптивного агроэкологического зонирования, то есть дифференцированного подхода к различным частям региона. В соответствии с этой концепцией были выделены три зоны: пресноводная, солоноватых вод и солёных вод, – с соответствующими каждой из них моделями хозяйствования. Верхняя пресноводная зона имеет ключевое значение для продовольственной безопасности страны: здесь сосредоточена основная часть рисовых полей и предполагается сохранить высокотехнологичное рисоводство с ориентацией на экспорт. В переходной зоне солоноватых вод предусматривается развитие смешанных рисово-креветочных хозяйств и фруктовых плантаций. Прибрежная зона солёных вод определена как зона приоритетного развития аквакультуры и восстановления мангровых экосистем, так как подъём уровня моря и проседание грунтов существенно ограничивают возможности для рисоводства.

Принятие Постановления № 120 вызвало значительные ожидания как среди вьетнамских специалистов, так и в международном экспертном сообществе. Предполагалось, что переход к новой модели развития позволит не только снизить экологическую уязвимость дельты Меконга, но и создать предпосылки для повышения благосостояния населения³. Однако уже первые годы реализации новой стратегии, а также принятого вслед за ней Интеграционного регионального плана развития на период до 2030 г. с перспективой до 2050 г. выявили гораздо более сложную и противоречивую картину.

Наращение социально-экономических противоречий

Прежде всего следует отметить, что регион, ставший объектом значительного внимания со стороны правительства, международных организаций и зарубежных доноров, продолжает утрачивать свои позиции в национальном хозяйстве: к настоящему времени доля дельты Меконга в ВВП страны опустилась до 12,2 %⁴.

Сохраняются и неблагоприятные социальные тенденции. В частности, необходимо отметить изменение многолетней тенденции к сокращению бедности, которую можно было наблюдать в дельте вплоть до 2018 г. По расчётам Всемирного банка, к началу 2018 г. за чертой бедности (6,85 долл. США в день по ППС 2017 г.) находились 18,4 % жителей дельты, тогда как всего за пять последующих лет, то есть к 2022 г., этот показатель достиг 27,8 %, что стало самым резким скачком среди всех регионов Вьетнама [World Bank 2025: 12]. Общее

³ Resolution 120 changes the mindset about Mekong Delta development: expert. *VietnamNet Global*, Mar 20, 2021. URL: <https://vietnamnet.vn/en/resolution-120-changes-the-mindset-about-mekong-delta-development-expert-720909.html> (accessed: Jun 30, 2026).

⁴ Doanh nghiệp phải trở thành 'đầu kéo' tăng trưởng mới của ĐBSCL [Бизнес должен стать новым драйвером роста в дельте Меконга]. *Báo Điện tử Chính phủ* [Электронная правительственная газета], 28.05.2026. URL: <https://baochinhphu.vn/doanh-nghiep-phai-tro-thanh-dau-keo-tang-truong-moi-cua-dbscl-102260528170120397.htm> (дата обращения: 30.06.2026). (На вьетн.).

число многомерно бедных и почти бедных домохозяйств в дельте Меконга в настоящее время превысило 201 тыс. При этом доля домохозяйств, субъективно оценивающих своё положение как бедное, составляет 23,5 %, что выше доли домохозяйств, относимых к бедным по официальным критериям.

Декомпозиционный анализ, выполненный авторами доклада Всемирного банка, показал, что наибольший вклад в увеличение числа бедных за этот период внесло падение доходов от сельского хозяйства – 54,4 % [World Bank 2025: 30]. На первый взгляд результат может показаться неожиданным, ведь аграрный сектор, как было отмечено выше, ещё с 2012 г. перестал быть крупнейшим сектором экономики дельты и с каждым годом теряет свою значимость. Доля занятых в сельском хозяйстве региона снизилась с 42 % в 2011 г. до 38 % в 2018 г. и 31 % в 2024 г. [World Bank 2025: 31], тогда как число рабочих мест в промышленности и строительстве возросло за это же время практически вдвое. Постепенно сокращается и доля домохозяйств, получающих доход от аграрного производства (с 66 % в 2018 г. до 54 % в 2022 г.), и доля доходов от сельского хозяйства в совокупном доходе населения дельты (с 31 % до 23 %) [World Bank 2025: 12].

Снижение зависимости от земледелия в условиях возрастающего воздействия стихийных бедствий, в том числе разрушительных засух 2016 г. и 2020 г., должно было, наоборот, смягчить негативные последствия для домохозяйств. Классическая теория модернизации предполагает постепенное высвобождение рабочей силы из аграрного сектора по мере роста его производительности и создания альтернативных рабочих мест в промышленности и услугах; при этом перераспределение трудовых ресурсов обычно сопровождается ускоренным развитием новых секторов, ведёт к повышению доходов и, как следствие, уровня жизни населения. Между тем в дельте Меконга этого не происходит.

Как следует из национальных обследований рабочей силы СРВ, работники обрабатывающей промышленности и сферы услуг в дельте в среднем на 36 % менее производительны, чем занятые в тех же секторах за пределами региона. Медианная заработная плата в несельскохозяйственных секторах остаётся одной из самых низких в стране – 6 млн донгов (228 долл. США) [World Bank 2025: 41].

Перечисленные тенденции, на наш взгляд, говорят не просто о нехватке достойных вакансий, но о структурной неспособности местного рынка труда удерживать и накапливать человеческий капитал. И в этой связи процесс смены занятости, который разворачивается в дельте, можно расценивать не столько как естественный этап экономического развития, сколько как «преждевременную деаграризацию»: вынужденный (в условиях сжатия возможностей в аграрном секторе) выход и маргинализацию значительной части сельских жителей, не находящих сопоставимой альтернативы прежним видам деятельности в пределах региона. Снижение сельскохозяйственных доходов не компенсируется, а лишь слабо замещается низкими доходами в неформальном секторе, который, к тому же, не может в достаточном объёме поглотить высвободившуюся рабочую силу – что и приводит к обнищанию населения.

Меры по реализации Постановления № 120 и их результаты

Вместе с тем было бы неверно утверждать, что Постановление № 120 осталось лишь на бумаге. В первую очередь следует отметить вполне осязаемые изменения в структуре

землепользования (Рис. 1). Власти Вьетнама осознают, что традиционное рисоводство в дельте Меконга не только наносит серьёзный ущерб окружающей среде (данная культура характеризуется высокой водоёмкостью, требовательностью к внесению химических удобрений и формирует до $\frac{3}{4}$ выбросов метана в аграрном секторе страны), но и постепенно изживает себя с экономической точки зрения. По имеющимся оценкам, с 2018 по 2025 г. площади под рисом в дельте уменьшились с 1,9 до 1,4 млн га [Phan et al. 2024: 11–12; World Bank 2025: 48]. Высвободившиеся земли используются под креветочные хозяйства, расширившиеся за тот же период с 0,85 до 0,95 млн га, а также под многолетние насаждения – с 0,37 до 0,45 млн га. В частности, расширяются площади под ананасами, достигшие к настоящему времени 16,9 тыс. га, а также под кокосовыми пальмами [Phan et al. 2024: 11–12; World Bank 2025: 48].

Заметен постепенный отход от рисоводства и в структуре доходов домохозяйств региона: если ещё в 2010 г. рис выращивали 32 % домохозяйств дельты Меконга, то сейчас – лишь 17 %. В то же время на аквакультуру ныне приходится 6,5 % занятости, а с учётом рыболовства и рыбопереработки – 13 % [World Bank 2025: 49]. Экономическая привлекательность таких преобразований очевидна, поскольку средний чистый доход крестьянской семьи с одного га за цикл посадки риса составляет менее 400 долл., тогда как аквакультура приносит в среднем 900 долл., а выращивание фруктов (ананасов, манго, дуриана и др.) – от 2 до 8 тыс. долл. с га в год.

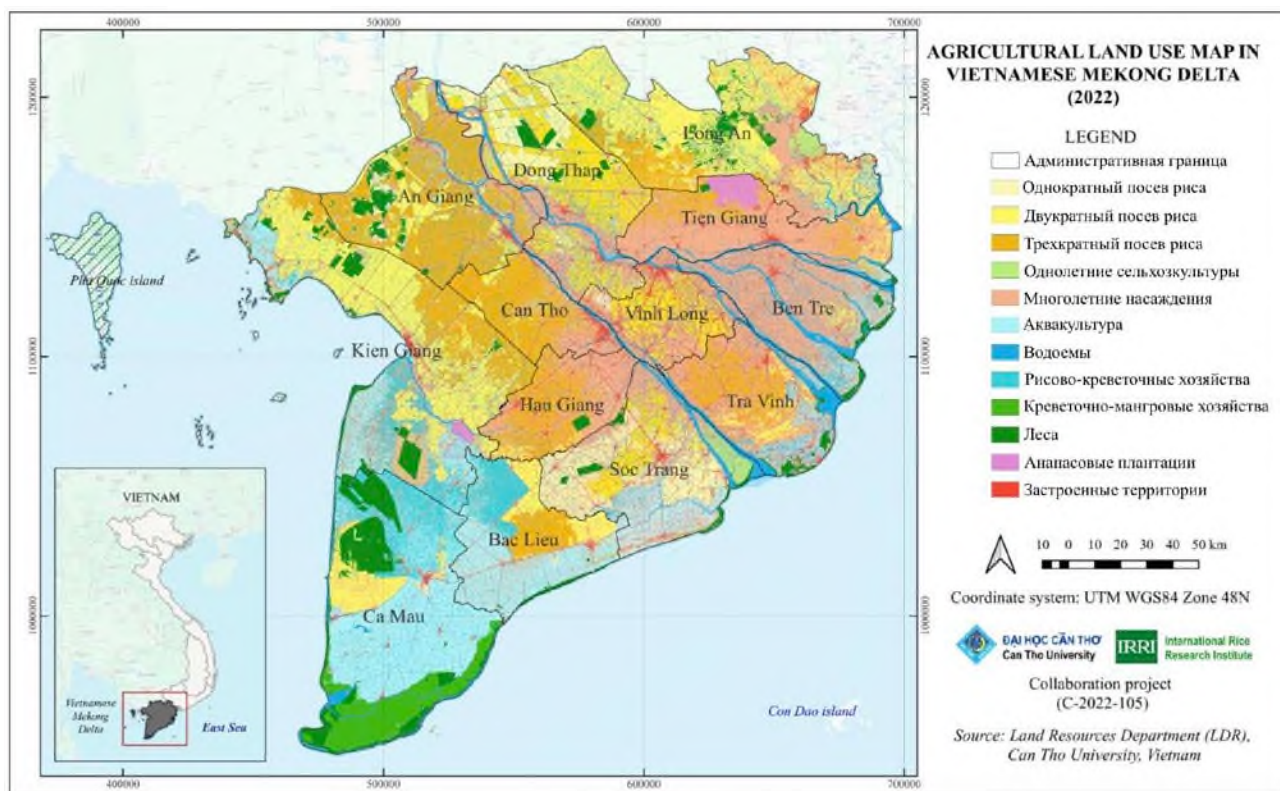

Рис. 1. Карта использования сельхозземель в дельте Меконга.

Pic. 1. Map of agricultural land use in the Mekong Delta.

Источник / Source: [Phan et al. 2024: 11].

Власти предпринимают усилия по восстановлению экосистем прибрежных провинций, где наиболее остро стоит проблема засоления почв (Камау, Баклиеу, Киензянг, Сокчанг). Так, с участием международных фондов реализуются проекты по восстановлению мангровых лесов – «зелёного щита» дельты Меконга, которые за последние тридцать лет серьёзно пострадали из-за хозяйственной деятельности человека, сократившись почти на треть (35,5 тыс. га). Мангры защищают береговую линию от эрозии и проседания, служат естественным барьером против проникновения солёной воды вглубь региона, поглощают углекислый газ и являются средой обитания для многих видов рыб и беспозвоночных. К сожалению, процесс восстановления идёт достаточно медленно, и площадь всех лесных насаждений в дельте в настоящее время составляет около 176 тыс. га, или 5 % её территории [Phan et al. 2024: 11–12].

Увеличивается распространение модели «рис-креветка» (вьетн. *tôm – lúa*), когда на подтопленных полях в сезон дождей выращивают злаки, а в сухой сезон, когда вода становится солёной, разводят креветок. Такой подход не только позволяет получать два вида продукции с одной и той же площади, но и снижает нагрузку на почвы, так как отказ от наиболее пагубного для почвенного плодородия третьего урожая риса даёт земле возможность восстановиться и снижает потребность в химических удобрениях и пестицидах. Если ещё в 2015 г. площадь земель под такой моделью составляла немногим более 150 тыс. га, то в настоящее время она превышает 220 тыс. га, а ежегодный темп прироста рисово-креветочных хозяйств составляет почти 4 %⁵.

Отдельного внимания заслуживает и монокультурное рисоводство. С целью снижения негативных тенденций в этом секторе, адаптации к климатическим изменениям и повышения рентабельности в дельте с конца 2023 г. реализуется грандиозный проект под названием «1 млн га высококачественного риса с низким уровнем выбросов углерода». Вьетнам – первая в мире страна, где реализуется проект подобного масштаба. На полях применяется инновационный метод чередующегося орошения и осушения, который позволяет на 45 % снизить расход семян и на 20 % – воды, сокращается применение азотных удобрений и внедряются устойчивые к изменениям климата сорта риса. Даже при более низкой урожайности такое производство способно обеспечивать более высокую добавленную стоимость, так как премиальный органический рис продаётся за границу по цене в 1,5–2 раза выше, чем обычный (до 2 тыс. долл./т). В настоящее время под таким рисом в СРВ занято почти 355 тыс. га, что вдвое выше целевого показателя в 180 тыс. га и серьёзно превышает показатели других стран региона⁶.

Однако, несмотря на позитивные сдвиги, переход к новой модели развития в условиях слабости местного бизнеса происходит достаточно тяжело. Как следует из доклада, подготовленного Вьетнамской торгово-промышленной палатой и Университетом Фулбрайт,

⁵ Mô hình tôm – lúa ở ĐBSCL: Triển vọng nhiều, thách thức lắm! [Модель «рис-креветка» в дельте Меконга: множество перспектив и ещё больше вызовов!]. *Liên Minh Hợp Tác Xã tỉnh Cà Mau* [Кооператив провинции Камау], 27.01.2026. URL: <http://lienminhhtx.camau.gov.vn/mo-hinh-tom-lua-o-dbscl-trien-vong-nhieu-thach-thuc-lam.896> (дата обращения: 30.06.2026). (На вьетн.).

⁶ Bộ trưởng Trần Đức Thắng: Đề án 1 triệu hecta lúa chất lượng cao ‘hoàn toàn đúng đắn’ [Министр Чан Дык Тханг: Проект по выращиванию 1 млн га высококачественного риса является «абсолютно верным»]. *Tuoi Tre* [«Молодёжь»], 08.03.2026. URL: <https://tuoitre.vn/bo-truong-tran-duc-thang-de-an-1-trieu-hecta-lua-chat-luong-cao-hoan-toan-dung-dan-20260308163706997.htm> (дата обращения: 12.03.2026). (На вьетн.).

с 2023 г. дельта сохраняет статус региона с самой низкой плотностью предпринимательской активности в СРВ. 90 % от общего числа предприятий составляют микропредприятия с численностью работников менее 10 человек, причём доля тех из них, которые способны перейти в категорию малых предприятий, за двадцать лет сократилась с 9,1 до 1,3 %⁷. Таким образом, экономика дельты характеризуется, с одной стороны, преобладанием малых хозяйств с ограниченными ресурсами, а с другой – узким сегментом крупного бизнеса, нередко аффилированного с передовыми зарубежными компаниями. При этом промежуточный средний класс фермеров и предпринимателей, который в здоровой экономике является главным реципиентом реформ, практически отсутствует.

Консолидация земель, сопровождающая переход к высокотехнологичному производству, в условиях слабости среднего звена ведёт к ещё большей поляризации населения, о чём свидетельствует рост индекса Тейла. Этот показатель в сельской местности дельты Меконга вырос с 0,496 в 2006 г. до 0,630 в 2022 г. Декомпозиция земельного неравенства показывает, что наибольший вклад в увеличение индекса Тейла внёс рост концентрации т.н. высокоценных типов угодий – земель под многолетние фруктовые насаждения и креветочные хозяйства. Эти площади концентрируются в руках более обеспеченных слоёв населения, тогда как беднейшие домохозяйства либо остаются заняты низкодоходным рисоводством, либо вовсе теряют доступ к земле [World Bank 2025: 45]. В результате в настоящее время почти 40 % домохозяйств региона не имеют собственных угодий, тогда как ещё в 2016 г. этот показатель составлял 32,1 %, а в 2006 г. – 27,8 %.

По показателям безземелья дельта Меконга занимает второе место в стране, уступая лишь Юго-Восточному региону, где земледелие исторически развито слабее [World Bank 2025: 51]. Только по итогам 2025 г. о вынужденной продаже или передаче земельных участков в дельте сообщили 7 % домохозяйств [World Bank 2025: 53]. В отличие от других регионов Вьетнама, где безземельные сельские домохозяйства часто находят более высокооплачиваемую работу вне аграрной сферы и в итоге становятся менее бедными, чем их соседи, работающие на своей земле, в дельте Меконга наблюдается обратная ситуация: здесь сельские домохозяйства, не ведущие фермерской деятельности, стабильно беднее фермерских. В этой связи потеря крестьянами своего главного производственного актива представляет существенный социально-экономический риск для региона. Климатические и экономические потрясения могут вынуждать семьи продать землю, лишаясь важного ресурса устойчивости; при этом вырученные средства, не будучи инвестированными в более производительные активы из-за недостатка навыков и возможностей, как правило, быстро расходуются, после чего бывший собственник остаётся и без земли, и без сбережений.

Закономерным следствием обозначенных процессов стал отток населения из дельты, по своим масштабам уже признанный крупнейшим в истории страны. Регион прочно закрепился в качестве нетто-донора рабочей силы, и все его провинции имеют отрицательное сальдо миграции. За последние 10 лет дельту Меконга покинули почти 1,7 млн человек [Phan et al.

⁷ Đồng bằng sông Cửu Long và khoảng trống tầng giữa: Khi doanh nghiệp không thể lớn lên [Дельта Меконга и провал предприятий среднего звена: когда бизнес не может расти]. *Bloomberg Businessweek Vietnam*, 01.06.2026. URL: <https://bbw.vn/bao-cau-thuong-nien-kinh-te-dong-bang-song-cuu-long-nglich-ly-kim-tu-thap-va-thieu-hut-doanh-nghiep-o-tang-giua-58260.html> (дата обращения: 30.06.2026). (На вьетн.).

2026: 825]; сегодня почти в каждом шестом домохозяйстве имеется хотя бы один член семьи, который работает за пределами региона.

Отток части трудовых ресурсов из отдельных районов или страны в целом может положительно влиять на экономику родного края: он позволяет сократить безработицу, способствует приобретению мигрантами полезных профессиональных навыков и освоению новых технологий труда, а также увеличению доходов за счёт денежных переводов, тем самым выполняя стабилизирующую социально-экономическую роль в условиях макроэкономической турбулентности.

Тем не менее, в случае дельты Меконга миграция практически не генерирует обратных потоков капитала и знаний. Лишь 58 % семей мигрантов в регионе получают денежные переводы, и почти в половине случаев это суммы менее 5 млн донгов в год (около 189 долл.) [World Bank 2025: 68], что значительно ниже национальной черты бедности. При этом объёмы переводов положительно коррелируют с доходами семей мигрантов, что указывает на выгоду от миграции для домохозяйств, изначально находившихся в более благоприятном положении. Таким образом, для значительной части населения отъезд членов семьи не приводит к преодолению бедности. Кроме того, миграция усугубляет дефицит кадров в агропромышленном комплексе. Уехавшие из дельты Меконга в среднем моложе и лучше образованы, чем остающиеся жители, однако почти 45 % из них заявляли, что не намерены в ближайшем будущем возвращаться [World Bank 2025: 55]. Отток молодых, квалифицированных и экономически активных кадров означает, что регион теряет именно тех, кто потенциально мог бы стать драйвером модернизации сельского хозяйства и диверсификации местной экономики [Phan et al. 2026: 828–829]. Таким образом, отток населения из дельты Меконга приобретает всё более устойчивый характер и одновременно способствует перераспределению человеческого капитала в пользу других регионов страны, прежде всего Хошимина, провинций Биньзыонг и Донгнай.

Вызывает особую тревогу то обстоятельство, что даже успешная реализация отдельных аграрных проектов не гарантирует остановки миграции, поскольку её причины лежат значительно глубже и затрагивают саму структуру экономики региона. Складывается замкнутый круг: ограниченные возможности развития в дельте Меконга стимулируют отток населения, который, в свою очередь, дополнительно ослабляет потенциал дальнейшего развития.

Причины замедления агроэкологической трансформации

Возникает вопрос, почему при всей активности государства и запуске многочисленных проектов негативные тенденции в дельте Меконга не только сохраняются, но и усиливаются. Постановление № 120 стало важным программным документом в идеологическом плане; казалось, что запущен необратимый процесс коренной ломки сложившихся хозяйственных укладов. Однако анализ принятых программ показывает, что при всей детальности и масштабности все они имеют общую черту: этап наиболее активных и болезненных структурных преобразований в дельте отнесён на период после 2030 г. До этого срока, как следует из текстов программ, «текущие производственные модели в основном сохраняются,

а основная трансформация, особенно в наиболее уязвимых солоновато-солёной и переходной зонах, лишь готовится»⁸.

Чтобы понять причины, по которым государство, определив вектор реформ, отложило реальные шаги по их реализации почти на десятилетие, следует учитывать, что разработка комплексного плана для дельты велась при техническом содействии голландских специалистов ещё с 2009 г., когда правительства двух стран договорились о совместной подготовке дорожной карты мер адаптации к изменению климата в бассейне Меконга. Таким образом, от первых совместных наработок до принятия Постановления № 120 прошло почти восемь лет, а до утверждения Интегрированного регионального плана 2022 г. – тринадцать⁹. Это свидетельствует о длительном характере перехода от признания проблемы к выработке и практической реализации мер по её решению и позволяет характеризовать реакцию государства на накопившиеся вызовы скорее как адаптивную, чем упреждающую.

На наш взгляд, первой и наиболее очевидной причиной замедления реализации намеченных мер является нехватка финансирования. По разным оценкам, на комплексную адаптацию дельты к изменению климата в ближайшее десятилетие требуется от 16,5 до 57 млрд долл. Однако государственный бюджет не в состоянии покрыть эти потребности; привлечённые по линии ОПР и частных инвесторов средства также не соответствуют масштабам преобразований. Даже на те проекты, которые признаны приоритетными для текущего этапа трансформации (2022–2029 гг.) – прежде всего на модернизацию автодорог, треть которых находится в неудовлетворительном состоянии, – сохраняется дефицит финансирования. Инфраструктурное строительство в условиях дельты само по себе значительно дороже и сложнее, чем в других регионах Вьетнама, в силу особенностей геологии: для мягких, неустойчивых грунтов требуются специальные технологии и материалы, а песок приходится импортировать из соседней Камбоджи, поскольку его добыча в самом регионе запрещена¹⁰. Уже введённые в эксплуатацию объекты также подвержены быстрому износу и повреждениям вследствие паводков и проседания грунта.

Данные проблемы усугубляются отсутствием устоявшихся механизмов регионального управления. Учреждённый ещё в 2020 г. Координационный совет по развитию Меконга во главе с вице-премьером страны, призванный вырабатывать единые решения на уровне всей дельты и привлекать инвестиции, так и не стал эффективным инструментом. Рекомендательный характер Постановления № 120 и Интеграционного регионального плана развития дельты Меконга в части мер на период до 2030 г. способствовал их игнорированию

⁸ Quyết định phê duyệt quy hoạch vùng đồng bằng sông Cửu Long thời kỳ 2021 - 2030, tầm nhìn đến năm 2050 (Số: 287/QĐ-TTg, 28/02/2022) [Решение Премьер-министра № 287/QĐ-TTg от 28.02.2022 «Об утверждении Генерального плана развития региона дельты реки Меконга на период 2021–2030 гг. с видением до 2050 г.». *Thư viện pháp luật* [Библиотека нормативно-правовых актов], 2022. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/thuong-mai/quyet-dinh-287-qd-ttg-2022-phe-duyet-quy-hoach-vung-dong-bang-song-cuu-long-505561.aspx> (дата обращения: 30.06.2026). (На вьетн.).

⁹ Analysis: Years in the making, Vietnam's Mekong Delta policy takes the long view. *Mongabay*, Dec 30, 2020. URL: <https://news.mongabay.com/2020/12/analysis-years-in-the-making-vietnams-mekong-delta-policy-takes-the-long-view/> (accessed: Jun 30, 2026).

¹⁰ The Mekong Delta's highway conundrum. *Mekong Eye*, Feb 24, 2025. URL: <https://www.mekongeye.com/2025/02/24/mekong-highway> (accessed: Jun 30, 2026).

со стороны провинциальных властей¹¹. Между тем провинции продолжают вкладывать значительные средства в другие сферы: так, только за период 2021–2025 гг. потрачено порядка 5 млрд долл. на возведение и поддержание дамб, которые препятствуют сезонному отложению речного ила на полях и вынуждают фермеров компенсировать потерю естественного плодородия растущими объёмами химических удобрений. В иной ситуации эти средства могли бы быть направлены на модернизацию дорог, мостов, портов, строительство холодильных складов и развитие внутреннего водного транспорта¹². Следует заметить, что в настоящее время 90 % аграрной продукции из дельты идёт автотранспортом в порты Юго-Востока, тогда как водный транспорт в 2,6 раза дешевле на тонно-километр и мог бы стать хорошей альтернативой автомобильным перевозкам. К числу региональных проблем относится и слабая координация действий между различными министерствами и ведомствами СРВ и их иностранными партнёрами. При значительном интересе со стороны зарубежных игроков дельта Меконга сегодня превратилась в пространство реализации множества разрозненных проектов.

Наконец, полноценная реализация концепции агроэкологического зонирования требует не только перепрофилирования земель, но и переселения части населения из наиболее деградировавших районов, прежде всего из южной части дельты. Подобные меры сопряжены со значительными социальными и политическими издержками. Как представляется, именно неготовность к таким решениям лежит в основе нынешней политики «отложенной» трансформации. Вероятно, власти рассчитывают на частичное снижение остроты проблемы в результате естественного миграционного оттока, который не нужно будет инициировать в приказном порядке. Надо признать, что данный подход в целом не лишён рационального зерна: форсированная трансформация без достаточной инфраструктурной и институциональной подготовки могла бы привести к ещё более тяжким социальным последствиям. В этом смысле отложенный характер реформ отражает не только политическую осторожность, но и стремление избежать резких социально-экономических последствий.

Между тем климатическая статистика последних лет наглядно демонстрирует, что цена этой затяжной паузы становится всё более ощутимой. Принятие Постановления № 120 совпало по времени с интенсификацией стихийных бедствий. За последние десять лет регион пережил два крупных природных катаклизма – засухи 2016 г. и 2020 г. Экстремальный дефицит осадков в сочетании с падением уровня воды в реке привёл к сильнейшему засолению почв, уничтожению сотен тыс. га урожая (в том числе трети всего урожая риса) и к дефициту пресной воды. Тем не менее даже в относительно спокойные годы, по оценкам Главного статистического управления СРВ, из-за деградации экосистем дельта ежегодно теряет порядка 2 млрд долл., и в долгосрочной перспективе эти потери могут значительно возрасти. Метеорологи уже предупреждают о новой волне катаклизмов из-за Эль-Ниньо в 2027 г.: по прогнозам, засуха может стать одной из самых сильных за всю историю

¹¹ Salinity intrusion threatens Vietnam's rice bowl. *East Asia Forum*, Nov 22, 2025. URL: <https://eastasiaforum.org/2025/11/22/salinity-intrusion-threatens-vietnams-rice-bowl/> (accessed: Jun 30, 2026).

¹² The Mekong Delta's climate defenses are failing. *Mekong Eye*, May 19, 2025. URL: <https://www.mekongeye.com/2025/05/19/the-mekong-deltas-climate-defenses-are-failing> (accessed: Jun 30, 2026).

наблюдений и грозит обновлением температурных рекордов¹³. Ещё более тревожную картину представляют долгосрочные модели, построенные экспертами Всемирного банка. Согласно им, даже при устойчивом экономическом росте в 6,5 % в год частота и интенсивность климатических шоков приведут к тому, что доля населения дельты Меконга за чертой бедности, которая при идеальном сценарии должна была составить к середине столетия 5,8 %, поднимется до 14–29 %, а в самом худшем случае превысит 60 % [World Bank 2025: 66, 92]. Таким образом, без решительных системных действий климатические факторы перечеркнут почти все точечные усилия по модернизации региона. Промедление, которое ещё вчера могло казаться оправданной осторожностью, сегодня становится фактором, усугубляющим кризис.

Заключение

В заключение следует подчеркнуть, что агроэкологическая трансформация дельты Меконга, начатая после принятия Постановления № 120, представляет собой необходимый ответ на системные вызовы, с которыми столкнулся регион. Изменения в структуре землепользования и реализация «зелёных» проектов свидетельствуют, что процесс запущен. Тем не менее достигнутые успехи пока не могут компенсировать общее ухудшение экономической ситуации в дельте. На наш взгляд, одной из главных причин является закреплённая в принятых вслед за Постановлением документах политика «отложенной трансформации». Сам выбор этого подхода свидетельствует о масштабе стоящих перед государством задач. Выжидательная позиция означает признание недостаточности ресурсов и институциональных механизмов для проведения действительно глубокой агроэкологической трансформации, а также ограниченную готовность нести связанные с ней социальные издержки. Между тем, пока государство откладывает более масштабные преобразования, а новые модели хозяйствования остаются преимущественно на стадии пилотных проектов, прежние разрушительные для экосистемы модели продолжают сохраняться. Как следствие, неуклонное снижение доли региона в ВВП страны, падение экономической отдачи от сельского хозяйства, рост бедности, безземелья и массовая миграция населения из дельты свидетельствуют о том, что негативные процессы продолжают нарастать, а стихийная и во многом неуправляемая социально-экономическая трансформация идёт значительно быстрее плановой. Сложившаяся в регионе ситуация показывает, что возможности дальнейшего откладывания преобразований ограничены.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бурова Е.С. Интеграционные процессы и развитие аграрного сектора стран субрегиона Большого Меконга // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 2. С. 39–51. DOI 10.24866/1813-3274/2020-2/39-51

¹³ Nguy cơ xuất hiện El Nino rất mạnh; bão mạnh, mưa cực đoan, lũ quét, sạt lở đất [Угроза мощнейшего Эль-Ниньо: ожидаются сильные тайфуны, аномальные осадки, сели и оползни]. *Báo Điện tử Chính phủ* [Электронная правительственная газета], 17.06.2026. URL: <https://xaydungchinhhsach.chinhphu.vn/nguy-co-xuat-hien-el-nino-rat-manh-bao-manh-mua-cuc-doan-lu-quet-sat-lo-dat-119260617155158429.htm> (дата обращения: 30.06.2026). (На越тн.).

Меконг: проблемы региона и возможные пути их решения. Международная научно-практическая конференция 26 июня 2024 года / отв. ред. Н.Д. Плотников. М.: ИВ РАН, 2024. 96 с.
 Рогожина Н.Г. Экологические и социальные проблемы дельты реки Меконг во Вьетнаме // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 2. С. 37–45. DOI 10.54631/VS.2022.62-101585

REFERENCES

- Burova E.S. (2020). Integratsionnyye protsessy i razvitiye agrarnogo sektora stran subregiona Bol'shogo Mekonga [Integration processes and agricultural development of the Greater Mekong subregion countries]. *Aziatsko-Tikhoookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo* [Pacific Rim: Economics, Politics, Law], 2: 39–51. (In Russian). DOI 10.24866/1813-3274/2020-2/39-51
- Mekong: problemy regiona i vozmozhnyye puti ikh resheniya. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya 26 iyunya 2024 goda* [The Mekong: Regional Challenges and Possible Solutions. International Scientific and Practical Conference, June 26, 2024], Plotnikov N.D. (ed.) (2024). Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 96 p. (In Russian).
- Rogozhina N.G. (2022). Ekologicheskiye i sotsial'nyye problemy del'ty reki Mekong vo V'yetname [Socio-environmental problems of the Mekong Delta in Vietnam]. *V'yetnamskiye issledovaniya* [The Russian Journal of Vietnamese Studies], 6 (2): 37–45. (In Russian). DOI 10.54631/VS.2022.62-101585
- * * *
- Boretti A. (2020). Implications on food production of the changing water cycle in the Vietnamese Mekong Delta. *Global Ecology and Conservation*, 22: 1–17. DOI 10.1016/j.gecco.2020.e00989
- Nguyen N.T., Hoang H.A. (2015). Vulnerability of rice production in Mekong River Delta under impacts from floods, salinity and climate change. *International Journal on Advanced Science Engineering and Information Technology*, 5 (4): 272–279. DOI 10.18517/ijaseit.5.4.545
- Phan K.D., Nguyen T.C., Pham D.T., Nguyen D.K., Nguyen N.T., Tran H.G., Phan H.V. (2024). *Report on land use analysis for 13 provinces in Vietnamese Mekong Delta in 2022*. Can Tho: Can Tho University, 54 p.
- Phan T.P.A., Dang T.M.P., Ngo M.H., Nguyen T.T., Bui T.H. (2025). Climate change-related migration in the Mekong Delta of Vietnam – challenges to regional sustainable development. *Oriental Studies*, 18 (4): 821–835. DOI 10.22162/2619-0990-2025-80-4-821-835
- To Q.T. (2014). Climate change and sea level rise in the Mekong Delta: flood, tidal inundation, salinity intrusion, and irrigation adaptation methods. In: Nguyen D.T., Takagi H., Esteban M. (eds.), *Coastal Disasters and Climate Change in Vietnam*. Elsevier, 199–218. DOI 10.1016/C2013-0-13599-4
- World Bank (2025). *Living or Leaving: Life in the Mekong Delta region of Viet Nam*. Washington, DC: World Bank. DOI 10.1596/44086

Поступила в редакцию: 29.06.2026
 Принята к публикации: 24.08.2026

Received: Jun 29, 2026
 Accepted: Aug 24, 2026

DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-48-73

Трансформация российского рынка легковых автомобилей в условиях санкционного давления: укрепление позиций китайских производителей

Назарова Дарья Валериевна¹,
Сунь Эрсюнь¹

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация. Цель статьи – выявить факторы трансформации позиций китайских автопроизводителей на российском рынке в условиях санкционного давления и оценить долгосрочные риски, связанные с локализацией производства, качеством продукции, развитием сервисной инфраструктуры и изменением потребительских предпочтений. Авторы рассматривают переход китайских автомобильных компаний от модели быстрого импортного замещения, сложившейся после ухода с российского рынка ряда западных, японских и южнокорейских производителей, к более сложной модели производственного присутствия, включающей локальную сборку, использование дочерних и локализованных брендов, а также адаптацию к российским регуляторным и макроэкономическим условиям. Теоретической основой исследования является концепция глобальных цепочек стоимости, позволяющая интерпретировать изменения на российском автомобильном рынке как перестройку не только внешнеторговых, но и производственных, логистических и сервисных связей. Научная новизна состоит в применении данной концепции для оценки глубины локализации и устойчивости присутствия китайских автопроизводителей на российском рынке. Показано, что их доминирование в России вступает в фазу структурной коррекции: по итогам 2025 г. продажи китайских марок сократились на 25 % (до 685,2 тыс. ед.), а их доля на рынке новых легковых автомобилей снизилась с 58,5 до 51,7 %, тогда как прямой импорт из КНР упал на 68 % (с 656 тыс. до 210 тыс. ед.); сокращение прямого импорта сопровождается опережающим ростом локализованных брендов, значения сервисной поддержки и репутационной устойчивости. Сделан вывод, что долгосрочные позиции китайских автопроизводителей будут определяться не столько ценовой доступностью автомобилей, сколько способностью повысить качество продукции, обеспечить наличие запасных частей, укрепить дилерскую сеть и встроиться в российскую производственную базу.

Ключевые слова: Россия, Китай, автомобильная промышленность, легковые автомобили, импортозамещение, санкции, локализация производства, глобальные цепочки стоимости.

Авторы:

Назарова Дарья Валериевна, ассистент кафедры международных экономических отношений, экономический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (адрес: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6). ORCID: 0000-0002-4074-750X. SPIN-код: 3324-7644. E-mail: nazarova_dv@rudn.ru

Сунь Эрсюнь (孙尔逊), студент, экономический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (адрес: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6). ORCID: 0009-0001-9611-8825. E-mail: 1032234868@rudn.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Назарова Д.В., Сунь Э. Трансформация российского рынка легковых автомобилей в условиях санкционного давления: укрепление позиций китайских производителей // Восточная Азия: факты и аналитика. 2026. Т. 8. № 3. С. 48–73. DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-48-73

Transformation of the Russian passenger car market amidst sanctions pressure: the strengthening position of the Chinese manufacturers

Nazarova Daria V.¹,
Sun Erxun¹

¹ Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract. The article aims to identify the factors transforming the position of Chinese automakers in the Russian market amidst sanctions pressure and to assess the long-term risks associated with production localization, product quality, service infrastructure development and changing consumer preferences. The authors examine the transition of Chinese automotive companies from a model of rapid import substitution, which emerged after the withdrawal of a number of Western, Japanese and South Korean manufacturers, to a more complex model of production presence involving local assembly, subsidiary and localized brands, and adaptation to Russian regulatory and macroeconomic conditions. The theoretical basis of the study is the concept of global value chains, which makes it possible to interpret changes in the Russian automotive market not only as a result of foreign trade redirection, but also as a process of restructuring production, logistics and service links. The novelty of the study lies in applying this framework to evaluate the depth of localization and the sustainability of Chinese automakers' market presence. The article shows that their dominance in Russia is entering a phase of structural adjustment: by the end of 2025, sales of Chinese brands fell by 25 % (to 685,2 thousand units), and their market share declined from 58.5 % to 51.7 %, while direct imports from China dropped by 68 % (from 656 thousand to 210 thousand units). This reduction of direct imports is accompanied by the faster growth of localized brands and the growing importance of after-sales service and reputational sustainability. The authors conclude that the long-term position of Chinese automakers will depend less on vehicle affordability and more on their ability to enhance product quality, ensure spare parts availability, strengthen dealer networks and integrate into the Russian production base.

Keywords: Russia, China, automotive industry, passenger cars, import substitution, sanctions, production localization, global value chains.

Authors:

Nazarova Daria V., Assistant at the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (address: 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4074-750X. SPIN-code: 3324-7644. E-mail: nazarova_dv@rudn.ru

Sun Erxun (孙尔逊), student, Faculty of Economics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (address: 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation). ORCID: 0009-0001-9611-8825. E-mail: 1032234868@rudn.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Nazarova D.V., Sun E. (2026). Transformatsiya rossiyskogo rynka legkovykh avtomobiley v usloviyakh sanktsionnogo davleniya: ukrepleniye pozitsiy kitayskikh proizvoditeley [Transformation of the Russian passenger car market amidst sanctions pressure: the strengthening position of the Chinese manufacturers]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 8 (3): 48–73. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-48-73

Введение

Западные санкции, введённые в 2022 г. и последовательно расширявшиеся в последующие годы, привели к глубокой структурной трансформации российского автомобильного рынка. Уход или приостановка деятельности ряда мировых производителей создали рыночный вакуум, который был быстро заполнен китайскими автомобильными брендами. Однако значение этого процесса не сводится к замене одной группы иностранных поставщиков на другую. Речь идёт о вынужденной реконфигурации глобальных цепочек стоимости в отдельно взятой национальной отрасли под воздействием внешнего геοэкономического шока – то есть о процессе, теоретическое осмысление которого пока отстаёт от накопления эмпирических данных.

Актуальность исследования определяется необходимостью концептуально разграничить два принципиально разных сценария. Согласно первому, экспансия китайских автопроизводителей есть краткосрочный эффект санкций и вынужденного импортозамещения, обратимый при изменении внешних условий. Согласно второму, происходит устойчивая перестройка производственных и технологических связей, встраивающая российский рынок в китаецентричные региональные цепочки стоимости. Различение этих сценариев требует не описания рыночной динамики, а анализа глубины и типа локализации: исследования того, какие звенья цепочки создания стоимости и с каким типом управления переносятся на территорию принимающей экономики.

Степень научной разработанности темы неоднородна. Теория глобальных цепочек стоимости (ГЦС) располагает развитым аппаратом анализа управления и модернизации [Gereffi, Humphrey, Sturgeon 2005; Humphrey, Schmitz 2002]; систематизирована отраслевая специфика управления и апгрейда в цепочках [Кондратьев 2019], а проблематика уязвимости и резильентности цепочек перед внешними шоками и геοэкономической фрагментации активно разрабатывается в последние годы [Смородинская, Катуков, Малыгин 2021; Смородинская, Катуков 2021; Aiyar et al. 2023]. Эволюция и механизмы антироссийских экономических санкций как источника такого шока также получили отражение в научной литературе [Смирнов 2022]. Исследована отраслевая специфика цепочек стоимости в автомобилестроении [Волгина, Возмилова 2015], как и характер участия Китая в глобальном производстве [Волгина, Лю 2020], и траектория развития китайского автопрома и его внутреннего рынка [Горчаков, Данилов, Чистяков 2023; Кирюхина, Михешкина 2023; Чжан, Голик 2024]. Проанализировано состояние российского автомобильного рынка после 2022 г., его сегментная структура и сценарии развития [Милякин, Скубачевская, Валеев 2024]. Отдельное внимание уделяется адаптации отрасли к новым санкционным ограничениям [Курдин, Мелешкина, Федоров 2024], перспективам отечественного автопрома в условиях экспансии китайского капитала [Максимцев и др. 2024], а также деятельности китайских

автомобильных концернов на мировом и российском рынках [Хайбрахманов 2024]. В научных статьях рассмотрен сопоставимый по логике случай экспансии китайских автопроизводителей в другой региональный контур – страны АСЕАН, где сборочная локализация сочетается с зависимостью от китайских технологических решений [Новикова, Прокудин 2025], а также особенности проникновения и закрепления китайских автомобильных компаний на российском рынке [Волгина, Луговская 2024]. Вместе с тем структурная коррекция 2025–2026 гг. и её интерпретация в терминах глубины локализации и распределения добавленной стоимости остаются вне систематического анализа. Именно этот разрыв между богатой фактурой и её недостаточной теоретической проработкой определяет проблему исследования.

Цель исследования – на основе аппарата теории глобальных цепочек стоимости выявить тип и глубину локализации китайских автопроизводителей в России и оценить долгосрочные риски их присутствия. Достижение цели предполагает решение четырёх задач: (1) сформировать теоретико-методологическую рамку, увязывающую уровень локализации с типом управления в ГЦС и характером производственной модернизации; (2) реконструировать причинно-следственную цепочку перехода от торгового присутствия к производственному; (3) оценить факторы, ограничивающие функциональную модернизацию китайских производств; (4) определить траектории развития и связанные с ними риски.

Научная новизна исследования состоит, во-первых, в разработке аналитической типологии глубины локализации иностранных автопроизводителей в принимающей экономике, увязывающей уровень локализации с типом управления в цепочке стоимости и характером модернизации; во-вторых, во введении понятия «санкционно-индуцированная локализация», описывающего вынужденный, инициированный внешним шоком и промышленной политикой принимающей страны переход от торгового присутствия к производственному, который не сопровождается автоматической функциональной модернизацией; в-третьих, в применении этой рамки к российско-китайским автомобильным связям, что позволяет разграничить поверхностную (сборочную) и глубокую (функциональную) локализацию и на этом основании оценить устойчивость позиций китайских брендов.

Гипотеза исследования заключается в том, что долгосрочная устойчивость позиций китайских автопроизводителей в России определяется не объёмом импорта и не фактом сборочной локализации как таковой, а способностью перейти от захватного (captive) типа локализации, при котором ключевые технологии, платформы и компоненты остаются под контролем материнских компаний, к функциональной локализации с ростом доли добавленной стоимости, создаваемой в принимающей экономике. Методология сочетает качественный и количественный анализ с опорой на триангуляцию источников: отраслевую статистику, данные аналитических агентств, макроэкономические показатели, метрики качества и надёжности, потребительские оценки. Статья структурирована следующим образом: в первом разделе изложена теоретико-методологическая рамка; во втором рассматривается роль автомобильной промышленности КНР как источника трансформации; в третьем анализируется текущее состояние рынка; в четвёртом – факторы конкурентоспособности; в пятом типология применяется к позиционированию китайских брендов и определяются траектории развития.

1. Теоретико-методологическая рамка исследования

1.1. Управление и модернизация в глобальных цепочках стоимости

Теория глобальных цепочек стоимости рассматривает производство как географически рассредоточенную последовательность стадий, каждая из которых добавляет часть конечной стоимости [Baldwin 2016; Antràs 2020]. Аналитическая ценность подхода для настоящего исследования связана с двумя его центральными категориями – управлением (governance) и модернизацией (upgrading), которые позволяют перейти от констатации факта присутствия иностранного производителя к оценке его реальной позиции в цепочке.

Согласно каноническому подходу, тип управления в цепочке определяется сложностью транзакций, возможностью кодификации знаний и уровнем компетенций поставщиков и варьируется от рыночного до иерархического, включая промежуточные модульный, реляционный и захватный типы [Gereffi, Humphrey, Sturgeon 2005]. Автомобилестроение исторически тяготело к цепочкам, управляемым производителем, с сильной координацией со стороны головных компаний [Gereffi 1994], а распространение платформенных стратегий усилило в нём модульную составляющую [Sturgeon 2002; Волгина, Возмилова 2015]. Ключевым для анализа российско-китайского случая является захватный (captive) тип управления, при котором малые поставщики или дочерние структуры технологически зависят от доминирующей головной компании, контролирующей проектирование, платформы и компоненты; такая конфигурация характеризуется высокими издержками переключения и производственной блокировкой (lock-in).

Модернизация в ГЦС описывается в терминах перехода фирмы или экономики к более выгодным позициям и подразделяется на процессную, продуктовую, функциональную и межотраслевую [Humphrey, Schmitz 2002; Кондратьев 2019]. Наиболее значимой является функциональная модернизация – освоение функций с более высокой добавленной стоимостью (проектирование, НИОКР, производство компонентов, брендинг, сервис), поскольку именно она определяет объём стоимости, удерживаемой в национальной экономике. Распределение стоимости вдоль цепочки описывается «кривой улыбки»: минимальная стоимость создаётся на стадии сборки, максимальная – на до- и послепроизводственных стадиях [Kaplinsky 2000]. Из этого следует принципиальный для исследования тезис: сборочная локализация сама по себе не тождественна освоению добавленной стоимости и может сосуществовать с сохранением технологической зависимости.

1.2. Геоэкономическая фрагментация и вынужденная регионализация цепочек

Современная перестройка глобальных цепочек стоимости протекает в условиях геоэкономической фрагментации – реорганизации производственных связей вдоль геополитических линий, сопровождающейся регионализацией цепочек и переориентацией на политически близкие юрисдикции [Aiyar et al. 2023; Смородинская, Катуков, Малыгин 2021]. Санкции выступают частным, но наиболее радикальным механизмом такой фрагментации, поскольку вызывают не постепенную, а скачкообразную реконфигурацию; масштаб и последовательное расширение антироссийских ограничений делают этот случай предельным по интенсивности внешнего воздействия [Смирнов 2022]. Российский автомобильный рынок представляет собой один из наиболее выраженных примеров такой фрагментации: резкий уход западных, японских и южнокорейских головных компаний и переориентация на

китаецентричные цепочки в рамках евразийского регионального контура. Существенно, что в этих условиях локализация запускается не конкурентной логикой модернизации, а внешним принуждением и промышленной политикой принимающей страны, что задаёт иной причинно-следственный механизм, чем в классических моделях восходящей модернизации.

1.3. Концепция санкционно-индуцированной локализации и типология её глубины

На пересечении описанных подходов предлагается понятие санкционно-индуцированной локализации – вынужденного, инициированного внешним шоком и регуляторным давлением принимающей страны перехода иностранного производителя от торгового присутствия к производственному. Его отличие от классической восходящей модернизации носит не количественный, а качественный характер. Классическая модернизация является рыночно- и стоимостно-мотивированной: фирма осваивает более сложные функции, стремясь к росту удерживаемой стоимости. Санкционно-индуцированная локализация оборонительна и мотивирована сохранением доступа к рынку в условиях роста издержек импорта; она не гарантирует функциональной модернизации, поскольку головная фирма заинтересована в сохранении захватного управления. Результатом становится риск «поверхностной» локализации – глубокой по стадии сборки, но мелкой по создаваемой стоимости.

Для разграничения этих форм участия предлагается типология глубины локализации (Табл. 1). Глубина оценивается по трём критериям: (а) доля добавленной стоимости, создаваемой в принимающей экономике; (б) наличие функциональной модернизации (локальные поставщики, адаптация, НИОКР); (в) сдвиг типа управления от захватного к реляционному. Стратегический вопрос применительно к любому бренду формулируется как способность перейти с уровней 1–2 (захватная сборка) на уровни 3–4 (функциональная и глубокая локализация), что и определяет обратимость присутствия и объём удерживаемой стоимости.

Таблица 1. Типология глубины локализации иностранных автопроизводителей в принимающей экономике.

Table 1. Typology of the localization depth of foreign automakers in the host economy.

Уровень	Форма присутствия	Локальная добавленная стоимость	Тип управления в ГЦС	Модернизация	Обратимость и зависимость
0	Прямой импорт, дистрибуция	Минимальная (наценка, логистика)	Рыночное	Отсутствует	Полная обратимость; технологическая зависимость
1	Крупноузловая сборка (SKD)	Низкая	Захватное	Процессная (частично)	Высокая обратимость; полный контроль головной компании
2	Мелкоузловая сборка (CKD): сварка, окраска	Умеренная	Захватное	Процессная / продуктовая	Средняя обратимость; зависимость по платформам и компонентам

3	Функциональная локализация: локальные поставщики, адаптация, НИОКР, сервис	Существенная	Реляционное	Функциональная	Низкая обратимость; частичное освоение стоимости
4	Глубокая интеграция: локальная платформа и технология	Высокая	Реляционное / иерархическое	Межотраслевая (chain)	Встроенность в национальную производственную базу

Источник: Составлено авторами на основе [Gereffi, Humphrey, Sturgeon 2005; Humphrey, Schmitz 2002; Kaplinsky 2000].

Source: Compiled by the authors based on [Gereffi, Humphrey, Sturgeon 2005; Humphrey, Schmitz 2002; Kaplinsky 2000].

Предложенная типология выступает основным аналитическим инструментом исследования: наблюдаемые формы присутствия китайских производителей соотносятся с её уровнями, после чего оцениваются тип управления, объём удерживаемой стоимости и вытекающие из них траектории и риски.

2. Автомобильная промышленность КНР как источник трансформации российского рынка

За последнюю четверть века Китай прошёл путь восходящей модернизации в мировой автомобильной цепочке стоимости. По данным Китайской ассоциации автопроизводителей, в 2025 г. производство автомобилей в стране достигло рекордных 34,5 млн ед. (+10,4 % к 2024 г.), в том числе 16,6 млн ед. пришлось на автомобили на новых источниках энергии (+29 %); на протяжении семнадцати лет подряд по этому показателю Китай удерживает первое место в мире. Долгосрочная динамика выпуска легковых автомобилей, выросшего за четверть века более чем на порядок, представлена на Рис. 1. Принципиально, что этот рост означал не только количественное наращивание сборки, но и функциональную модернизацию – освоение проектирования, платформенных решений и, в сегменте электромобилей, ключевых компонентов. В терминах теории ГЦС Китай перешёл от периферийной позиции «сборочного цеха» к позиции носителя головных функций, контролирующего звенья с высокой добавленной стоимостью [Волгина, Лю 2020]; траектория этого перехода – от копирования и совместных предприятий к собственным платформам и электромобильным технологиям – подробно прослежена в работах [Горчаков, Данилов, Чистяков 2023; Кирюхина, Михешкина 2023]. Именно этот сдвиг превращает китайские компании из поставщиков в головные фирмы, экспортирующие вовне собственный, преимущественно захватный, тип управления цепочкой – обстоятельство, определяющее характер их присутствия на российском рынке.

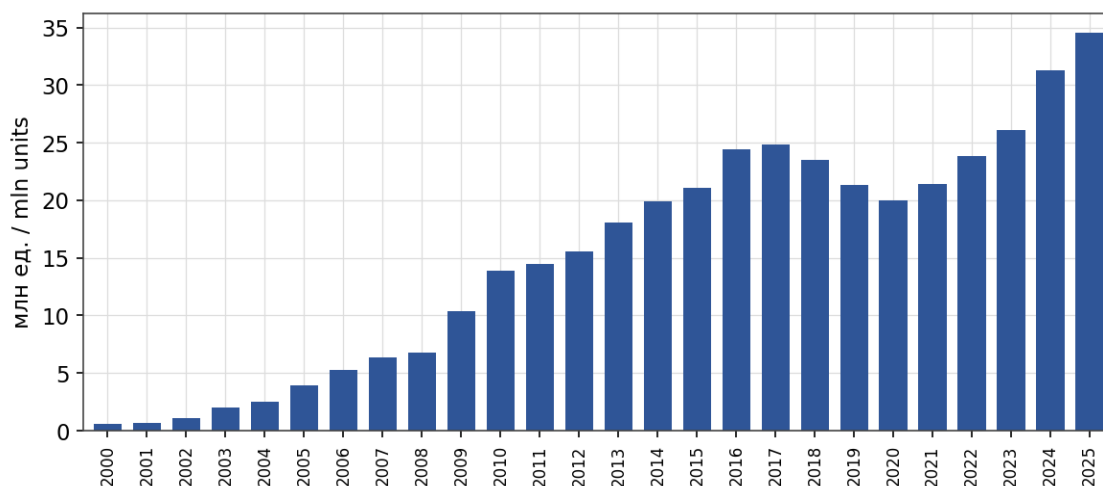

Рис. 1. Годовое производство легковых автомобилей в КНР (2000–2025), млн ед.

Fig. 1. Annual passenger car production in China (2000–2025), mln units.

Источник: Составлено авторами по: Production Statistics. International Organization of Motor Vehicle Manufacturers (OICA). URL: <https://oica.net/production-statistics/> (дата обращения: 27.09.2026).

Source: Compiled by the authors based on: Production Statistics. International Organization of Motor Vehicle Manufacturers (OICA). URL: <https://oica.net/production-statistics/> (accessed: Sep 27, 2026).

Продажи иностранных легковых автомобилей в России демонстрировали устойчивый рост на протяжении двух десятилетий: с 46,7 тыс. ед. в 2000 г. до пикового уровня 2,18 млн ед. в 2012 г. Однако после 2022 г. структура импорта претерпела фундаментальные изменения: китайские производители заместили ушедшие с рынка европейские, японские и корейские бренды (Рис. 2). С аналитической точки зрения этот сдвиг представлял собой разрыв прежних цепочек, управлявшихся западными головными фирмами, и их замещение цепочками с китайским центром управления – при сохранении на первом этапе чисто торговой формы присутствия (уровень 0 предложенной типологии).

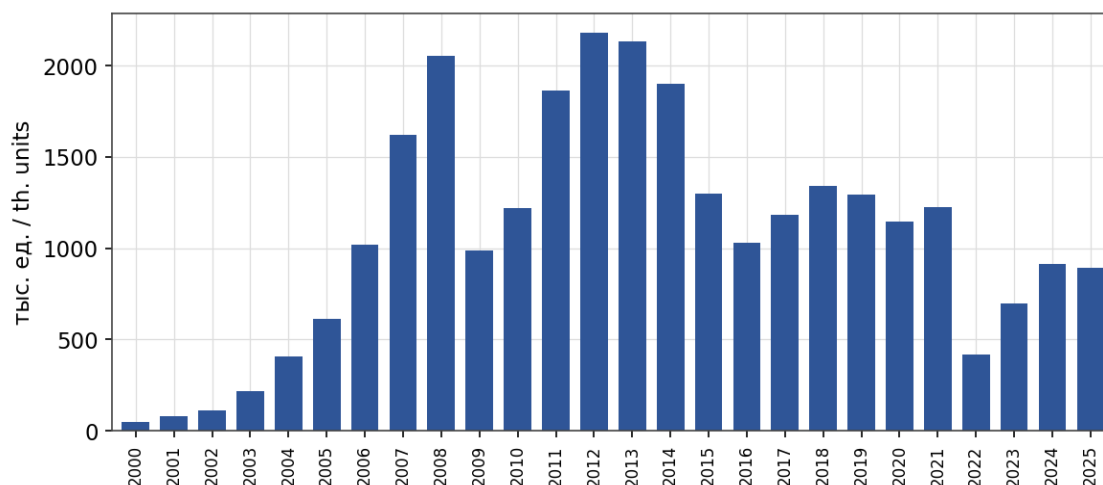

Рис. 2. Динамика продаж новых иностранных автомобилей в РФ (2000–2025), тыс. ед.

Fig. 2. Dynamics of new foreign car sales in Russia (2000–2025), thousand units.

Источник: Составлено авторами по: Продажи новых автомобилей в России. Statbase. URL: <https://statbase.ru/data/rus-vehicles-sales-by-country/> (дата обращения: 27.09.2026).

Source: Compiled by the authors based on: New Car Sales in Russia. Statbase. URL: <https://statbase.ru/data/rus-vehicles-sales-by-country/> (accessed: Sep 27, 2026).

В 2023–2024 гг. доля китайских автомобилей в импорте достигла 76,1 %¹, что стало историческим максимумом. Однако это доминирование реализовывалось преимущественно через прямой импорт, то есть на уровне цепочки с минимальным удержанием стоимости в принимающей экономике. Таким образом, к 2025 г. сложилась предпосылка структурной коррекции: исчерпание потенциала чисто торговой модели при нарастающем регуляторном давлении сделало неизбежным переход к производственным формам присутствия.

3. Современное состояние российского рынка и позиции китайских автомобилей

Мировой экспорт китайской автомобильной продукции до 2020 г. сохранял умеренные темпы роста, однако с 2021 г. на фоне нарушения традиционных логистических цепочек начал ускоряться, а в 2025 г. достиг исторического максимума: экспорт превысил 7 млн ед., увеличившись на 21,1 % к 2024 г., причём поставки автомобилей на новых источниках энергии выросли вдвое – до 2,6 млн ед. (Рис. 3). Крупнейшим экспортёром стала Chery (1,34 млн ед.). Эта динамика подтверждает закрепление китайских фирм в позиции головных звеньев мировой цепочки [Волгина, Лю 2020; Чжан, Голик 2024] и формирует ресурсную базу для экспорта их производственной модели на внешние рынки.

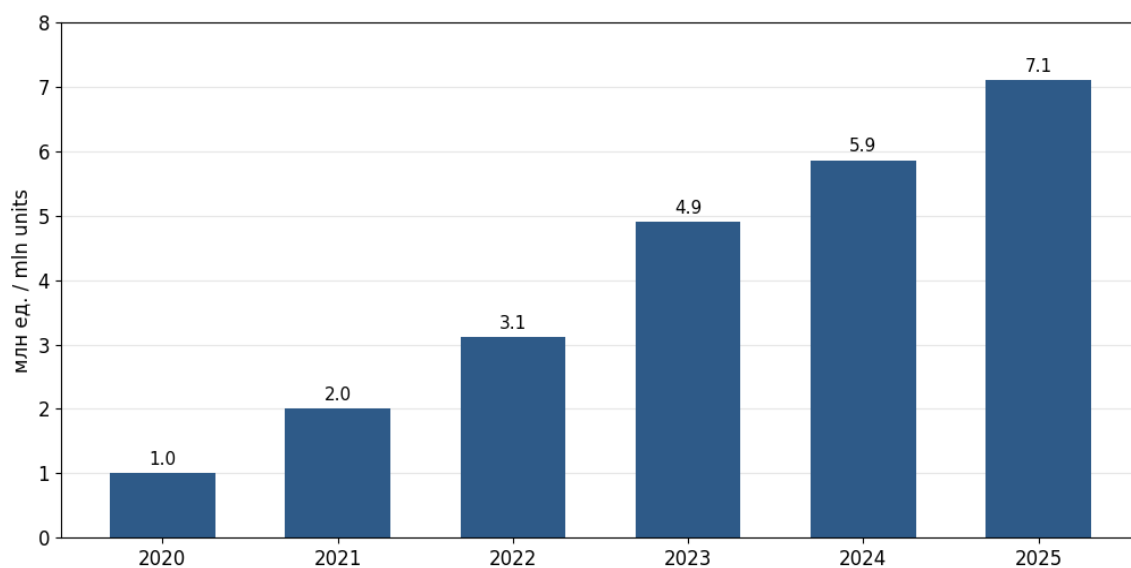

Рис. 3. Объём экспорта автомобилей из КНР (2020–2025), млн ед.

Fig. 3. Volume of car exports from China (2020–2025), mln units.

Источник: Составлено авторами по: Обзор экспорта автомобилей за декабрь 2025 г. Китайская ассоциация автопроизводителей (CAAM), 22.01.2026. URL: https://www.caam.org.cn/chn/4/cate_34/con_5237010.html (дата обращения: 27.09.2026).

Source: Compiled by the authors based on: Automobile Exports in December 2025. China Association of Automobile Manufacturers (CAAM), Jan 22, 2026. URL: https://www.caam.org.cn/chn/4/cate_34/con_5237010.html (accessed: Sep 27, 2026).

¹ Доля продаж новых легковых автомобилей из Китая в России выросла до 51% за 2023 год. Автостат. URL: <https://www.mk.ru/economics/2024/01/13/dolya-prodazh-novykh-legkovykh-avtomobiley-iz-kitaya-v-rossii-vyroslo-do-51-za-2023-god-avtostat.html> (дата обращения: 15.03.2026).

В январе–мае 2024 г. Россия оставалась крупнейшим направлением китайского автомобильного экспорта (Рис. 4), однако в 2025 г. утратила безусловное первенство: за январь–ноябрь 2025 г. поставки из КНР сократились на 56,1 %, до 513 тыс. ед., и, по оценкам «Автостата», по итогам девяти месяцев Россия опустилась на третье место среди покупателей китайских автомобилей, уступив Мексике и ОАЭ. Изменились не только объёмы, но и качественная структура поставок. В январе–октябре 2025 г. импорт новых китайских автомобилей сократился на 68 % в натуральном выражении – с 656 тыс. до 210 тыс. ед. Сокращение² объясняется тремя связанными факторами: общим сжатием рынка, накопленными в 2024 г. запасами и переносом сборки в Россию и Беларусь. В терминах предложенной рамки это не спад присутствия, а его переход с уровня 0 (прямой импорт) на уровни 1–2 (сборочная локализация): статистическое сокращение импорта отражает не уход китайских производителей, а смену формы их присутствия при сохранении контроля над ключевыми компонентами.

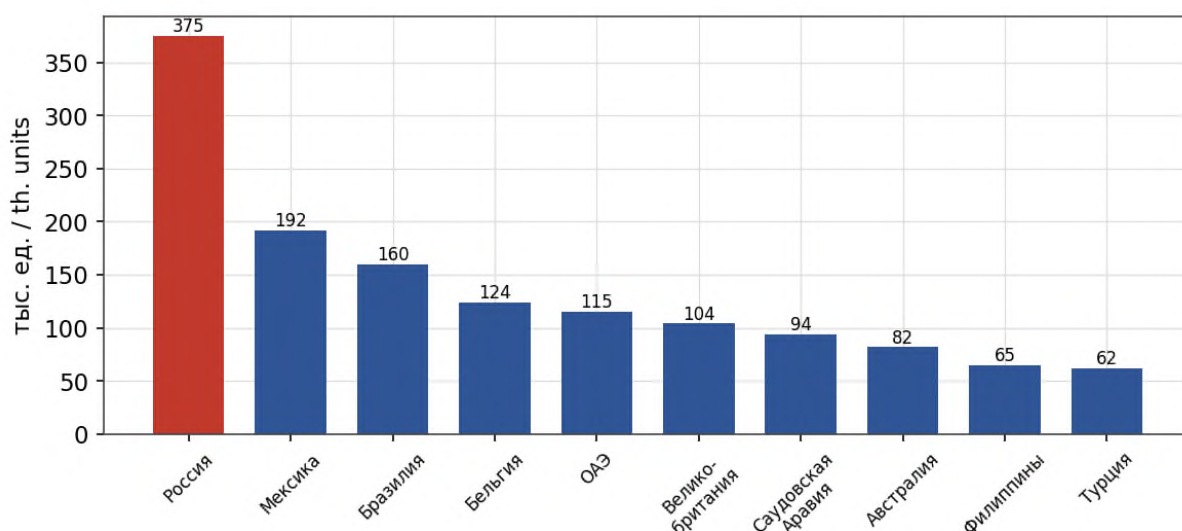

Рис. 4. Экспорт автомобилей из КНР по отдельным странам назначения (январь–май 2024 г.), тыс. ед.

Fig. 4. China's car exports to selected destinations (January–May 2024), thousand units.

Источник: Составлено авторами по: Обзор авторынка за 17–23 июня 2024 г. Китайская ассоциация автомобильных дилеров (CADA). URL: https://www.cada.cn/Trends/info_91_10011.html (дата обращения: 27.09.2026).

Source: Compiled by the authors based on: China Automobile Dealers Association (CADA), Automotive Market Review, June 17–23, 2024. URL: https://www.cada.cn/Trends/info_91_10011.html (accessed: Sep 27, 2026).

На глобальном уровне крупнейшими китайскими компаниями-экспортёрами в 2025 г. стали Chery (1,34 млн ед.), SAIC (1,07 млн ед.) и BYD (1,05 млн ед.), за которыми следуют Changan, Great Wall и Geely (Рис. 5). На российском рынке лидером среди китайских марок по итогам 2025 г. остался Haval (173,3 тыс. проданных ед.), показавший наименьшее среди них падение продаж (–9,1 %) за счёт наивысшего уровня локализации в Тульской области. Chery (99,8 тыс. ед.) и Geely (94,0 тыс. ед.) удержали присутствие в первой пятёрке, но потеряли соответственно 36,4 и 36,9 % продаж; Geely при этом использует белорусские

² Импорт новых легковых автомобилей в Россию упал на 64%. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/19/11/2025/691d793f9a79472e4c6da67b> (дата обращения: 14.03.2026).

мощности для выпуска автомобилей под брендом Belgee. Продажи Changan сократились на 37,6 %, и единственной китайской маркой с положительной динамикой оказался Jetour (36,5 тыс. ед., +3,7 %). Наиболее быстро росли локализованные бренды – Belgee (+96,5 %) и Solaris (+132 %)³. Существенно, что глубина падения обратно пропорциональна уровню локализации: наименьшие потери у наиболее локализованного Haval, наибольшие – у брендов, опиравшихся на прямой импорт, тогда как локализованные Belgee и Solaris растут кратно. Это первое эмпирическое указание на то, что устойчивость позиций определяется глубиной встраивания в производственную базу, а не объёмом импорта.

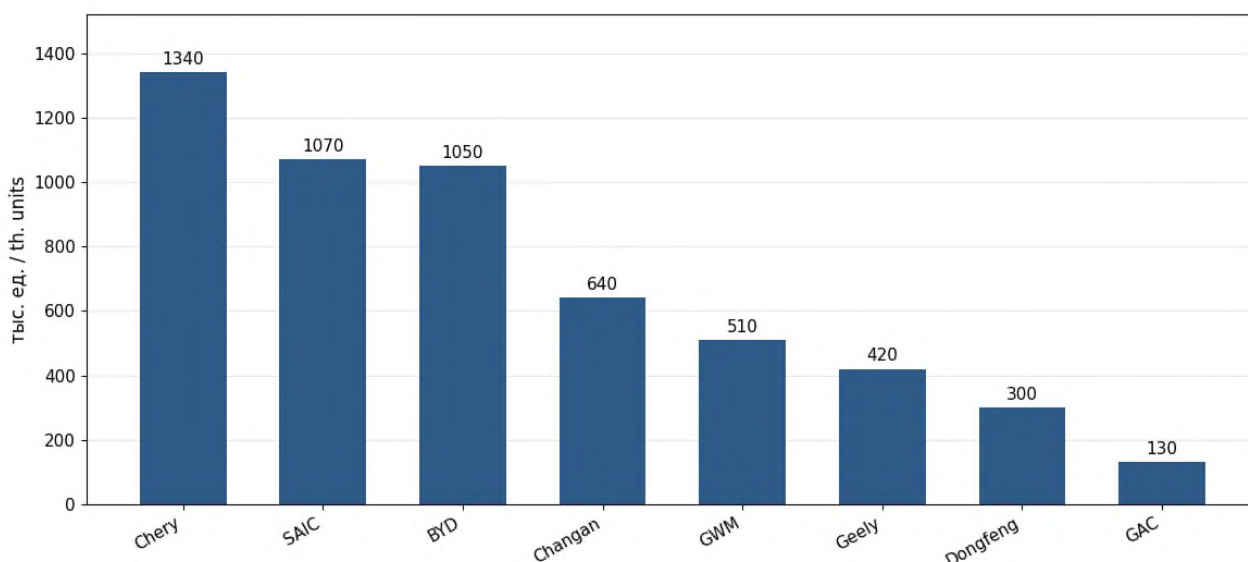

Рис. 5. Крупнейшие китайские компании – экспортёры автомобилей (2025), тыс. ед.

Fig. 5. Largest Chinese automobile exporting companies (2025), thousand units.

Источник: Составлено авторами по: Итоги 2025 г. Chery Group, 02.01.2026. URL: <https://www.cheryholding.com/article/1085.html>; Итоги зарубежных продаж 2025 г. SAIC Motor, 2026. URL: https://www.saicmotor.com/e/latest_news/saic_motor/63550.shtml; Итоги продаж 2025 г. BYD, 2026. URL: <https://www.byd.com/cn/detail614> (дата обращения: 27.09.2026).

Source: Compiled by the authors based on: Chery Group 2025 Results, Jan 2, 2026. URL: <https://www.cheryholding.com/article/1085.html>; SAIC Motor 2025 Overseas Sales, 2026. URL: https://www.saicmotor.com/e/latest_news/saic_motor/63550.shtml; BYD 2025 Sales, 2026. URL: <https://www.byd.com/cn/detail614> (accessed: Sep 27, 2026).

Анализ импорта за 2023–2025 гг. выявляет структурные изменения. Доля китайских автомобилей в импорте оставалась доминирующей – 76,1 % в 2023 г., 78,4 % в 2024 г. и 77 % в первом полугодии 2025 г., однако абсолютные объёмы резко сократились. Второе место занял Кыргызстан (8 %), далее следовали Беларусь (4,7 %), Республика Корея (4,4 %) и Казахстан (2,2 %), причём транзитная роль Кыргызстана быстро нарастала: в первом полугодии 2026 г. через него было ввезено уже 18,9 % всех новых импортных автомобилей (35,2 тыс. ед., рост почти втрое); в сегменте автомобилей с пробегом Китай занимает третье

³ Продажи новых легковых автомобилей в России в 2025 году и в декабре. *Автостат*, 13.01.2026. URL: <https://www.autostat.ru/press-releases/61576/> (дата обращения: 17.03.2026); Продажи китайских легковых автомобилей в 2025 году снизились на четверть. *Автостат*, 15.01.2026. URL: <https://www.autostat.ru/news/61599/> (дата обращения: 17.03.2026).

место (17,6 %) после Японии (35,3 %) и Республики Корея (23 %)⁴ (Рис. 6). Рост доли реэкспорта через ЕАЭС имеет важное значение: он свидетельствует о регионализации цепочки в евразийском контуре [Aiyar et al. 2023], при которой часть логистических и распределительных функций смещается в сопредельные юрисдикции.

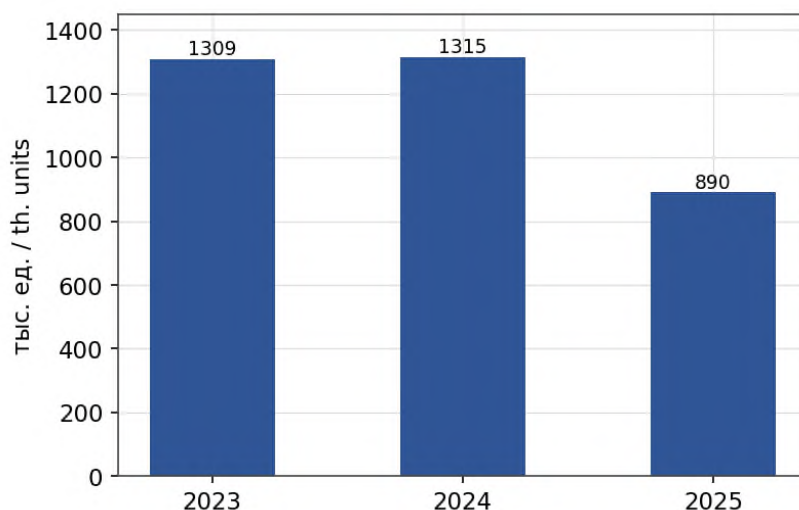

Рис. 6. Импорт легковых автомобилей в Россию (2023–2025), тыс. ед.

Fig. 6. Imports of passenger cars into Russia (2023–2025), thousand units.

Источник: Составлено авторами по: Импорт новых автомобилей в Россию в I полугодии упал на 63 %. Автостат, 22.07.2025. URL: <https://www.autostat.ru/news/60494/>; Доля физлиц в импорте новых автомобилей в 2025 году выросла до 42 %. Автостат, 26.02.2026. URL: <https://www.autostat.ru/news/61864/>; Автомобильный рынок России в декабре и январе–декабре 2025 года. РОАД, 13.01.2026. URL: <https://asroad.org/statistic-analitik/avtomobilnyj-rynok-rossii-v-dekatre-i-yanvare-dekabre-2025-goda-novye-legkovye-avtomobili-legkie-kommercheskie-avtomobili-i-pikapu/> (дата обращения: 27.09.2026).

Source: Compiled by the authors based on: Imports of New Cars into Russia Fell by 63% in H1 2025. Autostat, Jul 22, 2025. URL: <https://www.autostat.ru/news/60494/>; Private Buyers' Share of New Car Imports in 2025. Autostat, Feb 26, 2026. URL: <https://www.autostat.ru/news/61864/>; Russian Automotive Market in December and January–December 2025. ROAD, Jan 13, 2026. URL: <https://asroad.org/statistic-analitik/avtomobilnyj-rynok-rossii-v-dekatre-i-yanvare-dekabre-2025-goda-novye-legkovye-avtomobili-legkie-kommercheskie-avtomobili-i-pikapu/> (accessed: Sep 27, 2026).

По данным «Автостата», за первое полугодие 2025 г. в Россию было ввезено 149,3 тыс. новых легковых автомобилей против 408,5 тыс. годом ранее, что отражает сокращение на 63 %⁵. Оно объясняется не только эффектом базы, но и накопленными структурными дисбалансами: чрезмерной зависимостью от импорта, недостаточной локализацией и ужесточением кредитных условий, что соответствует оценкам сегментной структуры российского рынка и его среднесрочных перспектив [Милякин, Скубачевская, Валеев 2024]; особенности проникновения и закрепления китайских автомобильных компаний на

⁴ Рассчитано авторами по: Доля физлиц в импорте новых автомобилей в 2025 году выросла до 42 %. Автостат, 26.02.2026. URL: <https://www.autostat.ru/news/61864/> (дата обращения: 27.09.2026).; Автомобильный рынок России в декабре и январе–декабре 2025 года (новые легковые автомобили, лёгкие коммерческие автомобили и пикапы). РОАД, 13.01.2026. URL: <https://asroad.org/statistic-analitik/avtomobilnyj-rynok-rossii-v-dekabre-i-yanvare-dekabre-2025-goda-novye-legkovye-avtomobili-legkie-kommercheskie-avtomobili-i-pikapu/> (дата обращения: 27.09.2026).

⁵ Импорт новых автомобилей в РФ за полгода упал на 63%. РБК, 23.07.2025. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/687fac159a79471d213aef64> (дата обращения: 17.03.2026).

российском рынке подробно рассмотрены в работе [Волгина, Луговская 2024]. При этом сокращение прямого ввоза китайских автомобилей (с 656 тыс. до 210 тыс. ед., или на 68 %) опережало сжатие продаж китайских марок на внутреннем рынке (–25 %), что подтверждает их опережающий переход от торговой формы присутствия к сборочной локализации: выпадающий импорт замещался локальной сборкой, а не уходом с рынка.

4. Факторы конкурентоспособности китайских автопроизводителей

Политические факторы: регуляторное принуждение к локализации

С 1 октября 2024 г. утилизационный сбор на импортируемые автомобили был повышен в среднем на 80 %⁶, а в декабре 2025 г. вступили в силу новые правила его льготного расчёта⁷. Эти меры, продолжившие линию адаптации отрасли к санкционным ограничениям через инструменты промышленной политики [Курдин, Мелешкина, Федоров 2024], увеличили издержки импорта (цены выросли, по оценкам, на 10–30 %⁸) и создали регуляторное давление, выступающее непосредственным триггером санкционно-индуцированной локализации в предложенной модели. Геополитическая нестабильность усиливает фрагментацию экономического пространства и формирование региональных блоков, что напрямую влияет на трансграничные цепочки поставок [Aiyar et al. 2023].

Реакция китайских производителей носит стратегический характер: вместо ухода они активизировали локализацию. Haval максимально сосредоточил производство в Тульской области, Chery запустил выпуск под брендом Tenet на бывшем заводе Volkswagen в Калуге, Geely использует белорусские мощности для Belgee. Следует отметить, что во всех случаях головная компания сохраняет контроль над платформами, технологиями и компонентами, то есть воспроизводит захватный тип управления [Gereffi, Humphrey, Sturgeon 2005]. Тем самым регуляторное принуждение обеспечивает переход на уровни 1–2 типологии, но само по себе не гарантирует продвижения к функциональной локализации – этот разрыв и составляет ядро долгосрочного риска.

Экономические факторы: спрос, макросреда и кредитный канал

Сопоставление динамики мирового ВВП с китайским автомобильным экспортом подтверждает высокую эластичность спроса на автомобильную продукцию по мировой конъюнктуре (Рис. 7).

⁶ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 13.09.2024 № 1255. *Правительство России*, 13.09.2024. URL: <https://government.ru/docs/all/155254/> (дата обращения: 17.03.2026).

⁷ О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1291: постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2025 № 1713. *Правительство России*, 01.11.2025. URL: <https://government.ru/docs/all/161708/> (дата обращения: 17.03.2026).

⁸ Как рост утильсбора скажется на рынке электромобилей и гибридов? Автостат, 21.01.2025. URL: https://www.autostat.ru/editorial_column/59291/ (дата обращения: 17.03.2026).

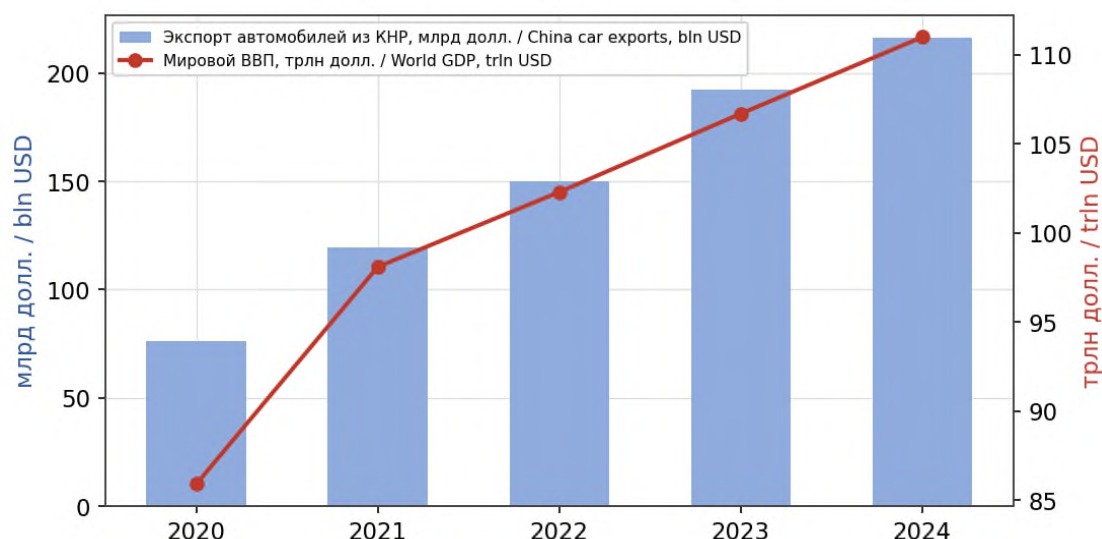

Рис. 7. Взаимосвязь экспорта автомобилей из КНР и мирового ВВП.

Fig. 7. Relationship between China's car exports and world GDP.

Источник: Составлено авторами по: GDP (current US\$). World Development Indicators, World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>; UN Comtrade Database: trade data explorer, товарная группа 87, экспорт КНР. URL: <https://comtradeplus.un.org/> (дата обращения: 27.09.2026).

Source: Compiled by the authors based on: GDP (current US\$). World Development Indicators, World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>; UN Comtrade Database: trade data explorer, HS chapter 87, exports from China. URL: <https://comtradeplus.un.org/> (accessed: Sep 27, 2026).

Анализ российского рынка выявляет три взаимосвязанных обстоятельства. Во-первых, устойчиво доминирует сегмент автомобилей с пробегом: в 2025 г. на него пришлось 67 % оборота рынка в стоимостном выражении (9,18 трлн руб.) против 33 % на новые автомобили (4,61 трлн руб.)⁹. Во-вторых, прослеживается положительная связь динамики ВВП и продаж. В-третьих, кризис 2022 г. вызвал резкое падение продаж новых автомобилей (Рис. 8). Структурное смещение спроса к вторичному рынку ограничивает ёмкость сегмента новых автомобилей, в котором и разворачивается локализация, тем самым сужая экономическую базу для перехода на более высокие уровни.

⁹ Автомобильный рынок России в декабре и январе–декабре 2025 года (Новые легковые автомобили, лёгкие коммерческие автомобили и пикапы). Ассоциация «Российские автомобильные дилеры» (РОАД), 13.01.2026. URL: <https://asroad.org/statistic-analitik/avtomobilnyj-rynok-rossii-v-dekabre-i-yanvare-dekabre-2025-goda-novye-legkovye-avtomobili-legkie-kommercheskie-avtomobili-i-pikapu/> (дата обращения: 17.03.2026).

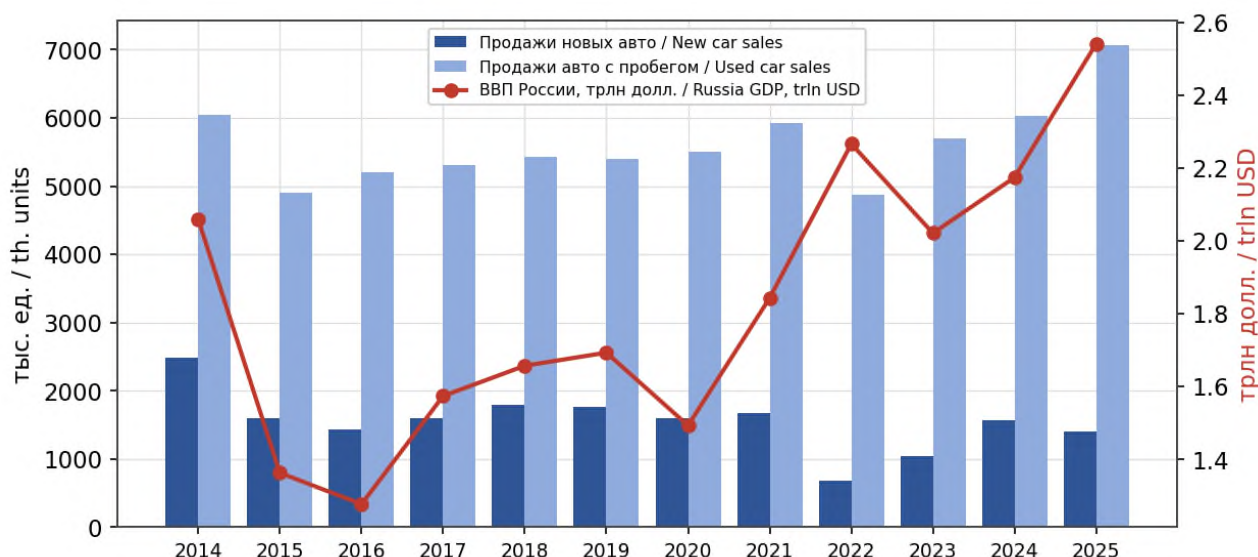

Рис. 8. Продажи новых автомобилей и автомобилей с пробегом в России и ВВП.

Fig. 8. New and used car sales in Russia and GDP.

Источник: Составлено авторами по: Национальные счета. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>; Продажи автомобилей в России по годам. Greenway. URL: <https://greenway.icnet.ru/cars-sales-actual-russia.html> (дата обращения: 27.09.2026).

Source: Compiled by the authors based on: National Accounts. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>; Car Sales in Russia by Year. Greenway. URL: <https://greenway.icnet.ru/cars-sales-actual-russia.html> (accessed: Sep 27, 2026).

Главным макроэкономическим ограничителем выступила высокая ключевая ставка Банка России: достигнув 21 % годовых, она удерживалась на этом уровне с октября 2024 г. по июнь 2025 г. и, несмотря на последовавшее смягчение (15,5 % в феврале 2026 г., 14 % в июле 2026 г.), оставалась двузначной¹⁰. Высокая стоимость заимствований сделала автокредиты недоступными для значительной части потребителей: до 60 % дилерского бизнеса зависит от кредитных сделок, а ранее до 70 % китайских автомобилей продавалось в кредит; сужение этого канала привело к закрытию каждого четвертого дилерского центра, торгующего китайскими брендами, что подтверждает уязвимость дистрибуционного звена в условиях экспансии китайского капитала [Максимцев и др. 2024]¹¹. Сжатие кредитного канала ослабляет послепродажное и дистрибуционное звено цепочки – то самое, освоение которого соответствует функциональной модернизации, – и этим дополнительно затрудняет продвижение с уровня 2 на уровень 3.

¹⁰ Ключевая ставка Банка России. *Банк России*. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/; Ключевые показатели. *Банк России*. URL: <https://www.cbr.ru/key-indicators/> (дата обращения: 04.08.2026).

¹¹ Китайские автомобильные бренды резко сократили число шоурумов в РФ. РОАД, 2026. URL: <https://asroad.org/news/novosti-rynka/kitajskie-avtomobilnye-brendy-rezko-sokratili-chislo-shourumov-v-rf/> (дата обращения: 27.09.2026).; Алиханов сообщил о падении рынка автопрома. РОАД, 2025 (со ссылкой на оценку группы «Рольф» о доле кредитных продаж). URL: <https://asroad.org/news/novosti-rynka/alihanov-soobshhil-o-padenii-rynka-avtoproma/> (дата обращения: 27.09.2026).

Технические факторы: качество как ограничитель функциональной модернизации

Китайская автомобильная промышленность длительное время критиковалась за качество продукции. По данным платформы Qichemen, в 2023–2025 гг. на китайские бренды пришлось 230 213 жалоб, что существенно превышает показатели Японии, Германии, США, Франции и Республики Корея (Рис. 9). В логике ГЦС проблемы качества интерпретируются как следствие недостаточной координации между звеньями цепочки при быстром наращивании производства и переносе мощностей [Humphrey, Schmitz 2002]: разрыв в качестве является не только рыночной, но и структурной характеристикой, прямо ограничивающей возможность функциональной модернизации.

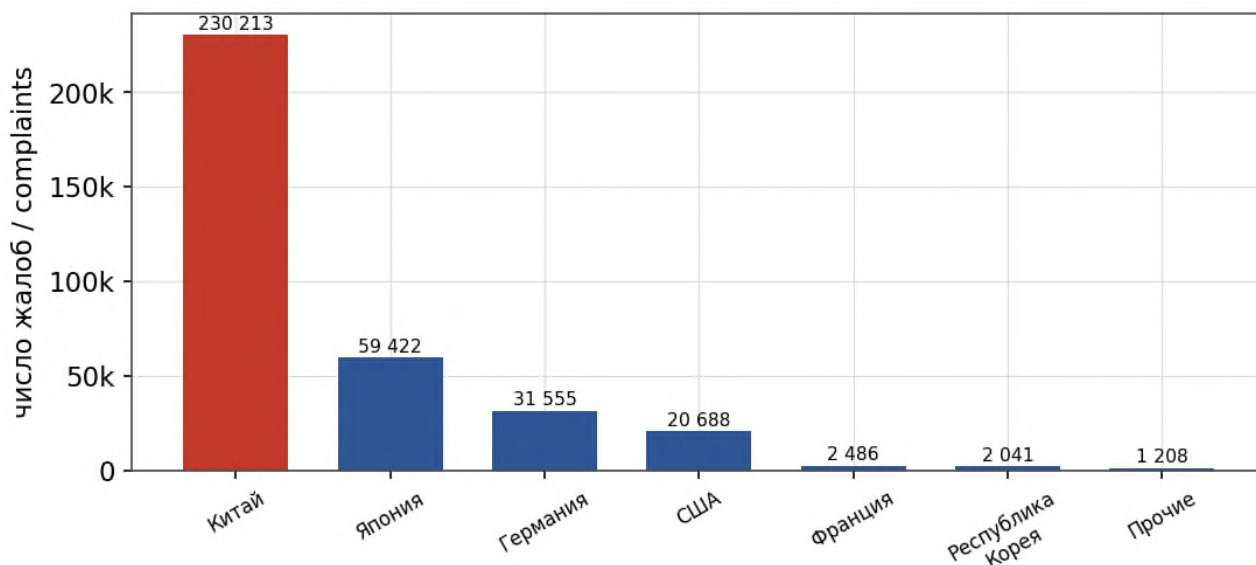

Рис. 9. Число жалоб на автомобили по странам происхождения (2023–2025).

Fig. 9. Number of car complaints by country of origin (2023–2025).

Источник: Составлено авторами по: Годовой анализ индекса жалоб на качество автомобилей за 2024 г. Qichemen, 2025. URL: <https://qichemen.com/storage/app/uploads/public/67a/342/41b/67a34241bb13f204455805.pdf>; Годовой анализ за 2025 г. Qichemen, 20.01.2026. URL: <https://chejiahao.autohome.com.cn/info/24766007> (дата обращения: 27.09.2026).

Source: Compiled by the authors based on: Annual Domestic Automobile Quality Complaint Index Report 2024. Qichemen, 2025. URL: <https://qichemen.com/storage/app/uploads/public/67a/342/41b/67a34241bb13f204455805.pdf>; Annual Report 2025. Qichemen, Jan 20, 2026. URL: <https://chejiahao.autohome.com.cn/info/24766007> (accessed: Sep 27, 2026).

Показательно ухудшение долгосрочной надёжности: проблемы у автомобилей с ДВС растут второй год подряд, накопив прирост 9 % за три года; число конструктивных проблем увеличилось на 20 % и составляет 45 % всех жалоб¹². Среди китайских брендов наилучший показатель демонстрирует Chery (188 PP100), далее Hongqi (192 PP100) и Geely (200 PP100) (Рис. 10). Сохраняющийся разрыв с лидерами отрасли означает, что без освоения инженерно-конструкторских функций локализация рискует закрепиться на уровнях 1–2, воспроизводя захватную зависимость.

¹² Vehicle dependability in China declines for second consecutive year, JD Power finds. *J.D. Power*, 24.10.2025. URL: <https://china.jdpower.com/press-releases/2025ChinaVDS> (дата обращения: 17.03.2026).

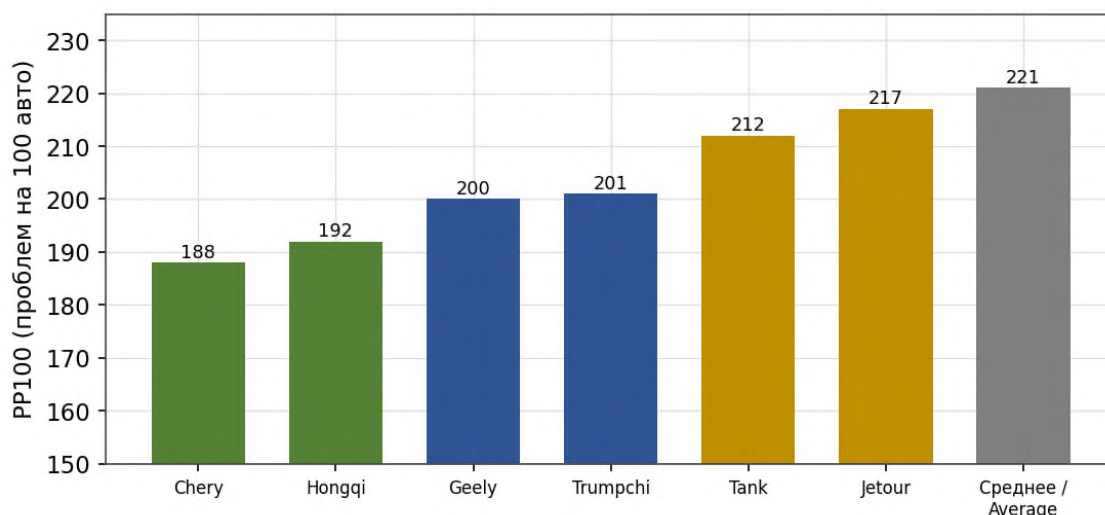

Рис. 10. Число проблем на 100 автомобилей китайских брендов после трёх лет эксплуатации.

Fig. 10. Number of problems per 100 vehicles from Chinese brands after three years of ownership.

Источник: Составлено авторами по: 2025 China Vehicle Dependability Study (VDS). J.D. Power, 24.10.2025. URL: <https://china.jdpower.com/press-releases/2025ChinaVDS> (дата обращения: 27.09.2026).

Source: Compiled by the authors based on: 2025 China Vehicle Dependability Study (VDS). J.D. Power, Oct 24, 2025. URL: <https://china.jdpower.com/press-releases/2025ChinaVDS> (accessed: Sep 27, 2026).

Потребительское восприятие: рыночный доступ и репутационная устойчивость

Потребительское восприятие выступает самостоятельным звеном рыночного доступа, а формирование устойчивых предпочтений – одним из механизмов закрепления китайских брендов на российском рынке [Волгина, Луговская 2024]. Дифференциация стратегий отдельных китайских концернов на российском рынке уже отмечалась в литературе [Хайбрахманов 2024]. Позиционирование ключевых брендов дифференцировано: Chery ассоциируется с комфортом салона и низкими эксплуатационными расходами, Haval – с ценовой доступностью и внедорожными качествами, Geely – с дизайном, Exeed – с премиальным сегментом, Changan – с качеством отделочных материалов. Устойчивая репутация снижает чувствительность спроса к разрыву в качестве и тем самым частично компенсирует структурные ограничения функциональной модернизации, однако не устраняет их.

5. Структурная коррекция рынка: позиционирование брендов и траектории развития

Данные 2025–2026 гг. позволяют квалифицировать наблюдаемые изменения как структурную коррекцию – смену фазы вынужденного импортозамещения фазой производственной локализации. Её эмпирические признаки – переход от импорта к сборке, сокращение продаж китайских марок на 25 % (до 685,2 тыс. ед.) и снижение их доли на рынке новых легковых автомобилей с 58,5 до 51,7 % при сохранении лидерства¹³,

¹³ Продажи китайских легковых автомобилей в 2025 году снизились на четверть. *Автостат*, 15.01.2026. URL: <https://www.autostat.ru/news/61599/> (дата обращения: 17.03.2026).

опережающий рост локализованных брендов (Tenet, продажи которого стартовали лишь в августе 2025 г., уже в ноябре занял третье место в марочном рейтинге, обойдя Geely и Belgee; сам Belgee прибавил 96,5 %¹⁴) и сокращение прямого импорта из Китая на 68 %. В терминах предложенной типологии это означает массовый сдвиг присутствия китайских производителей с уровня 0 на уровни 1–2 при пока не решённом вопросе о переходе на уровни 3–4.

Применение типологии к ключевым игрокам (Табл. 2) показывает, что российско-китайская локализация сосредоточена преимущественно на уровнях 1–2, то есть носит захватный характер с ограниченным освоением стоимости. Наибольшего прогресса достиг Naval, приближающийся к уровню 3 за счёт большей глубины производства; проекты Tenet и Belgee пока соответствуют уровням 1–2, а значительная часть рынка сохраняет форму прямого импорта (уровень 0).

Таблица 2. Позиционирование китайских брендов на российском рынке по уровню локализации (2025–2026).

Table 2. Positioning of Chinese brands in the Russian market by localization level (2025–2026).

Бренд / площадка	Уровень локализации	Достигнутая модернизация	Барьер к повышению уровня	Долгосрочный риск
Naval (Тула, Great Wall)	2 → 3	Процессная, элементы функциональной	Локализация компонентной базы, НИОКР	Сохранение захватного управления; разрыв в качестве
Chery / Tenet (Калуга)	1 → 2	Процессная	Углубление сборки, локальные поставщики	Обратимость; репутационные риски нового бренда
Geely / Belgee (Беларусь)	1 → 2	Процессная	Трансграничная (ЕАЭС) координация, компоненты	Зависимость от платформ; регуляторная асимметрия
Прочие бренды (прямой импорт)	0	Отсутствует	Регуляторные издержки, утилизационный сбор	Полная обратимость; вытеснение при ужесточении политики

Источник: Составлено авторами.

Source: Compiled by the authors.

Траектории развития и прогнозная среда

Макроэкономическая рамка задаётся прогнозами Банка России, предполагающими умеренный рост ВВП (Рис. 11), потенциальное ослабление рубля, повышающее стоимость импорта и относительную привлекательность локального производства (Рис. 12), и рост объёмов импорта к 2028 г. – в 2025 г. импорт товаров и услуг составил 398 млрд долл.

¹⁴ Продажи новых легковых автомобилей в России в ноябре 2025 года. *Автостат*, 03.12.2025. URL: <https://www.autostat.ru/press-releases/61377/> (дата обращения: 15.02.2026).

против 383 млрд долл. в 2024 г. (Рис. 13). Демографический прогноз Росстата указывает на дальнейшее сокращение населения, составлявшего 146,1 млн чел. на 1 января 2025 г. (Рис. 14), что формирует долгосрочное ограничение ёмкости рынка.

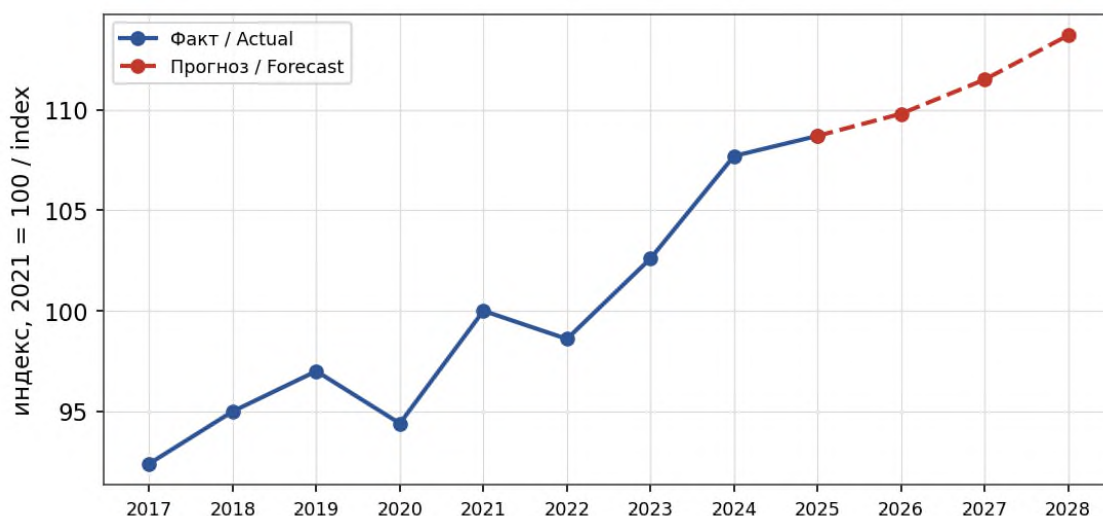

Рис. 11. Сценарии роста ВВП России до 2028 г.

Fig. 11. Russia's GDP growth scenarios up to 2028.

Источник: Составлено авторами по: Комментарий к среднесрочному прогнозу Банка России от 26.02.2026 (прогноз до 2028 г.). URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/187047/comment_26022026.pdf (дата обращения: 27.09.2026).

Source: Compiled by the authors based on: Commentary on the Bank of Russia Medium-Term Forecast, Feb 26, 2026 (through 2028). URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/187047/comment_26022026.pdf (accessed: Sep 27, 2026).

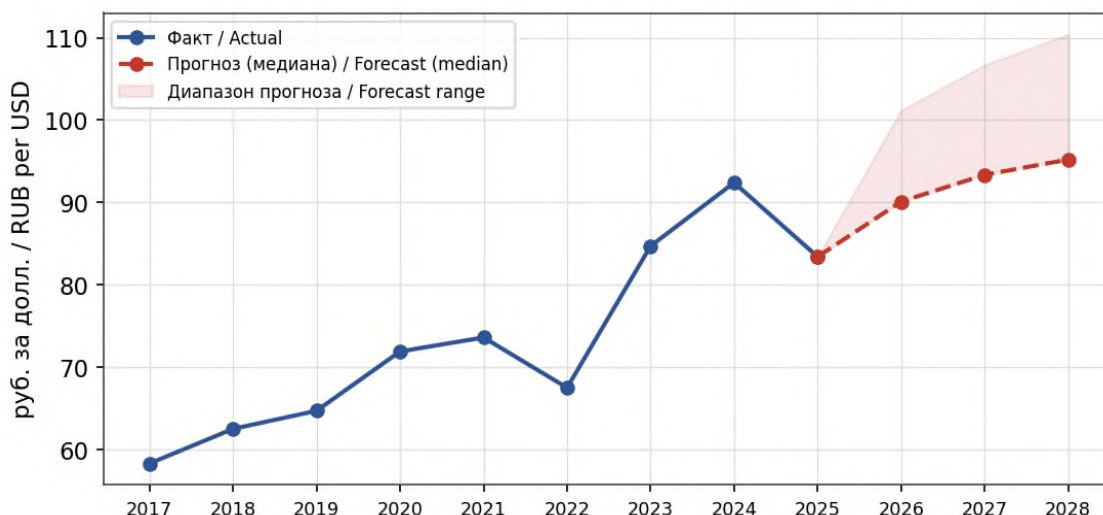

Рис. 12. Курс рубля к доллару США, прогноз до 2028 г.

Fig. 12. Ruble to US dollar exchange rate, forecast up to 2028.

Источник: Составлено авторами по: Макроэкономический опрос Банка России: прогноз курса доллара США к рублю. Банк России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (дата обращения: 27.09.2026).

Source: Compiled by the authors based on: Bank of Russia Macroeconomic Survey: USD/RUB Exchange Rate Forecast. URL: https://www.cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (accessed: Sep 27, 2026).

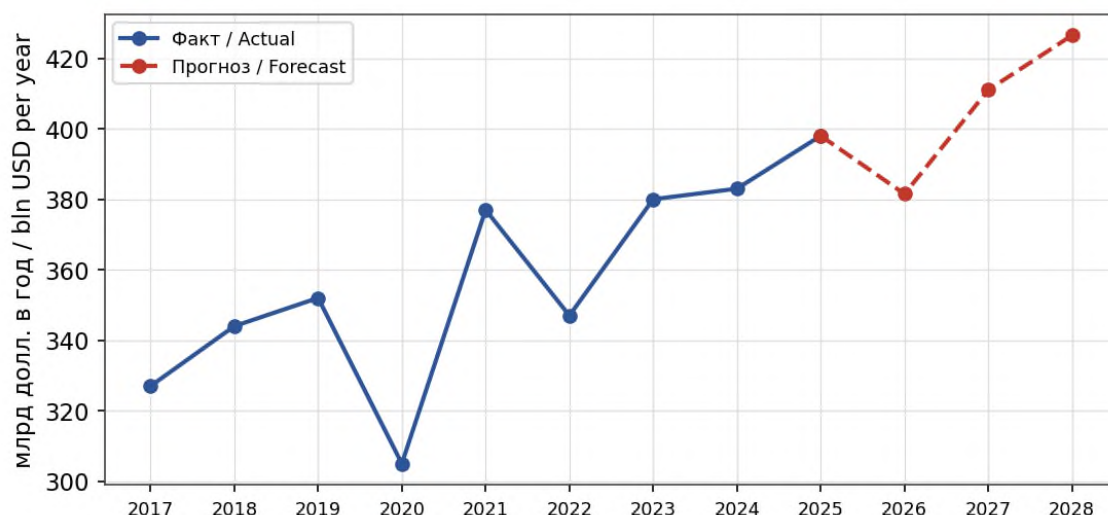

Рис. 13. Импорт товаров и услуг России (млрд долл. в год), прогноз до 2028 г.

Fig. 13. Russia's imports of goods and services (bln USD per year), forecast up to 2028.

Источник: Составлено авторами по: Макроэкономический опрос Банка России: импорт товаров и услуг, фактические данные и прогноз до 2028 г. Банк России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (дата обращения: 27.09.2026).

Source: Compiled by the authors based on: Bank of Russia Macroeconomic Survey: Goods and Services Imports, Actual Data and Forecast through 2028. URL: https://www.cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (accessed: Sep 27, 2026).

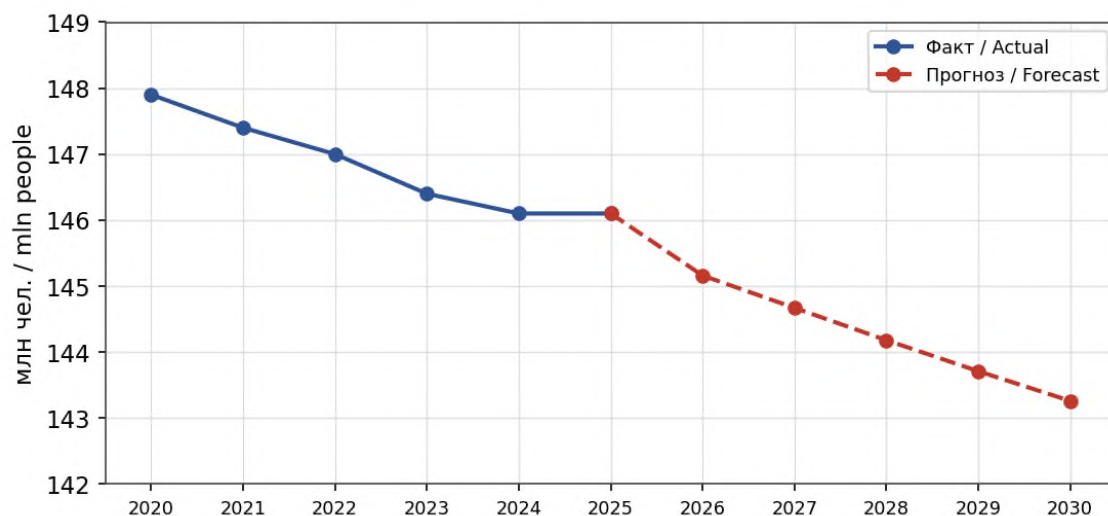

Рис. 14. Численность населения России по годам (прогноз).

Fig. 14. Population of Russia by year (forecast).

Источник: Составлено авторами по: Росстат опубликовал демографический прогноз до 2046 года. Росстат, 20.10.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709>; Численность и состав населения. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 27.09.2026).

Source: Compiled by the authors based on: Rosstat Population Projection through 2046, Oct 20, 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709>; Population and Demographic Composition. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (accessed: Sep 27, 2026).

На основе прогнознй среды и типологического анализа выделяются два сценария. Инерционный сценарий предполагает закрепление локализации на уровнях 1–2: ослабление рубля и утилизационный сбор поддерживают сборку, однако разрыв в качестве, сжатие

кредитного канала и узость сегмента новых автомобилей (около 1,2–1,3 млн ед. в год) блокируют функциональную модернизацию; присутствие остаётся захватным и обратимым, а доля локализованных моделей превышает 70 % продаж китайских брендов при сохранении технологической зависимости. Сценарий функционального углубления предполагает переход отдельных игроков (прежде всего Haval) на уровень 3 за счёт локализации компонентной базы, инженерных функций и сервиса; он менее вероятен в краткосрочной перспективе, но именно он определяет устойчивость позиций в долгосрочном плане.

Возвращение глобальных брендов и сложность цепочек

Дополнительным значимым фактором стало возвращение глобальных брендов: в январе–феврале 2026 г. зарегистрировано 24,4 тыс. новых легковых автомобилей глобальных брендов – почти в 2,5 раза больше, чем годом ранее; их доля достигла 15,2 % против 6 %¹⁵. Показательно, что более 68 % этих автомобилей произведены в Китае, а в числе лидеров – Mazda, Toyota и BMW. Этот феномен иллюстрирует ключевое свойство современных цепочек стоимости – расхождение страны происхождения бренда и страны производства [Baldwin 2016]: конкуренция разворачивается уже не между «национальными» автопромами, а между позициями в цепочке, поэтому определяющее значение имеет не формальная страновая принадлежность, а доля создаваемой стоимости.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что позиции китайской автомобильной промышленности на российском рынке за 2022–2026 гг. прошли законченный цикл: от взрывного заполнения ниши, освободившейся после ухода западных, японских и южнокорейских производителей, к структурной коррекции, содержание которой составляет смена самой формы присутствия. Санкционное давление на протяжении этого цикла меняло знак своего воздействия: первоначально оно создало позиции китайских брендов, тогда как в 2025–2026 гг. – уже опосредованно, через ответную промышленную политику и макроэкономические последствия – стало основным фактором их ограничения.

Эмпирические результаты фиксируют этот перелом достаточно определённо. По итогам 2025 г. продажи новых легковых автомобилей китайских марок сократились на 25 % – до 685,2 тыс. ед., а их доля на рынке снизилась с 58,5 до 51,7 % при общем сжатии рынка на 15,6 % (1,326 млн ед.). Прямой импорт сокращался существенно быстрее продаж: ввоз новых китайских автомобилей уменьшился на 68 % – с 656 тыс. до 210 тыс. ед., а совокупный импорт новых легковых автомобилей за первое полугодие 2025 г. упал на 63 % (149,3 тыс. против 408,5 тыс. ед.). Расхождение этих двух траекторий представляет собой главный результат: за цифрами стоит не уход китайских производителей с рынка, а перенос части их присутствия из внешнеторгового контура в производственный – выпадающий импорт замещается сборкой в России и Беларуси, а часть логистических функций смещается в сопредельные юрисдикции ЕАЭС, прежде всего в Кыргызстан.

Устойчивость отдельных брендов оказалась прямо связана с глубиной их производственного присутствия. Лидером 2025 г. среди китайских марок остался Haval

¹⁵ Продажи новых легковых автомобилей в России в ноябре 2025 года. *Автостат*, 03.12.2025. URL: <https://www.autostat.ru/press-releases/61377/> (дата обращения: 15.02.2026).

(173,3 тыс. ед.), обладающий наибольшим уровнем локализации в Тульской области и потерявший лишь 9,1 % продаж. Chery (99,8 тыс. ед.) и Geely (94,0 тыс. ед.) сократили продажи более чем на треть, однако оба перенесли часть выпуска на локальные площадки – Chery под брендом Tenet на бывшем заводе Volkswagen в Калуге, Geely под брендом Belgee в Беларуси, – и именно эти локализованные бренды показали наиболее быстрый рост (Tenet вышел на третье место в марочном рейтинге за четыре месяца после старта продаж, Belgee прибавил 96,5 %). Напротив, бренды, сохранившие модель прямого импорта, теряли позиции быстрее всего (Changan – минус 37,6 %). Тем самым подтверждается ключевое для статьи положение: в условиях санкционного давления устойчивость позиций китайских производителей определяется не объёмом ввоза, а степенью встроенности в российскую производственную базу.

Влияние санкционного давления на положение китайских автопроизводителей реализуется по двум каналам. Прямой канал – уход глобальных концернов и разрыв прежних цепочек поставок – исчерпал себя к 2024 г. Опосредованный канал, ставший определяющим в 2025–2026 гг., включает ответную промышленную политику принимающей страны (повышение утилизационного сбора в среднем на 80 % с октября 2024 г. и новые правила расчёта льготного сбора с декабря 2025 г., удорожившие импортные автомобили на 10–20 %) и макроэкономические последствия санкционного режима – прежде всего высокую ключевую ставку Банка России (21 % годовых с октября 2024 г. по июнь 2025 г. и двузначные значения на протяжении 2026 г.), сжатие автокредитования, на которое приходилось до 70 % продаж китайских автомобилей, и закрытие каждого четвёртого дилерского центра, торгующего китайскими брендами. Именно поэтому падение показателей китайских брендов в 2025 г. следует интерпретировать не как ослабление их конкурентоспособности, а как издержки вынужденного перехода к производственной модели присутствия.

Устойчивость достигнутых позиций ограничивается четырьмя группами факторов. Первая – качество и надёжность продукции: в 2023–2025 гг. на китайские бренды пришлось 230 213 жалоб, что превышает показатели Японии, Германии, США, Франции и Республики Корея, а лучший результат среди китайских марок (Chery – 188 проблем на 100 автомобилей после трёх лет эксплуатации) сохраняет разрыв с лидерами отрасли. Вторая – сервисная инфраструктура: доступность запасных частей, состояние дилерских сетей и репутационные риски новых локализованных брендов, не имеющих накопленной истории эксплуатации. Третья – ёмкость рынка: устойчивое доминирование сегмента автомобилей с пробегом (67 % оборота, или 9,18 трлн руб. против 4,61 трлн руб. в сегменте новых автомобилей), узость сегмента новых автомобилей (1,326 млн ед. в 2025 г. при сокращении на 15,6 %) и прогнозируемое сокращение населения, составлявшего 146,1 млн чел. на 1 января 2025 г. Четвёртая – возобновление конкуренции: в январе-феврале 2026 г. регистрации глобальных брендов выросли почти в 2,5 раза, до 24,4 тыс. ед., а их доля – с 6 до 15,2 %, причём более 68 % этих автомобилей произведены в КНР, то есть конкуренция разворачивается уже внутри китайской производственной базы.

Интерпретация этих результатов в терминах теории глобальных цепочек стоимости позволяет уточнить их смысл. Наблюдаемый переход соответствует смещению присутствия китайских производителей с уровня прямого импорта (уровень 0 предложенной типологии) на уровни сборочной локализации (1–2) при сохранении захватного типа управления:

платформы, ключевые компоненты и инженерные решения остаются под контролем материнских компаний. Продвижение к функциональной локализации (уровень 3) достигнуто лишь частично и только отдельными игроками, прежде всего Haval. Сходная конфигурация фиксируется и за пределами российского случая: в странах АСЕАН, где китайские компании также разворачивают сборочные мощности, отмечается риск закрепления региона в статусе площадки с низкой добавленной стоимостью при сохранении зависимости от китайских патентов и компонентной базы [Новикова, Прокудин 2025], что подтверждает переносимость предложенной аналитической рамки. Тем самым гипотеза исследования подтверждается: долгосрочные позиции китайских автопроизводителей в России определяются не объёмом импорта и не фактом сборки как таковой, а способностью перейти от захватной локализации к функциональной. Теоретический вклад работы состоит в разработке понятия санкционно-индуцированной локализации и типологии её глубины – переносимого инструмента, применимого и к другим рынкам, переживающим фрагментацию цепочек стоимости.

Из полученных результатов вытекают два практически значимых следствия.

Для российской промышленной политики: регуляторное принуждение (утилизационный сбор) эффективно индуцирует переход к сборке, но само по себе не порождает функциональной модернизации, поэтому закрепление добавленной стоимости в национальной экономике требует инструментов, стимулирующих локализацию компонентной базы, инженерных функций и стандартов качества, а также обусловленности мер поддержки достигнутой глубины локализации.

Для китайских производителей: сохранение доли рынка будет зависеть не столько от ценовой доступности автомобилей, сколько от повышения качества продукции, обеспеченности запасными частями, устойчивости дилерских сетей и готовности передавать в принимающую экономику функции с высокой добавленной стоимостью. Соответственно различаются и два сценария: инерционный, при котором локализация закрепляется на уровнях 1–2 и присутствие остаётся обратимым, и сценарий функционального углубления, менее вероятный в краткосрочной перспективе, но единственный обеспечивающий устойчивость позиций в долгосрочном плане.

Исследование имеет ограничения. Доля добавленной стоимости оценивалась косвенно, а не измерялась напрямую; часть эмпирических данных за 2025–2026 гг. носит предварительный характер; выводы получены на анализе российского случая. Перспективными направлениями дальнейшей работы выступают количественное измерение глубины локализации на основе показателей добавленной стоимости (по методологии типа TiVA), сопоставительный анализ локализации китайского автопрома на иных рынках, а также динамическое отслеживание перехода отдельных производств между уровнями предложенной типологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Волгина Н.А., Возмилова С.С. Особенности глобальных цепочек стоимости в автомобильной промышленности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2015. № 2. С. 36–48.
- Волгина Н.А., Луговская Е.М. Китайские автомобильные компании на российском рынке: особенности проникновения и закрепления // Вестник Российского университета дружбы

- народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 2. С. 303–323. DOI 10.22363/2313-2329-2024-32-2-303-323
- Волгина Н.А., Лю П. Китай в глобальных цепочках стоимости: некоторые факты // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2020. № 4 (96). С. 20–27. DOI 10.24866/2311-2271/2020-4/20-27
- Горчаков А.Н., Данилов Р.Г., Чистяков А.Ю. Автомобильная промышленность Китая: 70 лет устойчивого развития // Труды НАМИ. 2023. № 3. С. 95–108. DOI 10.51187/0135-3152-2023-3-95-108
- Кирюхина С.Е., Михешикина Е.Е. Китайский рынок автомобилестроения: современное состояние и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2023. Т. 31. № 4. С. 723–739. DOI 10.22363/2313-2329-2023-31-4-723-739
- Кондратьев В.Б. Глобальные цепочки стоимости в отраслях экономики: общее и особенное // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 49–58. DOI 10.20542/0131-2227-2019-63-1-49-58
- Курдин А.А., Мелешикина А.И., Федоров С.И. Адаптация российской автомобильной отрасли к воздействию новых санкционных ограничений // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 106. С. 64–84.
- Максимцев И.А., Костин К.Б., Онуфриева О.А., Ситов И.П., Кузнецов А.С. Перспективы развития отечественного автопрома в условиях экспансии китайского капитала // Вопросы инновационной экономики. 2024. Т. 14. № 1. С. 271–290. DOI 10.18334/vinec.14.1.120140
- Милякин С.Р., Скубачевская Н.Д., Валеев С.В. Автомобильный рынок в новых условиях: состояние и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2024. № 2 (203). С. 138–151. DOI 10.47711/0868-6351-203-138-151
- Смирнов Е.Н. Эволюция международной практики применения антироссийских экономических санкций // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 4. С. 7–35.
- Сморodinская Н.В., Катиков Д.Д. Распределённое производство в условиях шока пандемии: уязвимость, резильентность и новый этап глобализации // Вопросы экономики. 2021. № 12. С. 21–47. DOI 10.32609/0042-8736-2021-12-21-47
- Сморodinская Н.В., Катиков Д.Д., Малыгин В.Е. Глобальные стоимостные цепочки в эпоху неопределённости: преимущества, уязвимости, способы укрепления резильентности // Балтийский регион. 2021. Т. 13. № 3. С. 78–107. DOI 10.5922/2079-8555-2021-3-5
- Хайбрахманов А.Д. О перспективах деятельности «китайских автомобильных концернов» на мировом и российском автомобильных рынках // Финансовая экономика. 2024. № 2. С. 173–177.
- Чжан К., Голик В. Тенденции развития автомобильного рынка Китая // Наука и инновации. 2024. № 3 (253). С. 50–54. DOI 10.29235/1818-9857-2024-3-50-54

REFERENCES

- Gorchakov A.N., Danilov R.G., Chistyakov A.Yu. (2023). Avtomobil'naya promyshlennost' Kitaya: 70 let ustoychivogo razvitiya [China's automotive industry: 70 years of sustainable development]. *Trudy NAMI [NAMI Proceedings]*, 3: 95–108. (In Russian). DOI 10.51187/0135-3152-2023-3-95-108
- Khaybrakhmanov A.D. (2024). O perspektivakh deyatel'nosti «kitayskikh avtomobil'nykh kontsernov» na mirovom i rossiyskom avtomobil'nykh rynkakh [On the prospects of Chinese automotive corporations in the global and Russian car markets]. *Finansovaya ekonomika [Financial Economics]*, 2: 173–177. (In Russian).
- Kiryukhina S.E., Mikheshkina E.E. (2023). Kitayskiy rynek avtomobilestroyeniya: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy [The Chinese automotive market: current state and prospects]. *Vestnik*

- Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika [RUDN Journal of Economics], 31 (4): 723–739. (In Russian). DOI 10.22363/2313-2329-2023-31-4-723-739
- Kondrat'yev V.B. (2019). Global'nyye tsepochnyye stoimosti v otraslyakh ekonomiki: obshcheye i osobennoye [Global value chains in industries: common and specific features]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 63 (1): 49–58. (In Russian). DOI 10.20542/0131-2227-2019-63-1-49-58
- Kurdin A.A., Meleshkina A.I., Fedorov S.I. (2024). Adaptatsiya rossiyskoy avtomobil'noy otrasli k vozdeystviyu novykh sanktsionnykh ogranicheniy [Adaptation of Russian automotive industry to the impact of new sanctions]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [Public Administration. E-journal], 106: 64–84. (In Russian).
- Maksimtshev I.A., Kostin K.B., Onufriyeva O.A., Sitov I.P., Kuznetsov A.S. (2024). Perspektivy razvitiya otechestvennogo avtoproma v usloviyakh ekspansii kitayskogo kapitala [Prospects for the development of the domestic automotive industry amidst the expansion of Chinese capital]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki* [Russian Journal of Innovation Economics], 14 (1): 271–290. (In Russian). DOI 10.18334/vinec.14.1.120140
- Milyakin S.R., Skubachevskaya N.D., Valeyev S.V. (2024). Avtomobil'nyy rynek v novykh usloviyakh: sostoyaniye i perspektivy [The automotive market in the new conditions: current state and outlook]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2 (203): 138–151. (In Russian). DOI 10.47711/0868-6351-203-138-151
- Smirnov E.N. (2022). Evolyutsiya mezhdunarodnoy praktiki primeneniya antirossiyskikh ekonomicheskikh sanktsiy [The evolution of international sanctions against Russia]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], 4: 7–35. (In Russian).
- Smorodinskaya N.V., Katukov D.D. (2021). Raspredelennoye proizvodstvo v usloviyakh shoka pandemii: uyazvimost', rezil'yentnost' i novyy etap globalizatsii [Distributed production under the pandemic shock: vulnerability, resilience and the new stage of globalization]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 12: 21–47. (In Russian). DOI 10.32609/0042-8736-2021-12-21-47
- Smorodinskaya N.V., Katukov D.D., Malygin V.E. (2021). Global'nyye stoimostnyye tsepochnyye v epokhu neopredelennosti: preimushchestva, uyazvimosti, sposoby ukrepleniya rezil'yentnosti [Global value chains in the age of uncertainty: advantages, vulnerabilities, and ways for enhancing resilience]. *Baltiyskiy region* [Baltic Region], 13 (3): 78–107. (In Russian). DOI 10.5922/2079-8555-2021-3-5
- Volgina N.A., Liu P. (2020). Kitay v global'nykh tsepochnykh stoimosti: nekotoryye fakty [China in global value chains: some facts]. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravleniye* [The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management], 4 (96): 20–27. (In Russian). DOI 10.24866/2311-2271/2020-4/20-27
- Volgina N.A., Lugovskaya E.M. (2024). Kitayskiye avtomobil'nyye kompanii na rossiyskom rynke: osobennosti proniknoveniya i zakrepleniya [Chinese automotive companies in the Russian market: features of penetration and consolidation]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika* [RUDN Journal of Economics], 32 (2): 303–323. (In Russian). DOI 10.22363/2313-2329-2024-32-2-303-323
- Volgina N.A., Vozmilova S.S. (2015). Osobennosti global'nykh tsepochek stoimosti v avtomobil'noy promyshlennosti [Global value chains in the automotive industry: modern trends]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika* [RUDN Journal of Economics], 2: 36–48. (In Russian).
- Zhang K., Golik V. (2024). Tendentsii razvitiya avtomobil'nogo rynka Kitaya [China automotive market development trends]. *Nauka i innovatsii* [Science and Innovations], 3 (253): 50–54. (In Russian). DOI 10.29235/1818-9857-2024-3-50-54

* * *

- Aiyar S., Chen J., Ebeke C. et al. (2023). *Geo-Economic Fragmentation and the Future of Multilateralism*. IMF Staff Discussion Note SDN/2023/001. Washington: International Monetary Fund, 41 p.
- Antràs P. (2020). Conceptual aspects of global value chains. *The World Bank Economic Review*, 34 (3): 551–574. DOI 10.1093/wber/lhaa006
- Baldwin R. (2016). *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 344 p.
- Gereffi G. (1994). The organization of buyer-driven global commodity chains: how U.S. retailers shape overseas production networks. In: Gereffi G., Korzeniewicz M. (eds.) *Commodity Chains and Global Capitalism*: 95–122. Westport: Praeger.
- Gereffi G., Humphrey J., Sturgeon T. (2005). The governance of global value chains. *Review of International Political Economy*, 12 (1): 78–104. DOI 10.1080/09692290500049805
- Humphrey J., Schmitz H. (2002). How does insertion in global value chains affect upgrading in industrial clusters? *Regional Studies*, 36 (9): 1017–1027. DOI 10.1080/0034340022000022198
- Kaplinsky R. (2000). Globalisation and unequalisation: what can be learned from value chain analysis? *Journal of Development Studies*, 37 (2): 117–146. DOI 10.1080/713600071
- Novikova E.S., Prokudin M.S. (2025). Prospects for electric vehicle market development in ASEAN: global trends and regional specifics. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 7 (2): 19–31. DOI 10.24412/2686-7702-2025-2-19-31
- Sturgeon T.J. (2002). Modular production networks: a new American model of industrial organization. *Industrial and Corporate Change*, 11 (3): 451–496. DOI 10.1093/icc/11.3.451

Поступила в редакцию:	08.07.2026	Received:	Jul 8, 2026
Принята к публикации:	05.08.2026	Accepted:	Aug 5, 2026

DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-74-93

Японский дизайн в СССР (1960–1990). Обречённые идеи и удивительный мир потребления

Белозёров Виктор Владимирович¹

¹ Независимый исследователь

Аннотация. Статья посвящена истории присутствия японского дизайна в советском публичном и профессиональном пространстве в 1960–1990 гг. На материале архивных источников (ГАРФ, РГАЛИ) и публикаций советской профессиональной периодики, прежде всего журнала «Техническая эстетика», рассматриваются основные каналы трансляции японского дизайна советской аудитории: промышленно-торговые выставки 1960–1990-х гг., крупнейшая из которых – «Японский дизайн. Традиции и современность» (Москва, 1984), международные семинары «Интердизайн» с участием японских специалистов, а также систематическое освещение данной темы в советских изданиях. Отдельное внимание уделено фигурам-медиаторам советско-японского профессионального диалога (Экуан Кэндзи, Юрий Соловьёв) и восприятию советской действительности глазами японских участников обмена. В заключительной части анализируется утрата институциональной преемственности этих контактов после распада СССР и трансформация самого понятия «дизайн» в постсоветский период.

Ключевые слова: японский дизайн, советский дизайн, ВНИИТЭ, «Техническая эстетика», семинар «Интердизайн», культурный обмен СССР–Япония, промышленный дизайн, Экуан Кэндзи.

Автор: Белозёров Виктор Владимирович, магистр истории искусств, независимый исследователь, создатель образовательного проекта «Gendai Eye». ORCID: 0000-0003-0094-7678. E-mail: gendaieye@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Белозёров В.В. Японский дизайн в СССР (1960–1990). Обречённые идеи и удивительный мир потребления // Восточная Азия: факты и аналитика. 2026. Т. 8. № 3. С. 74–93. DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-74-93

Japanese design in the USSR (1960–1990): doomed ideas and the astonishing world of consumption

Belozerov Viktor V.¹

¹ Independent researcher

Abstract. The article examines the presence of Japanese design in the Soviet public and professional life between 1960 and 1990. Drawing on archival sources (GARF, RGALI) and publications in the Soviet professional press – most notably the journal “Tekhnicheskaya Estetika” [“Technical Aesthetics”] – the

study analyzes the main channels through which Japanese design was introduced to the Soviet audience: industrial and trade exhibitions held between the 1960s and 1990s, the largest of which was “Japanese Design. Tradition and Modernity” (Moscow, 1984), the international “Interdesign” seminars with the participation of Japanese specialists, and the systematic coverage of the subject in Soviet periodicals. Particular attention is paid to key figures who facilitated Soviet–Japanese professional dialogue (Kenji Ekuan, Yuri Solovyov) and to how Japanese exchange participants perceived Soviet reality. The author concludes by analyzing the loss of institutional continuity in these contacts after the collapse of the USSR and the transformation of the very concept of “design” in the post-Soviet period.

Keywords: Japanese design, Soviet design, VNIITE, “Technical Aesthetics”, “Interdesign”, USSR–Japan cultural exchange, industrial design, Ekuan Kenji.

Author: Belozеров Виктор В., Master of Art History, independent researcher, creator of the educational project “Gendai Eye”. ORCID: 0000-0003-0094-7678. E-mail: gendaieye@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Belozеров В.В. (2026). Yaponskiy dizayn v SSSR (1960–1990). Obrechennyye idei i udivitel'nyy mir potrebleniya [Japanese design in the USSR (1960–1990): doomed ideas and the astonishing world of consumption]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 8 (3): 74–93. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-74-93

Японские промышленно-торговые выставки в СССР (1960–1990)

С 1960-х гг. японские промышленные и торговые выставки регулярно проводились в СССР, став важным каналом презентации японской материальной культуры для советской аудитории. Первое крупное мероприятие состоялось в 1960 г. в московском парке «Сокольники», собрав порядка 300 фирм и более 15 000 экспонатов [На японской промышленной выставке 1960: 67]. В последующие десятилетия японские компании неизменно участвовали как в самостоятельных национальных выставках, так и в специализированных отраслевых смотрах, посвящённых электронике, строительной технике, робототехнике, рекламе и товарам народного потребления.

Особенно интенсивной выставочная деятельность была на рубеже 1960–1970-х гг., что отражало лидирующее положение Японии среди капиталистических торговых партнёров СССР. Крупные события – такие как III Японская промышленная выставка (1970) и последовавшие корпоративные экспозиции – демонстрировали широкий спектр продукции: от бытовой техники и аудиовизуального оборудования до автомобилей и промышленных технологий [Новиков 1970]. Наряду с этим японские компании регулярно участвовали в международных и тематических выставках («Электро-72», «Полимеры-74», «Роботы-77»), где их продукция отмечалась наградами как за технологическую сложность, так и за изящество формальных решений.

Фото 1. III Японская промышленная выставка.

Photo 1. 3rd Japanese Industrial Exhibition.

Источник: [Новиков 1970: 24].

Source: [Novikov 1970: 24].

Большинство выставок ориентировалось на профессиональную аудиторию и промышленный обмен, однако отдельные проекты были рассчитаны на широкую публику. Среди них – показы потребительских товаров и даже развлекательные форматы, такие как «Аттракцион-71», обнаруживший устойчивый интерес массового зрителя к новым формам досуга и взаимодействия с техникой [Глазычев 1971].

Через эти выставки можно проследить многогранный характер присутствия японского дизайна в СССР, охватывавшего широкий спектр отраслей. Подавляющее большинство мероприятий имело выраженную коммерческую основу, ориентируясь на выгоду в рамках торговых отношений и демонстрацию новой продукции. Однако для профессионального сообщества – конструкторов, дизайнеров и научных сотрудников Всероссийского научно-исследовательского института технической эстетики (ВНИИТЭ) – данные образцы представляли ценность прежде всего с точки зрения технологических решений, конструктивных принципов и визуального оформления.

Оценка японского промышленного дизайна на протяжении всего периода оставалась стабильно высокой, вне зависимости от десятилетия. Критике подвергалось лишь ограниченное число экспонатов, при этом она, как правило, носила конструктивный характер и была лишена прямой идеологической риторики. Ключевой функцией выставок была демонстрация расширенных возможностей потребления и модернизации повседневного быта, что резко подчёркивало различие между зарубежной и советской моделями материальной культуры.

Фото 2. Автомат-качалка «Обезьяна», «Лодочная карусель», «Дом неожиданностей» фирмы «Того» с выставки «Аттракцион-71».

Photo 2. Coin-operated rocking ride “Monkey”, “Boat Carousel”, and “House of Surprises” by the Togo company, from the exhibition “Attraction-71”.

Источник: [Глазычев 1971: 43].

Source: [Glazychev 1971: 43].

«Японский дизайн. Традиции и современность» (1984)

Выставка «Японский дизайн. Традиции и современность» стала ключевым событием в истории представления японского дизайна в СССР и постсоветской России: в отличие от прежних промышленно-коммерческих показов, она была задумана как культурное событие, адресованное широкому зрителю, которому предлагалось познакомиться с японской материальной культурой через повседневные практики, эстетику и образ жизни. Сложные политические отношения между СССР и Японией в 1980-е гг. неоднократно откладывали открытие выставки, первоначально запланированное на 1982 г.: оно было перенесено на 1983 г., а после инцидента с южнокорейским пассажирским самолётом – на 1984 г.¹.

Выставка стала первым зарубежным проектом музея «Сэйбу» и была реализована в рамках второго пятилетнего соглашения (1983 г.) между приглашённым профессором МГУ Сэйдзи Цуцуми, представлявшим группу «Сэйбу», и заместителем министра культуры СССР Г. Ивановым при поддержке Посольства Японии, Фонда международных связей, японских министерств иностранных дел и транспорта, а также лично дизайнера Экуана Кэндзи. Подготовка заняла около двух лет: экспозиционный план, утверждённый министром культуры П. Демичевым, включал около 2000 экспонатов от более чем 100 владельцев художественных собраний и 70 промышленных организаций, распределённых по пяти разделам («Жилище», «Еда», «Промышленный дизайн», «Развлечения», «Одежда») и разместившихся в Центральном доме художника в Москве.

¹ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 503. Л. 259–260; Ф. 2329. Оп. 35. Д. 1049. Л. 1.

Фото 3. Каталог выставки «Японский дизайн. Традиции и современность».

Photo 3. Catalogue of the exhibition “Japanese Design: Tradition and Modernity”.

Источник: Фотография из архива автора.

Source: Photograph from the author’s archive.

Разделы знакомили посетителей с традиционным и современным японским бытом – от модели квартиры и кухонной электробытовой техники до посуды и муляжей блюд, канцелярских принадлежностей, фото- и радиоаппаратуры, вычислительной техники, полиграфического дизайна и игрушек, а также традиционных и современных костюмов. Среди экспонатов особый интерес вызывал знаменитый стул «Butterfly», созданный Янаги Сори в 1956 г.². Ежедневно проводились экскурсии по экспозиции. За время работы выставку посетило около 350 тыс. человек³ – она стала крупнейшим показом японской культуры в СССР за весь послевоенный период⁴. Итоги проекта обсуждались на IV конференции круглого стола советской и японской общественности в октябре 1984 г., где в качестве причины административных, финансовых и логистических трудностей отмечалось отсутствие межгосударственного соглашения о культурных связях.

² Янаги Сори / 柳宗理 (1915–2001) – один из ведущих дизайнеров в послевоенной истории Японии.

³ ГАРФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 4484. Л. 8.

⁴ ГАРФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 4484. Л. 60.

Фото 4. Экспонаты выставки «Японский дизайн. Традиции и современность».

Photo 4. Display items from the exhibition “Japanese Design: Tradition and Modernity”.

Источник: [Аронов 1984: 21].

Source: [Aronov 1984: 21].

Профессор Инаба Хадэдзо отмечал, что успех выставки продемонстрировал высокую восприимчивость советской аудитории к культуре потребления, включая интерес к японским товарам⁵, а представитель музея «Сэйбу» Кинокуни Кэнити подчёркивал уникальность проекта как синтеза различных видов искусства, представленных в традиционных и современных формах японской культуры.

Советская пресса и специализированные издания в целом благожелательно оценивали выставку, акцентируя знакомство широкой аудитории с образцами японской потребительской культуры, хотя в ряде публикаций уделялось избыточное внимание традиционной проблематике в ущерб анализу конкретных экспонатов, а также отмечалось, что многие объекты не были раскрыты с функциональной точки зрения и практически не допускали непосредственного взаимодействия с посетителями [Бобыкин 1985].

Наиболее подробный разбор экспозиции – со вниманием собственно к предметам массового производства, где на первый план выходят утилитарная функция и потребительские свойства, но при этом достигается высокое совершенство формы, отделки и цветовой гаммы, – предложил В. Аронов в журнале «Техническая эстетика» [Аронов 1984].

Иную позицию занял искусствовед В. Пузанов, указывавший на трудность выявления собственно «японского» начала в представленных образцах дизайна и связывавший это с выраженным «американизированным» влиянием и заимствованием «чужого образа жизни», хотя его рассуждения почти не опирались на анализ конкретных экспонатов выставки и ограничивались критикой массового тиражирования продукции в ущерб культурной традиции [Пузанов 1990].

⁵ ГАРФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 4483. Л. 26.

Фото 5. Экспонаты выставки «Японский дизайн. Традиции и современность».

Photo 5. Display items from the exhibition “Japanese Design: Tradition and Modernity”.

Источник: Художник, вещь, мода. 1988. С. 339–341.

Source: Khudozhnik, Veshch', Moda [Artist, Object, Fashion] (1988): 339–341.

Схожие критические впечатления о советской стороне организации подобных визитов оставили японский дизайнер Фудзимото Киохару, сопровождавший Экуана Кэндзи во время реализации проекта, и основатель компании «Сони» Морита Акио, посетивший СССР с супругой в середине 1970-х гг. Оба вспоминали о формальном, показном характере устроенных для них посещений советских предприятий – от стремительного, «как при похищении», проезда от трапа самолёта на автомобиле со шторками до впечатления, что советским инженерам и рабочим не хватало заинтересованности и стимулов к качеству и надёжности продукции, и отмечали разрыв между официальной риторикой культурного обмена и реальным состоянием советской промышленности и дизайна [Фудзимото 1991; Морита 2016].

Семинары «Интердизайн» (1971–1985)

Серия международных семинаров «Интердизайн», в рамках которых участники из разных стран объединялись для совместного решения проектных задач и разработки инновационных концепций, имела существенное значение для профессионального сообщества в СССР. Основной целью этих двухнедельных мероприятий было развитие межкультурного профессионального взаимодействия, формирование навыков коллективной работы и обмен методологическим опытом, при том что сами семинары были ориентированы скорее на процесс проектирования, чем на получение законченного практического результата. Всего на территории различных республик СССР было проведено пять семинаров «Интердизайн», однако японские дизайнеры принимали участие лишь в четырёх⁶.

⁶ Исключением стал «Интердизайн-80», проходивший в Тбилиси, в котором не принимали участие японские представители.

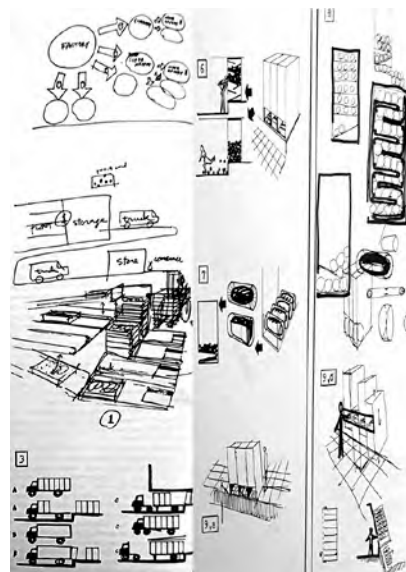

Фото 6. Слева направо: Стасис Макаровас, Петер Криз, Юрий Жутяев, Валентин Кобылинский, Содзи Такада, Людвиг Вальзер. Эскизы проектов группы.

Photo 6. Left to right: Stasys Makarovas, Peter Kries, Yuri Zhutyaev, Valentin Kobylinsky, Shoji Takada, Ludwig Walser. Sketches of the group's projects.

Источник: Техническая эстетика. 1971. № 10. С. 3; [Методические материалы... 1971: 16, 18].

Source: Tekhnicheskaya estetika [Technical Aesthetics]. 1971, 10: 3; [Metodicheskiye materialy ... 1971: 16, 18].

«Интердизайн-71», организованный ИКСИДом и ВНИИТЭ, состоялся в Минске и открыл эту серию семинаров, построенных на совместной работе в смешанных группах. Японский дизайнер Такада Сёдзи работал в интернациональной группе, объединившей советских и европейских дизайнеров (группа А-1), занимаясь совершенствованием системы доставки хлеба: в частности, предложив три варианта механизации погрузочно-разгрузочных процессов в магазинах. В заключительном слове Сёдзи отметил как насыщенность программы, ограничивавшую время непосредственно на проектную работу, так и более широкую ценность семинара как площадки для профессионального обмена [Методические материалы... 1973: 129]. Весь процесс систематически документировался, в том числе на плёнку, а результаты передавались ВНИИТЭ для дальнейшего анализа.

«Интердизайн-77» состоялся в Харькове и был посвящён теме «Дизайн для инвалидов и престарелых», обозначив отчётливый социальный вектор, направленный на переосмысление предметной и городской среды с учётом потребностей маломобильных групп населения. В качестве объектов проектирования были выбраны кухня, два типа кресел и городской автобус.

В групповой работе японский дизайнер Кога Тадао⁷ сотрудничал с советскими и европейскими коллегами (Свен-Эрик Юлин, Александр Ермолаев, Милан Кёниг) над проектом кухни, адаптированной для пожилых людей и людей с ограниченными физическими возможностями [Пронина 1980].

⁷ Кога Тадао – на тот момент дизайнер, сотрудник Института дизайна в г. Кюсю, член ДЖИДА.

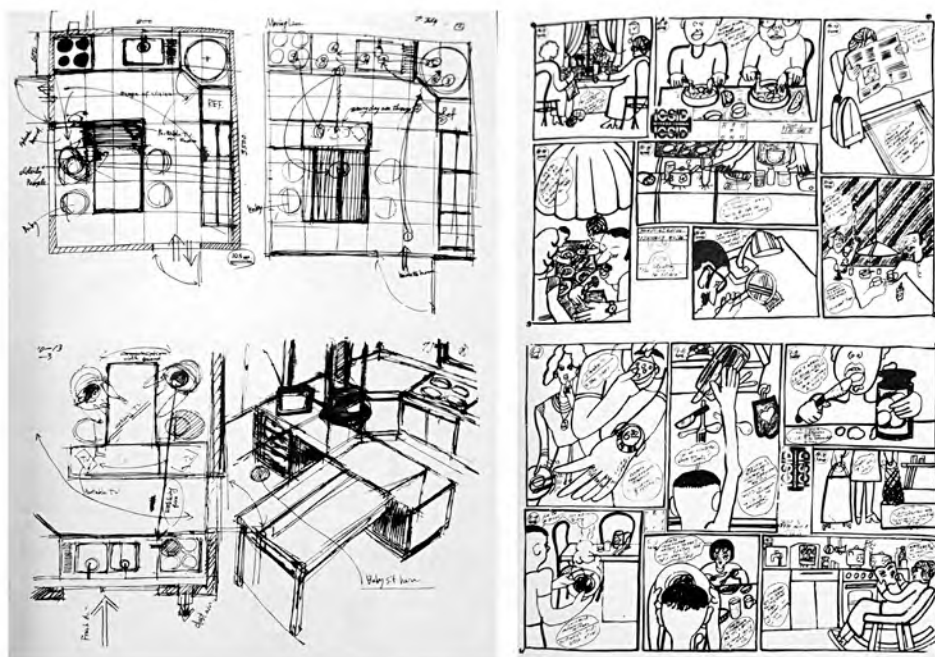

Фото 7. Наброски проекта экспериментальной кухни.

Photo 7. Sketches for the experimental kitchen project.

Источник: [Пронина 1980: 15, 17].

Source: [Pronina 1980: 15, 17].

«Интердизайн-83» прошёл в Баку и был посвящён теме «Дизайн для сельского быта», отличаясь от предыдущих семинаров ориентацией на возможность практической реализации проектов, в связи с чем подготовительные материалы рассылались участникам заранее. От Японии к участию были приглашены четыре специалиста: Ивата Такаси, Курокава Рюдзабуро, Фукава Мицуру и Миякава Юкио⁸. Задание было связано с разработкой структуры посёлка в пригородной зоне Баку и предполагало работу с конкретным территориальным контекстом: участники выезжали на место, знакомились с инфраструктурой и изучали существующие условия.

Трое японских дизайнеров работали над общей концепцией посёлка, а Курокава вошёл в команду, разрабатывавшую тепличный комплекс, привнеся готовые решения по функционированию системы: поливу, проветриванию и удобрению почвы. Его предложение по удобрению, основанное на принципе замкнутого цикла, было принято благодаря сочетанию экономических и экологических преимуществ как «чистая», безотходная технология [Сильвестрова 1984]. Семинар также ввёл в оборот понятие «агродизайна», понимаемого как обращение к насущным потребностям сельского населения наряду с экологическими проблемами, выявив при этом различия в профессиональных подходах, в том числе в отношении к дискуссии и самому процессу проектирования [Курокава 1984].

⁸ На тот момент Ивата Такаси – член ДЖИДА, дизайнер городской среды; Курокава Рюдзабуро – член ДЖИДА, дизайнер промышленных изделий и планирования продукции; Фукава Мицуру – член ДЖИДА, специалист в области социального проектирования, дизайнер; Миякава Юкио – член ДЖИДА, специалист в области архитектурного дизайна.

Фото 8. Групповая фотография участников семинара (в верхнем ряду: Фукава Мицуру, Курокава Рюдзабуро, Ивата Такаси, Миякава Юкио).

Участники семинара знакомятся с местностью (на переднем плане: Фукава Мицуру, Курокава Рюдзабуро).

Photo 8. Group photograph of the seminar participants (top row: Fukawa Mitsuru, Kurokawa Ryuzaburo, Iwata Takashi, Miyakawa Yukio).

Seminar participants exploring the area (foreground: Fukawa Mitsuru, Kurokawa Ryuzaburo).

Источник: Техническая эстетика. 1984. № 3. С. 8, 14.

Source: Tekhnicheskaya estetika [Technical Aesthetics]. 1984, 3: 8, 14.

Ивата Такаси предложил пять концептуальных вариантов развития агропосёлка и по итогам предварительного обсуждения был выбран одним из координаторов семинара, а остальные японские участники вошли в группы, работавшие над генеральным планом территории. К закрытию семинара интернациональные команды подготовили около 70 планшетов и несколько пространственных макетов под общим названием «Гюнель» («Солнечный край»). По оценке Иваты, советские дизайнеры отличались глубокой личной вовлечённостью, способностью быстро схватывать суть проблемы и интенсивно работать, что он связывал с силой воображения. Одновременно участники отмечали возникновение почти семейной атмосферы сотрудничества, объединённой общим творческим стремлением, а также обращали внимание на своеобразие самого Баку – неоднородность его пространственной структуры, ощущение «пространства для людей», роль ветра как неотъемлемой части городской жизни и характерные увитые виноградом балконы, воспринятые как выражение «человеческой мудрости» [Ивата 1984].

Проект посёлка, как следует из воспоминаний директора ВНИИТЭ Ю. Соловьёва, обсуждался на уровне ЦК КП Азербайджана и был даже включён в план реализации на 1984–1987 гг., однако на практике никаких шагов по его воплощению предпринято не было. В январе 1987 г. Соловьёв опубликовал в газете «Правда» статью с критикой отсутствия политической воли к поддержке подобных экспериментальных проектов, но и эта попытка не дала результата. Последним шагом стало письмо, адресованное напрямую М. Горбачёву и оставшееся без ответа: проект так и не получил государственной поддержки [Соловьёв 2004].

В 1985 г. в Ереване состоялся последний семинар серии «Интердизайн» в СССР – на тему «Будущее часов», что ознаменовало переход от прикладного промышленного дизайна к футурологическим и прогностическим подходам. Японские участники – Итикава Сёити, Ямакава Ёсиро и Суга Ясутака⁹ – были распределены по группам, занимавшимся проектированием индивидуальных, бытовых и общественных систем измерения времени. Ранее внимание привлекла концепция электронных компьютерных часов Суги, функционировавших как часть более широких информационных систем, а не как самостоятельный объект.

Экуан Кэндзи, один из координаторов, предложил методологическую рамку, требовавшую от участников сформулировать «философию системы», «новые товары для будущих потребителей» и «представление о будущем мире». Он также выдвинул концепцию «карты идей», призванной обозначить возможные траектории развития часов за пределами существующих типологий, сохраняя при этом активное участие в организации коллективной работы [Будущее часов... 1986: 11].

⁹ На тот момент Итикава Сёити – промышленный дизайнер, сотрудник компании «Саньё»; Ямакава Ёсиро – дизайнер промышленных изделий, сотрудник фирмы «Джи-Кей индастриал дизайн ассошиэйтс»; Суга Ясутака – член ДЖИДА, сотрудник фирмы «Джи-Кей индастриал дизайн ассошиэйтс».

Фото 9. По часовой стрелке: Итикава Сёити, Виктор Ивеницкий, Елена Эгли, Борис Налбандян; Суга Ясутака, Валентин Кашуба, Ашот Багдасарян, Бернд Штегман; Андраш Мендьян, Владимир Трофименко, Ямакава Ёсиро, Михаил Белов, Татьяна Самойлова; Юрий Соловьёв, Экуан Кэндзи, Артур Пулос.

Photo 9. Clockwise: Ichikawa Shoichi, Viktor Ivenitsky, Elena Egli, Boris Nalbandyan; Suga Yasutaka, Valentin Kashuba, Ashot Baghdasaryan, Bernd Stegmann; András Mengyán, Vladimir Trofimenko, Yamakawa Yoshiro, Mikhail Belov, Tatiana Samoylova; Yuri Solovyov, Ekuan Kenji, Arthur Pulos.

Источник: Техническая эстетика. 1986. № 3. С. 5, 8, 9.

Source: Tekhnicheskaya estetika [Technical Aesthetics]. 1986, 3: 5, 8, 9.

Групповые проекты отражали разные подходы к проблеме времени: один был посвящён карточному информационному модулю, связывающему пользователя с домашним компьютером и низводящему часы до вспомогательного интерфейса; другой развивал концепцию «экранов времени», предназначенных для коллективного планирования быта и

синхронизации семейного распорядка; третий предлагал систему «Город-информатор» – сетевую систему хранения и доступа к личной и городской информации через переносные карточки и городские терминалы [Будущее часов... 1986: 61, 64].

Семинары «Интердизайн» стали для СССР уникальным опытом международного сотрудничества в области промышленного дизайна, продемонстрировав сравнительно высокий уровень свободы творческого мышления. Участники из разных стран, включая ведущих японских дизайнеров, разрабатывали концептуальные проекты, документировавшие как материалы для дальнейшего анализа сотрудниками ВНИИТЭ. Вместе с тем подобные семинары можно упрекнуть в отсутствии практической реализации их результатов в советской промышленности. Однако это во многом отражало системные ограничения институтов промышленного дизайна в СССР и их бюрократическую инфраструктуру, на что указывал в своих воспоминаниях Ю. Соловьёв: он отмечал, что многие идеи, рождённые на семинарах, впоследствии были реализованы в Японии и на Западе, несмотря на формальное правило, согласно которому результаты семинара принадлежали принимающей стороне. При этом он заключал, что подобные ситуации можно объяснить лишь парадоксом, выраженным во фразе, приписываемой Сократу: «Идеи обречены на бесплатность» [Соловьёв 2004: 221–222].

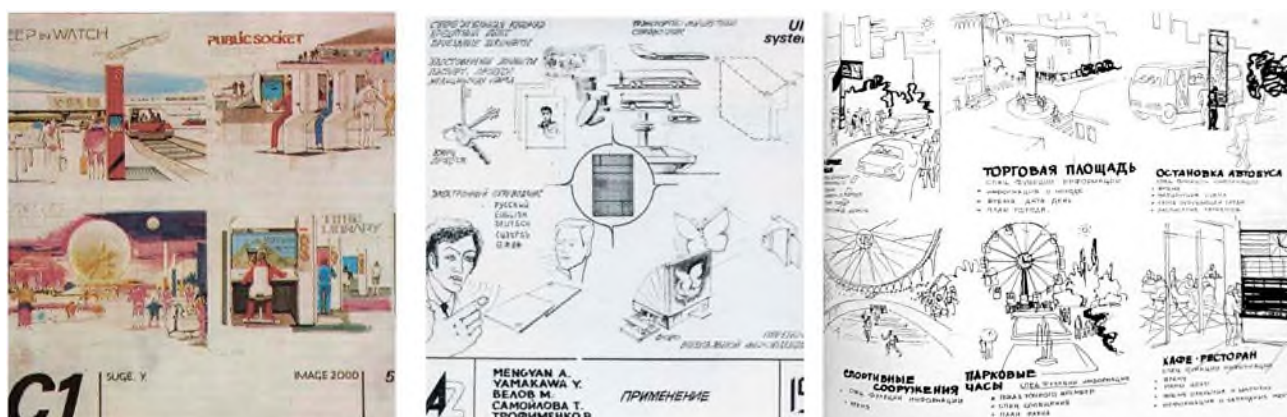

Фото 10. Фрагмент концепции группы Я. Суга. (первое и третье изображение);
Проект группы с участием Ямакава Ёсиро (посередине).

Photo 10. Fragment of a concept by the group of Ya. Suga (first and third images);
Project by the group including Yamakawa Yoshiro (in the center).

Источник: Техническая эстетика. 1986. № 3. С. 10, 13; [Будущее часов... 1986: 61].

Source: Tekhnicheskaya estetika [Technical Aesthetics]. 1986, 3: 10, 13; [Budushcheye chasov... 1986: 61].

«ТЭ» и другие советские журналы о японском дизайне

Интерес к дизайнерским практикам, включая их систематическое изучение и репрезентацию международного опыта, начал формироваться в СССР в первой половине 1960-х гг., во многом в связи с созданием ВНИИТЭ и учреждением журнала «Техническая эстетика» (1964–1992)¹⁰. Именно через это издание японский дизайн постепенно входил в

¹⁰ Всего в период с 1964 г. по 1992 г. было насчитано 229 материалов, где подробно или кратко упоминался японский дизайн и его создатели, конкретные продукты или связанные с ними события.

советский профессиональный дискурс как устойчивый объект наблюдения, перевода и интерпретации¹¹. Журнал последовательно знакомил советского читателя с японской промышленной продукцией, системой дизайнерского образования и ключевыми этапами истории дизайна, формируя цельный, хотя и избирательный, образ японской дизайнерской культуры.

Центральную роль в этом процессе играли постоянные рубрики обзоров зарубежной промышленной продукции: японский дизайн предстал в них не эпизодической темой, а устойчивым ориентиром, регулярно появляясь в разделах, посвящённых технологическим новинкам, товарам народного потребления, фото- и радиоэлектронной аппаратуре. Наряду с обзорами конкретных изделий журнал публиковал аналитические материалы о дизайнерском образовании, промышленной практике и выставочной культуре Японии, постепенно выстраивая более широкое представление о дизайне как о системе, а не наборе изолированных объектов.

Вместе с тем эти публикации обнаруживают определённую структурную ограниченность: японский дизайн чаще всего интерпретировался через сравнительно устойчивый набор тем – образование, корпорации, выставки, отдельные знаковые фигуры, тогда как анализ актуальных тенденций оставался неполным и неравномерным. Даже когда отдельные авторы обращались к теории цвета, городской среде или методологическим подходам, общая рамка публикаций тяготела скорее к описательности и классификации, чем к устойчивой критической интерпретации.

Фото 11. Примеры публикаций на японскую тему в журнале «Техническая эстетика».

Photo 11. Examples of publications on Japanese themes in the journal “Technical Aesthetics”.

Источник (слева направо): Техническая эстетика. 1986. № 11. С. 25; 1992. № 1. С. 31; 1976. № 8. С. 29.

Source (left to right): Tekhnicheskaya estetika [Technical Aesthetics]. 1986, 11: 25; 1992, 1: 31; 1976, 8: 29.

¹¹ На основе различных международных или национальных журналов: «Popular Science», «Popular Mechanics», «PR-Magazin», «AEU», «Science et Vie», «JEI», «Industrial Design», «Design News», «Car Styling», «Consumer Reports», «New Scientist», «Deutsche Mark», «Popular Mechanics», «Kogei News».

По сравнению с журналом «Техническая эстетика» другие советские периодические издания обращались к промышленному дизайну значительно менее системно. Публикации в журнале «Декоративное искусство СССР» оставались фрагментарными и были ориентированы прежде всего на декоративно-прикладное искусство, где промышленный дизайн занимал второстепенное положение. Специализированного советского издания, посвящённого исключительно японскому промышленному дизайну, не существовало: соответствующие материалы были рассредоточены по коллективным сборникам, справочным изданиям и общим публикациям о Японии, где промышленный дизайн, как правило, сводился к отдельным корпоративным примерам и институциональным очеркам.

К концу советского и началу постсоветского периода этот накопленный дискурс во многом воспроизводился, а не переосмыслился. Публикации 1990-х гг. по-прежнему опирались на более ранние журнальные материалы, вновь утверждая идею японского дизайна как синтеза функциональной целесообразности и эстетической выразительности [Навлицкая 1992]. При этом хронологический горизонт анализа оставался в значительной степени зафиксированным на 1960-х – начале 1970-х гг., тогда как более поздние процессы затрагивались лишь поверхностно, зачастую без существенного содержательного или методологического переосмысления.

Фото 12. Профессор Токийского университета Р. Хамагучи читает журнал «Техническая эстетика».

Photo 12. Professor R. Hamaguchi of the University of Tokyo reading the journal “Technical Aesthetics”.

Источник: Техническая эстетика. 1968. № 8. С. 5.

Source: Tekhnicheskaya estetika [Technical Aesthetics]. 1968, 8: 5.

Утраченная преемственность

Японский дизайн стал одной из форм материальной культуры, которая была в разной степени знакома как профессиональному сообществу, так и широкой аудитории в СССР. Достижению подобного эффекта в первую очередь способствовала разветвлённая событийная инфраструктура – система международных и национальных выставок,

охватывавших различные отрасли дизайна. Эти мероприятия имели значение не только в культурно-просветительском, но и в торгово-промышленном контексте, поскольку сопровождалась демонстрацией продукции конкретных фирм и предприятий.

В большинстве случаев подобные выставки были ориентированы прежде всего на профессиональную среду и промышленный сектор. Однако существовали и исключения, наиболее показательным из которых стала выставка «Японский дизайн. Традиции и современность» (Москва, 1984), обладавшая ярко выраженной просветительской направленностью и рассчитанная на массового зрителя.

Масштаб экспозиции и разнообразие представленных объектов обусловили высокий интерес со стороны аудитории, исчислявшейся сотнями тысяч посетителей. Этот интерес был связан не только с эффектом культурной «экзотики», но и с выраженным потребительским запросом. Несмотря на декларируемые идеологические установки и ограничения советского рынка, советский зритель проявлял устойчивый интерес к зарубежным образцам материальной культуры. Практика внешпосылторговых магазинов конца 1970-х гг. показывает, что отдельные категории граждан, обладавшие валютными возможностями, целенаправленно приобретали японскую аудио- и видеотехнику, пользовавшуюся повышенным спросом благодаря сочетанию качества, технологической актуальности и надёжности [Иванова 2017].

Контакты между советским и японским дизайном формировались не только в выставочном формате, но и на уровне профессионального взаимодействия, в частности в рамках международных семинаров «Интердизайн». Эти площадки создавали условия для коллективного проектирования и обмена методологическими подходами. В результате формировались устойчивые профессиональные связи и персональные фигуры-медиаторы, одним из наиболее заметных примеров которых стал Экуан Кэндзи.

Фото 13. У. Нисимото (слева) и К. Экуан (справа) во время визита в один из отделов ВНИИТЭ.

Photo 13. U. Nishimoto (left) and K. Ekuan (right) during a visit to one of VNIITE's departments.

Источник: Техническая эстетика. 1974. № 9. С. 19.

Source: Tekhnicheskaya estetika [Technical Aesthetics]. 1974, 9: 19.

Параллельно этому процессу в советской профессиональной среде формировалось устойчивое историографическое поле изучения японского дизайна. Авторы журнала «Техническая эстетика» на протяжении нескольких десятилетий последовательно фиксировали развитие различных отраслей японского проектирования, уделяя внимание не только технологическим аспектам, но и вопросам эстетики, баланса между традицией и современностью, а также уровню профессиональной культуры. В отличие от контекста, связанного с изобразительным искусством, интерпретация японского дизайна в данном случае была в меньшей степени подвержена идеологизированным схемам и оценочным клише.

С распадом СССР, последующим ослаблением институциональной роли ВНИИТЭ и снижением эффективности Союза дизайнеров России, выстроенная система профессиональных и культурных связей оказалась во многом утраченной. Форматы, сопоставимые по своему масштабу и значению с семинарами «Интердизайн» или выставкой 1984 г., в постсоветский период воспроизведены не были.

При этом общее представление о японском дизайне как о высокопрофессиональной и технологически развитой сфере в определённой степени сохранилось как в профессиональной среде, так и в массовом сознании. Однако одновременно произошло размытие самого понятия «дизайн»: если в советском контексте оно было тесно связано с идеей художественного конструирования и проектного мышления, то в постсоветский период оно во многом сместилось в сторону прикладных оформительских практик. Дизайн перестал восприниматься как самостоятельное культурное явление, сопоставимое по статусу с институционально представленным изобразительным искусством.

Следует учитывать и более широкий социокультурный контекст: трансформация потребительской культуры, изменение структуры рынка и расширение доступа к импортной продукции радикально изменили саму модель взаимодействия российского потребителя с предметным миром. В этих условиях дизайн стал восприниматься преимущественно как коммерческий инструмент, а не как объект культуры.

Попытки частичного восстановления выставочной репрезентации японского дизайна предпринимались и в постсоветский период. Так, выставка «Современный японский дизайн: 100 лучших предметов» (2012), организованная Японским фондом во Владивостоке, демонстрировала определённый интерес к данной теме, однако по своему масштабу и общественному резонансу никак не могла сопоставляться с крупными советскими проектами. Несмотря на появление профильных организаций, в частности Московского музея дизайна (2012), в России до настоящего времени не сформирована институция, способная системно работать с экспозиционной репрезентацией дизайна, выстраивать международные связи и поддерживать долгосрочные исследовательские и выставочные программы.

Основные события в рамках представления японского дизайна в СССР

Август 1960 – I Японская промышленная выставка (Москва).

22 июня–5 августа 1963 – «Электроника и электротехника в науке и быту» (Москва, ЦПКиО им. Горького). 38 фирм-участников.

Август–сентябрь 1964 – I Международная выставка строительных и дорожных машин (Москва). Среди участников: «Комацу», «Мицубиси».

25 октября–4 ноября 1964 – Японская выставка оборудования по производству пластмасс и изделий из пластмасс (Москва, Парк «Сокольники»).

15 июля–1 августа 1965 – II Японская промышленная выставка (Москва).

9 апреля–13 апреля 1968 – Международное совещание круглого стола ЮНЕСКО на тему «Техника и художественное творчество в современном мире» (Тбилиси). Среди участников: профессор Токийского университета Хамагути Рюити.

Лето 1970 – III Японская промышленная выставка (Москва). Участники: «Мацусита», «Хитати», «Тосиба», «Сони», «Хаякава» и др.

Весна 1971 – Международная выставка «Авиасервис-71» (Москва). Среди участников: «Мицубиси», «Гойо Умпанки».

20 июля 1971 – Экспозиция фирмы «Нитимэн» (Москва, Парк «Сокольники»).

Середина 1971 – «Аттракционы-71» (Москва, Измайлово).

Октябрь 1971 – Визит директора японского Института исследований промышленных изделий (ИИПИ) Акагава в московское отделение ВНИИТЭ.

Конец 1971 – «Светореклама-71» (Москва). Участники: «Санъё», «Электроимпекс».

1972 – «Электро-72» (Москва). Среди участников: «Мацусита Электрик».

Конец 1973 – Международная выставка «Учебное оборудование-73» (Москва). Среди участников: «Националь».

1974 – Визит Экуана Кэндзи в СССР вместе с вице-президентом ИКСИДа У. Нисимото.

Сентябрь 1974 – Международная выставка «Полимеры-74» (Москва). Среди участников: «Сэйбу Лайт», «Дай Ниппон», «Торэй Индастриз».

Середина 1970-х – Визит в СССР основателя «Сони» Морита Акио.

Февраль 1975 – «Телекинетехника-75» (Москва). Среди участников: «Coral Sekonic».

Сентябрь 1975 – II Международная выставка «Интероргтехника-75» (Москва).

Сентябрь 1976 – II Международная отраслевая выставка «Коммунальное и бытовое оборудование» (Москва). Среди участников: «Тосиба», «Дзюки».

Февраль–март 1977 – Международная выставка «Роботы-77» (Москва). Среди участников: «Тоkyо Keiki».

Февраль 1980 – Международная выставка «Телекинетехника-80» (Москва). Среди участников: «Кэнон», «Никон», «Тосиба», «Минолта», «Рико».

Осень 1982 – Международная выставка «Промышленные роботы-82» (Ленинград).

Ноябрь 1983 – Международная выставка «Малая механизация и оборудование для работ на дому» (Москва). Среди участников: «Seiko», «Krystal», «Naomoto», «Tajima».

10 июля–26 августа 1984 – «Японский дизайн. Традиции и современность». Центральный дом художника (Москва). Число посетителей: 350000 человек.

Февраль 1985 – Международная выставка «Роботы и робототехнические комплексы» (Москва). Среди участников: «Дайнити Кико», «Санкё Сэйки», «Ямасаки».

Март 1987 – «Спецодежда-87» (Москва, выставочный комплекс на Красной Пресне).

Апрель 1987 (три дня) – Выставка музыкальных инструментов от фирмы «Ямаха» (ретроспектива, показ продукции, созданной компанией за 100 лет) (Москва, Государственный театр эстрады).

Середина 1990 – «Автомобильная промышленность Японии-90» (Москва).

Семинары «Интердизайн»

23 мая–6 июня 1971 – «Интердизайн-71» (Минск, филиал ВНИИТЭ). **Участник от Японии:** Такада Сёдзи.

4 июля–17 июля 1977 – «Интердизайн-77» (Харьков, помещение Художественно-промышленного института). **Участник от Японии:** Кога Тадао.

4 октября–18 октября 1983 – «Интердизайн-83» (Баку, филиал ВНИИТЭ). **Участники от Японии:** Ивата Такаси, Курокава Рюдзабуро, Фукава Мицуру, Миякава Юкио.

23 сентября–6 октября 1985 – «Интердизайн-85» (Ереван, филиал ВНИИТЭ). **Участники от Японии:** Итикава Сёити, Ямакава Ёсио, Суга Ясутака, Экуан Кэндзи.

Конгресс ИКСИД

13 октября–17 октября 1975 – Международный IX Конгресс ИКСИД «Дизайн для человека и общества» (Москва, гостиница «Россия»).

Советский дизайн в Японии

1989 – IV Международный конкурс дизайна в Осаке. **Участники:** Александр Подобед (ВНИИТЭ), Лев Ронгонен (ВНИИТЭ), Александр Бургов (НПО Экран), Евгений Губенко (Комбинат ДПИ ЛО ХФ), Сергей Леонов (ВНИИТЭ), Юрий Латутков, Елена Голубева (ЛВХПУ им. Мухиной), Александр Петров (ЛВХПУ им. Мухиной), Дмитрий Зубков (ЛВХПУ им. Мухиной), Игорь Скворцов (ЛВХПУ им. Мухиной), Алла Вагина (ЛВХПУ им. Мухиной), Ирина Городилова (ЛВХПУ им. Мухиной), Катерина Сидорова (ЛВХПУ им. Мухиной), Евгений Монгайт (ЛВХПУ им. Мухиной, ВНИИТЭ), Дмитрий Черепов (ЛВХПУ им. Мухиной), Светлана Пашковская (ВНИИТЭ).

1991 – «Образы перестройки» (Токио, галерея «Axis»). **Участники:** студия Дмитрия Азрикана, студия Татьяны Самойловой, дизайнеры Алексей Синельников, Игорь Тарачков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аронов В. Японский дизайн. Традиции и современность // Техническая эстетика. 1984. № 12. С. 19–23.
- Бобыкин А. Японский дизайн – Традиции и современность // Искусство. 1985. № 5. С. 50–53.
- Будущее часов: Материалы международного семинара «Интердизайн-85». Ереван [23 сент. – 6 окт. 1985]. М.: ВНИИТЭ, 1986.
- Глазычев В. Веселитесь! Атракцион-71 // ДИ СССР. 1971. № 12. С. 40–44.
- Иванова А. Магазины «Берёзка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М.: НЛЮ, 2017.
- Ивата Т. Говорят участники семинара // Техническая эстетика. 1984. № 3. С. 14.
- Курокава Р. Говорят участники семинара // Техническая эстетика. 1984. № 3. С. 16.
- Методические материалы Первого Международного семинара художников-конструкторов // Интердизайн-71. Минск. М.: ВНИИТЭ, 1973.
- Морита А. Сопу. Сделано в Японии. М.: Альпина Паблишер, 2016. 288 с.
- На японской промышленной выставке // Архитектура СССР. 1960. № 10.
- Навлицкая Г. Дизайн // Япония: Справочник. М.: Республика, 1992. С. 276–278.
- Новиков М. III Японская промышленная выставка в свете проблем художественного конструирования // Техническая эстетика. 1970. № 8. С. 24.
- Пузанов В. Японский дизайн: современность без традиций // Художник, вещь, мода. М.: Советский художник, 1990. С. 337–343.
- Пронина О. Интердизайн-77, Харьков: Обзор материалов семинара. М.: ВНИИТЭ, 1980. 67 с.

Соловьёв Ю. Моя жизнь в дизайне: дизайн – это элегантность, эффективность и комфорт. М.: Союз дизайнеров России, 2004. 251 с.

Сильвестрова С. «Интердизайн-83» // Техническая эстетика. 1984. № 3. С. 7–14.

Фудзимото К. Наш дизайн не нашими глазами // Техническая эстетика. 1991. № 5. С. 24–25.

REFERENCES

- Aronov V. (1984). Yaponskiy dizayn. Traditsii i sovremennost' [Japanese design. Traditions and modernity]. *Tekhnicheskaya estetika* [Technical Aesthetics], 12: 19–23. (In Russian).
- Bobykin A. (1985). Yaponskiy dizayn – Traditsii i sovremennost' [Japanese design – Traditions and modernity]. *Iskusstvo* [Art], 5: 50–53. (In Russian).
- Budushcheye chasov: Materialy mezhdunarodnogo seminar «Interdizayn-85». Yerevan [23 sent. – 6 okt. 1985] [The Future of Watches: Proceedings of the International Seminar “Interdesign-85”. Yerevan [Sep 23 – Oct 6, 1985]] (1986). Moscow: VNIITE.
- Glazychev V. (1971). Veselites'! Attraktsion-71 [Have fun! Attraktsion-71]. *DI SSSR* [Decorative Art of the USSR], 12: 40–44. (In Russian).
- Ivanova A. (2017). Magaziny "Beryozka": paradoksy potrebleniya v pozdnem SSSR [“Beryozka” Stores: Paradoxes of Consumption in the Late USSR]. Moscow: NLO. (In Russian).
- Iwata T. (1984). Govoryat uchastniki seminar [Seminar participants speak]. *Tekhnicheskaya estetika* [Technical Aesthetics], 3: 14. (In Russian).
- Kurokawa R. (1984). Govoryat uchastniki seminar [Seminar participants speak]. *Tekhnicheskaya estetika* [Technical Aesthetics], 3: 16. (In Russian).
- Metodicheskiye materialy Pervogo Mezhdunarodnogo seminar khudozhnikov-konstruktorov. Interdizayn-71. Minsk [Methodological Materials of the First International Seminar of Industrial Designers. Interdesign-71. Minsk] (1973). Moscow: VNIITE. (In Russian).
- Morita A. (2016). Sony. Sdelano v Yaponii [Sony. Made in Japan]. Moscow: Al'pina Publisher, 288 p. (In Russian).
- Na yaponskoy promyshlennoy vystavke [At the Japanese industrial exhibition] (1960). *Arkhitektura SSSR* [Architecture of the USSR], 10. (In Russian).
- Navlitskaya G. (1992). Dizayn [Design]. In: *Yaponiya: Spravochnik* [Japan: A Handbook]: 276–278. Moscow: Respublika. (In Russian).
- Novikov M. (1970). III Yaponskaya promyshlennaya vystavka v svete problem khudozhestvennogo konstruirovaniya [The 3rd Japanese Industrial Exhibition in the light of the problems of industrial design]. *Tekhnicheskaya estetika* [Technical Aesthetics], 8. (In Russian).
- Puzanov V. (1990). Yaponskiy dizayn: sovremennost' bez traditsiy [Japanese design: modernity without tradition]. In: *Khudozhnik, veshch', moda* [Artist, Object, Fashion]: 337–343. Moscow: Sovetskiy khudozhnik. (In Russian).
- Pronina O. (1980). Interdizayn-77, Khar'kov: Obzor materialov seminar [Interdesign-77, Kharkiv: A Review of Seminar Materials]. Moscow: VNIITE, 67 p. (In Russian).
- Solovyov Yu. (2004). Moya zhizn' v dizayne: dizayn – eto elegantnost', effektivnost' i komfort [My Life in Design: Design Is Elegance, Efficiency, and Comfort]. Moscow: Soyuz dizaynerov Rossii, 251 p. (In Russian).
- Silvestrova S. (1984). "Interdizayn-83" ["Interdesign-83"]. *Tekhnicheskaya estetika* [Technical Aesthetics], 3: 7–14. (In Russian).
- Fujimoto K. (1991). Nash dizayn ne nashimi glazami [Our design, not through our own eyes]. *Tekhnicheskaya estetika* [Technical Aesthetics], 5: 24–25. (In Russian).

Поступила в редакцию: 20.07. 2026

Принята к публикации: 29.07. 2026

Received: Jul 20, 2026

Accepted: Jul 29, 2026

ОчеркиEssays

DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-94-101

Станет ли Япония ядерной державой?**Горчакова Татьяна Евгеньевна¹**¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В последнее время активно обсуждается вопрос о возможности появления в Японии ядерного оружия. Некоторые ядерные страны обвиняют Японию не только в отходе от послевоенной политики пацифизма, пересмотре «мирной статьи» Конституции и «ремилитаризации», но и в намерении пересмотреть «три неядерных принципа» (Three Non-Nuclear Principles) – не владеть, не производить и не ввозить ядерное оружие. В настоящее время политика премьер-министра Такаити Санаэ хотя и нацелена на усиление обороноспособности страны, но также провозглашает задачу построения мира без ядерного оружия. Тем не менее, широкое обсуждение в средствах массовой информации России, Китая, КНДР и других стран возможности появления в Японии ядерного оружия формирует в общественном сознании представление о реалистичности такого варианта развития событий. Однако пацифистски настроенная японская общественность, которая хорошо знает трагическую историю американских ядерных бомбардировок 1945 г., выступает категорически против концепции ядерного сдерживания в применении к своей стране.

Ключевые слова: Япония, Россия, российско-японские отношения, безопасность, оборона, ядерное оружие, ядерное сдерживание, общественное мнение.

Автор: Горчакова Татьяна Евгеньевна, кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра научного мониторинга и развития, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-1116-1200. SPIN-код: 9605-2445. E-mail: tatiana.gorchakova@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Горчакова Т.Е. Станет ли Япония ядерной державой? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2026. Т. 8. № 3. С. 94–101. (На англ.). DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-94-101

Will Japan become a nuclear power?**Gorchakova Tatiana E.¹**¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The chances of Japan acquiring nuclear weapons has recently become a major talking point. Some nuclear-armed countries accuse Japan not only of abandoning its post-war policy of pacifism, revising the “peace clause” of the Constitution, and “remilitarization”, but also of intending to reconsider the Three Non-Nuclear Principles (not to possess, manufacture, or import nuclear weapons). Currently, the Japanese Prime Minister Takaichi Sanae's policy, while aimed at strengthening the country's defense capability, also proclaims the goal of building a world without nuclear weapons. Nevertheless, widespread media discussion

in Russia, China, North Korea, and other countries regarding the possibility of Japan acquiring nuclear weapons is shaping the public consciousness to believe that such a scenario is realistic. However, the pacifist-minded Japanese public – which is well aware of the tragic history of the 1945 US nuclear bombings – remains categorically opposed to the concept of nuclear deterrence as applied to their country.

Keywords: Japan, Russia, Russian-Japanese relations, security, defense, nuclear weapons, nuclear deterrence, public opinion.

Author: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics), Deputy Director for Science, Head of the Center for Scientific Monitoring and Development, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-1116-1200. SPIN-code: 9605-2445. E-mail: tatiana.gorchakova@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Gorchakova T.E. (2026). Will Japan become a nuclear power? *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 8 (3): 94–101. DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-94-101

Introduction

Following its defeat in World War II, Japan adopted a “peace” Constitution in 1947, which does not allow the presence of a full-fledged army or the conduct of any military operations outside the country. It is believed that the United States punished Japan for its militaristic past this way. However, in recent years, Japan has seen threats from the countries actively developing their military power, such as North Korea and China, forcing Tokyo to reconsider its pacifist policy, based on the current conflictual situation in the region [Kireeva, Nelidov 2018; Kazakov 2023; Streltsov 2023]. The rise of Donald Trump to the American political Olympus with his “America First” concept and slogan “Make America Great Again” has created another problem for Japan related to the reliability of the United States as a key defense partner. Thus, de facto Tokyo has been faced with the question of transforming the Self-Defense Forces into a full-fledged army that would provide protection against possible aggression from the DPRK and China, capable of resolving the country's security issues by relying not only on the United States, but primarily on itself and a wider circle of like-minded countries.

Japan's position on nuclear weapons

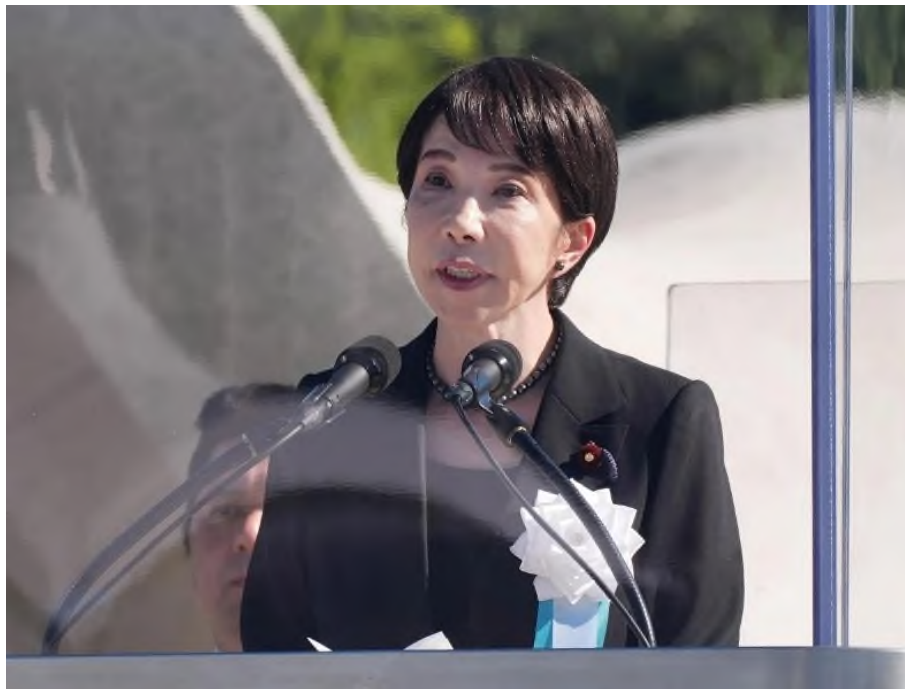
On August 6, 2026, Japanese Prime Minister Takaichi Sanae gave a press conference¹. Answering the NHK journalist's question, she stated: “The government firmly adheres to the Three Non-Nuclear Principles as a policy. At the same time, we consider it the mission of our country (the only country in the world to have survived the combat use of nuclear weapons) to lead the international community's efforts to build a world without nuclear weapons, which can bring immense suffering to humanity, so that they are never used again”².

At the annual ceremony dedicated to the memory of the victims of the nuclear bombings of Hiroshima and Nagasaki, held on August 6 and 9, 2026 in Hiroshima, she also noted that Japan

¹ Prime Minister Takaichi spoke to the press regarding her attendance at the Nagasaki Peace Memorial Ceremony and related events. *Prime Minister's Office of Japan*, Aug 9, 2026. URL: <https://japan.kantei.go.jp/105/speech/202608/09kaiken.html> (accessed: Sep 11, 2026).

² 政策上の方針として堅持」非核三原則で高市首相 [PM Takaichi on the Three Non-Nuclear Principles: “To be upheld as a matter of policy”]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BYPo7ebmUxU> (accessed: Sep 11, 2026). (In Japanese).

adheres to the Three Non-Nuclear Principles and sees its mission in continuing tireless efforts to build a world free of nuclear weapons³. As analysts note, it is significant that S. Takaichi refrained from making firm commitments to maintain these principles unchanged, as Japan prepares to revise its security strategy in the face of what Tokyo views as growing external threats.

Pic. 1. Prime Minister Takaichi Sanae delivers a speech at the Hiroshima Peace Memorial Ceremony in Hiroshima on August 6, 2026 (Sankei/Yasushi Kawamura).

Source: Japan Forward, Aug 10, 2026. URL: <https://japan-forward.com/takaichi-speech-three-non-nuclear-principles-hiroshima-ceremony/> (accessed: Sep 11, 2026).

Thus, critics of Japan who accuse Tokyo of “remilitarization” still have room to maneuver. They are instilling the idea in the public consciousness, that if Takaichi Sanae doesn’t guarantee Japan’s future nuclear-free status today, the political leadership intends to change it. Obviously, in information warfare any omission can be exploited to create mistrust and suspicion in the public sphere.

However, at present Tokyo does not cross the “red lines” marked by the Three Non-Nuclear Principles and continues to reform its security, primarily based on the concept of its own defense with conventional weapons and with the help of partner countries [Kuzminkov 2026].

Beyond the statements of politicians, pacifist sentiments are extremely strong in Japan; they have taken shape throughout the post-war period, demonstrating the country’s successful development as a peaceful power. The tragic memory of the 1945 US nuclear bombings (on August 6 in Hiroshima, and on August 9 in Nagasaki) has become part of the Japanese cultural code [Kirichenko 2020; Kirichenko 2025; Kirichenko, Plevako 2026]. Moreover, according to many historians and experts, these bombings had no military purpose. They were rather political, aiming

³ Takaichi addresses Three Non-Nuclear Principles at Hiroshima Ceremony. *Japan Forward*, Aug 10, 2026. URL: <https://japan-forward.com/takaichi-speech-three-non-nuclear-principles-hiroshima-ceremony/> (accessed: Sep 11, 2026).

at intimidating the USSR. It is not surprising that the destruction of the civilian population of the cities of Hiroshima and Nagasaki is today often perceived in the public consciousness as a wartime crime, caused by the US desire to test nuclear weapons in the field at the end of World War II⁴. And after the appearance of nuclear weapons in the USSR⁵, an arms race has begun in the world, leading to the emergence of nuclear powers. It should be noted that currently nine countries officially possess nuclear weapons, which are Russia (with an estimated number of 5,420 nuclear warheads), the United States (5,042), China (620), France (370), the United Kingdom (225), India (190), Pakistan (170), Israel (90), and North Korea (60)⁶. It is also known that a number of other countries are discussing the possibility of acquiring nuclear weapons or are already developing them (Iran, Ukraine, etc.).

Distinctively the Russian media periodically raise the issue of Japan developing a nuclear bomb during World War II, although the activities of Japanese scientists did not produce any practical results⁷. Japan's major physical and chemical research institute RIKEN (理研) describes its involvement in the development of the nuclear bomb as follows:

"On December 8, 1941, Japan entered World War II with the attack on Pearl Harbor. In April of the same year, the Japanese army's air force had requested Masatoshi Okochi to begin a project to build an atomic bomb. Yoshio Nishina's lab, the Mecca of nuclear physics in Japan, was entrusted with the enrichment of uranium for the project. But American air raids in April 1945 destroyed two-thirds of RIKEN's buildings and facilities, including Nishina's apparatus for enriching uranium, putting an end to the project. On August 15, 1945, the war ended. In September 1945, the US forces started investigating Japan's atomic bomb program and decided to destroy the two cyclotrons Nishina had spent 10 years building and to dump them into Tokyo bay"⁸.

Yukawa Hideki, who later became the first Japanese to receive the Nobel Prize in Physics in 1949, is also credited with being a participant in the development of nuclear weapons in Japan⁹.

However, it is evident that there was no single "Japanese nuclear program" with centralized leadership that consolidated the country's scientific and financial resources. Only a handful of individuals were involved in separate nuclear weapons development projects, and there was no full-fledged experimental infrastructure that could compare to the ambitious Manhattan Project, which engaged the entire United States.

Public criticism in Japan

The active role of Japanese public organizations uniting *hibakusha* (the nuclear bomb survivors who oppose nuclear weapons) in shaping Japan's peace mentality is noteworthy. For example, The Japan Confederation of A- and H-Bomb Sufferers Organizations

⁴ The incredible story of "Little Boy": unsolved mysteries of the atomic bombings of Japanese cities. *Moskovskiy Komsomolets*, Aug 3, 2025. URL: <https://www.mk.ru/social/2025/08/03/neveroyatnaya-istoriya-malysha-neraskrytye-tayny-atomnykh-bombardirovok-yaponskikh-gorodov.html> (accessed: Sep 11, 2026). (In Russian).

⁵ The first atomic bomb test in the USSR took place on August 29, 1949.

⁶ Nuclear weapons by country 2026. *World Population Review*. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/nuclear-weapons-by-country> (accessed: Sep 11, 2026).

⁷ Sons of the Rising Sun. History of the Japanese Samurai. Part 3. *International Military-Historical Association*. URL: <https://imha.ru/1144546682-syny-voshodyaschego-solnca-istoriya-yaponskih-samuraev-ch-3.html> (accessed: Sep 11, 2026). (In Russian).

⁸ The RIKEN story. *RIKEN*. URL: <https://www.riken.jp/en/about/history/story/> (accessed: Sep 11, 2026).

⁹ A Hiroshima survivor spoke about Japan's work on developing atomic weapons. *RIA Novosti*, Aug 6, 2025. URL: <https://ria.ru/20250806/japonija-2033628401.html> (accessed: Sep 11, 2026). (In Russian).

(日本原水爆被害者団体協議会), abbreviated as Nihon Hidankyo (日本被団協), received the Nobel Peace Prize in 2024 “for their efforts to achieve a nuclear-weapon-free world and demonstrating through testimony that nuclear weapons must never again be used”¹⁰. Nihon Hidankyo has gained popularity on the global stage and is actively promoting a nuclear-free world, enjoying widespread support in Japan. Notably, Nihon Hidankyo representatives take an uncompromising stance in response to reckless remarks by Japanese politicians.

Thus, on November 20, 2025, in response to S. Takaichi’s refusal to consider the inclusion of the Three Non-Nuclear Principles in Japanese legislation, Nihon Hidankyo called on the government to enshrine the three principles of nuclear renunciation in legislation, sign and ratify the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, pay compensation to the victims of the atomic bombings as a country that waged the war, and take a leading role in building a world free of nuclear weapons and wars¹¹.

Pic. 2. Defense Minister Shinjiro Koizumi at a news conference on August 4, 2026 (Mizuki Sato).

Source: The Asahi Shimbun, Aug 5, 2026. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/16786411> (accessed: Sep 11, 2026).

In July 2026, representatives of the Nihon Hidankyo criticized Japanese Defense Minister Koizumi Shinjiro's statement about the need to discuss nuclear issues “without any taboos” (Pic. 2). Specifically, Tanaka Shigemitsu, the leader of the Nagasaki Atomic Bomb Survivors' Council, said

¹⁰ Nobel Peace Prize 2024. Press release. *Nobel Prize*, Oct 11, 2024. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/peace/2024/press-release/> (accessed: Sep 11, 2026).

¹¹ Nobel-winning A-bomb survivors slam Japan over non-nuke principle review. *Kyodo News*, Nov 20, 2025. URL: <https://english.kyodonews.net/articles/-/65265> (accessed: Sep 11, 2026).

on August 4, 2026: “Nuclear weapons and human beings cannot coexist... We categorically oppose Japan sharing nuclear weapons or allowing them to be brought into the country”¹².

It should be noted that the *hibakusha*'s anti-nuclear position is consistent with Russia's interests, which is keen on Japan's nuclear-free status. However, there is no support for this organization's activities from the Russian officials.

Criticism of Japan by opponents

Japan's nuclear-armed neighbors (Russia, China, and North Korea) have actively criticized Tokyo for its policy of “remilitarization” or “neomilitarism”, discussions of amending the “peace clause” of the Constitution, and nuclear debates. Meanwhile, these three countries appear to be coherent and aggressive in their anti-Japanese propaganda.

The question of Japan's readiness to independently produce nuclear weapons is at the forefront. A.A. Kobyakov, Advisor to the President of the Russian Federation, believes that Tokyo needs only a year to acquire its own nuclear weapons. He notes that ““The Prime Minister [Sanae] Takaichi's aggressive rhetoric demonstrates that the country's previous role in the comprehensive plans of American regional and global strategy has shifted significantly toward direct participation”¹³.

In turn, Chinese Ambassador in Moscow Zhang Hanhui stated in an article for TASS that among the signatories to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, Japan is the only non-nuclear state with spent nuclear fuel reprocessing technology and the ability to extract weapons-grade plutonium. As of the end of 2024, Japan had accumulated approximately 44.4 tons of plutonium separated from spent nuclear fuel – an amount sufficient to produce roughly 5,500 nuclear warheads. Furthermore, spent nuclear fuel storage facilities contain an additional 191 tons of unseparated plutonium¹⁴. Clearly, this information is part of China's official propaganda against Japan. Beijing claims that “Japan's pursuit of nuclear weapons has become a real, rather than a potential threat”¹⁵.

At the same time, Russian analysts point to the American policy of double standards. While the US and Israel carry out attacks on Tehran's nuclear facilities, Tokyo – a key American ally in Asia – possesses a full nuclear fuel cycle, enjoying the full support of Washington and raising no questions from the non-proliferation point of view¹⁶. Indeed, the US position on Japan has changed significantly since the post-war period. As one might expect, the US now views Japan not only as a location for its military forces, but also as a country that should largely resolve regional security issues independently.

¹² Koizumi's call for nuclear debate 'without taboos' triggers backlash. *The Asahi Shimbun*, Aug 5, 2026. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/16786411> (accessed: Sep 11, 2026).

¹³ Kobyakov believes that Japan is capable of assembling nuclear weapons in about a year. TASS, Aug 25, 2026. URL: <https://tass.ru/politika/28044349> (accessed: Sep 11, 2026). (In Russian).

¹⁴ China has stated that Japan has stockpiled several dozen tons of plutonium. TASS, Aug 20, 2026. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/28027281> (accessed: Sep 11, 2026). (In Russian).

¹⁵ Japan's pursuit of nuclear weapons has become a real threat: Defense Spokesperson. *Ministry of National Defense of the People's Republic of China*, Jun 25, 2026. URL: <http://eng.mod.gov.cn/2025xb/P/16469719.html> (accessed: Sep 11, 2026).

¹⁶ A Samurai at the Nuclear Club's door: why the US strikes Iran but remains silent on Japan. TASS, Aug 24, 2026. URL: <https://tass.ru/opinions/28039469> (accessed: Sep 11, 2026). (In Russian).

Meanwhile, in September 2026, S. Koizumi noted that Japan was not ruling out the possibility of acquiring nuclear submarines, even though the U.S. Navy representative had previously expressed a positive opinion of such a move. “Regarding nuclear submarines, we will continue to consider them as a possible option”, S. Koizumi stated at a regular press conference. Tokyo is exploring the acquisition of such submarines as part of a review of three key security documents, which is scheduled to be completed by the end of the year¹⁷.

Until recently, Russian experts held the opinion that the United States would not allow Japan to acquire nuclear weapons. However, there are many reasons why the American side might now lift the taboo on nuclear weapons in Japan. While Japan does possess the scientific, technological, and resource capabilities to develop nuclear weapons, making a corresponding political decision is virtually impossible in the near future due to the anti-nuclear stance of the overwhelming majority of the country's citizens.

Conclusion

Contemporary Japan faces a difficult choice driven by the deteriorating international situation, particularly in the Asia-Pacific region. Tokyo sees threats from China, North Korea, and Russia, which is assisting them in their military buildup. This prompts Japan to enhance its defense capabilities by increasing its military budget and, taking into account the experience of recent conflicts worldwide, building modern Self-Defense Forces focused on deterring potential aggressors. In this context, Japan becomes hostage to the actions of other countries that pose potential threats to its security.

If we answer the question, raised in the title of the article, “Will Japan become a nuclear power?”, today the answer seems to be as follows: if tensions around Japan continue to escalate and nuclear powers intensify pressure on Tokyo, behave aggressively, and expand their arsenals, Japan may eventually abandon its post-war pacifism in favor of a pragmatic approach. This shift could manifest in the Japanese public's view that the possession of nuclear weapons would guarantee the country's security against possible external armed aggression. Certainly, this view has significant flaws from a security perspective, as an arms race is a path to escalation. However, it remains extremely difficult to offer alternatives to the concept of nuclear deterrence, and Japan's peace initiatives for complete nuclear disarmament have so far failed to yield any significant results.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Казakov О.И.* К вопросу о появлении альтернативы «мягкой силе» Японии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 2. С. 76–91. DOI 10.24412/2686-7702-2023-2-76-91
- Киреева А.А., Нелидов В.В.* Прошлое и настоящее Сил самообороны Японии: роль в государстве, обществе и на международной арене // Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. С. 29–54. DOI 10.24411/0235-8182-2018-10002
- Кириченко М.А.* Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки: проблемы исторической интерпретации Японией и соседними странами // Гуманитарное сотрудничество стран АТР.

¹⁷ Koizumi says Japan not ruling out nuclear subs, days after US offers positive view. *The Japan Times*, Sep 11, 2026. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2026/09/11/japan/koizumi-japan-us-nuclear-submarines/> (accessed: Sep 11, 2026).

Международная научная конференция. Москва, 23 апреля 2025 г.: тезисы докладов. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 53–56. DOI 10.48647/ICCA.2025.25.35.014

Кириченко М.А. Лингва Хиросима – электронный каталог книг об атомной бомбардировке // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 63–74. DOI 10.24411/2686-7702-2020-10025

Кириченко М.А., Плевако Е.С. 80-летие атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки: средства мемориализации в Японии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2026. Т. 8. № 1. С. 24–47. DOI 10.24412/2686-7702-2026-1-24-47

Кузьминков В.В. Роль Японии в укреплении безопасности в ЮВА (2010–2025 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2026. № 3. С. 7–20. DOI 10.7868/S2712909826030017

Стрельцов Д.В. О новой концепции национальной безопасности Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 2. С. 9–25. DOI 10.31857/S013128120025335-9

REFERENCES

Kazakov O.I. (2023). K voprosu o poyavlenii al'ternativy «myagkoy sile» Yaponii [On the question of the emergence of an alternative to Japan's "soft power"]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 76–91. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2023-2-76-91

Kireeva A.A., Nelidov V.V. (2018). Proshloye i nastoyashcheye Sil samooborony Yaponii: rol' v gosudarstve, obshchestve i na mezhdunarodnoy arene [The past and present of the Japan Self-Defense Forces: their role in the state, society and international arena]. *Ezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 47: 29–54. (In Russian). DOI 10.24411/0235-8182-2018-10002

Kirichenko M.A. (2020). Lingva Khiosima – elektronnyy katalog knig ob atomnoy bombardirovke [Lingua Hiroshima – a database of books on atomic bombing]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 63–74. (In Russian). DOI 10.24411/2686-7702-2020-10025

Kirichenko M.A. (2025). Atomnyye bombardirovki Khiosimy i Nagasaki: problemy istoricheskoy interpretatsii Yaponiyei i sosednimi stranami [Atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki: problems of historical interpretation by Japan and neighboring countries]. *Gumanitarnoye sotrudnichestvo stran ATR. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Moskva, 23 aprelya 2025 g.: tezis dokladov* [Abstracts. International scientific conference "Humanitarian cooperation of the Asia Pacific countries" (April 23, 2025)]: 53–56. Moscow: ICCA RAS. (In Russian). DOI 10.48647/ICCA.2025.25.35.014

Kirichenko M.A., Plevako E.S. (2026). 80-letiy atomnykh bombardirovok Khiosimy i Nagasaki: sredstva memorializatsii v Yaponii [The 80th anniversary of the atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki: the means of memorialization in Japan]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 8 (1): 24–47. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2026-1-24-47

Kuzminkov V.V. (2026). Rol' Yaponii v ukreplenii bezopasnosti v YUVA (2010–2025 gg.) [Japan's role in strengthening security in Southeast Asia (2010–2025)]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 3: 7–20. (In Russian). DOI 10.7868/S2712909826030017

Streltsov D.V. (2023). O novoy kontseptsii natsional'noy bezopasnosti Yaponii [About the new concept of national security of Japan]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 2: 9–25. (In Russian). DOI 10.31857/S013128120025335-9

Поступила в редакцию: 13.09.2026

Принята к публикации: 21.09.2026

Received: Sep 13, 2026

Accepted: Sep 21, 2026

DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-102-113

Кореевед Евгений Евгеньевич Ким (Ким Ен Ун): к юбилею учёного

Самсонова Виктория Георгиевна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В статье представлены биографические материалы о жизни одного из ведущих российских корееведов – Евгения Евгеньевича Кима (Ким Ен Уна). Публикация приурочена к 85-летию учёного, значительная часть профессиональной деятельности которого связана с изучением Корейского полуострова. Рассматриваются основные этапы его научной, преподавательской и экспертной работы, а также вклад в исследование истории, политики, экономики и культуры Республики Корея и КНДР. Особое внимание уделено участию Е.Е. Кима в научных конференциях, преподаванию в российских вузах, взаимодействию с российскими и зарубежными специалистами, а также его опыту государственной службы, позволившему стать непосредственным свидетелем ряда важных событий и переговоров, связанных с Корейским полуостровом. В статье анализируются основные научные достижения Ким Ен Уна, включая его публикации в ведущих российских журналах.

Ключевые слова: Ким Ен Ун, КНДР, Республика Корея, Корейский полуостров.

Автор: Самсонова Виктория Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32). ORCID: 0000-0002-9577-6463. SPIN-код: 6187-2599. E-mail: samsonova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Самсонова В.Г. Кореевед Евгений Евгеньевич Ким (Ким Ен Ун): к юбилею учёного // Восточная Азия: факты и аналитика. 2026. Т. 8. № 3. С. 102–113. DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-102-113

Korean studies scholar Evgeniy Kim (Kim En Un): on the scientist's anniversary

Samsonova Viktoria G.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article presents biographical materials on the life of one of the leading Russian Korean studies scholars, Evgeniy Evgen'yevich Kim (Kim En Un). The publication is dedicated to the 85th anniversary of the scholar, a substantial part of whose professional career has been devoted to the study of the Korean Peninsula. The article examines the main stages of his academic, teaching, and expert activities,

as well as his contribution to the study of the history, politics, economy, and culture of the Republic of Korea and the DPRK. Particular attention is paid to E.E. Kim's participation in academic conferences, teaching at Russian universities, cooperation with Russian and foreign scholars, and his experience in public service, which enabled him to witness a number of important events and negotiations related to the Korean Peninsula. The article also analyzes the main scientific achievements of Kim En Un, including his publications in leading Russian academic journals.

Keywords: Kim En Un, DPRK, Republic of Korea, Korean Peninsula.

Author: Samsonova Viktoria G., PhD (Economics), Leading Researcher, Head of the Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9577-6463. SPIN-code: 6187-2599. E-mail: samsonova@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Samsonova V.G. (2026). Koreyevod Evgeniy Evgen'yevich Kim (Kim En Un): k yubileyu uchenogo [Korean studies scholar Evgeniy Kim (Kim En Un): on the scientist's anniversary]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 8 (3): 102–113. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2026-3-102-113

18 августа 2026 г. исполнилось 85 лет Ким Ен Уну – почётному работнику науки и высоких технологий Российской Федерации, ведущему научному сотруднику Института Китая и современной Азии РАН, доценту, кандидату философских наук.

Ким Ен Ун в передаче «Беседы о Востоке».

Kim En Un in the program “Conversations about the East”.

Источник / Source: Moscow lawyers. URL: https://m.vkvideo.ru/video-120504240_456240283?t=38m11s

Ким Ен Ун родился в многодетной семье в южной части о. Сахалин, которая тогда входила в состав Японии, и японские власти выдали его родителям свидетельство о рождении с японской фамилией и именем. Он был обречён на судьбу третьесортного жителя

империи, поскольку колониальная власть не поощряла получение образования корейцами. По этой причине отец Ким Ен Уна окончил лишь один класс вечерней школы, а мать осталась неграмотной. После передачи в 1945 г. южной части Сахалина Советскому Союзу судьба семьи коренным образом изменилась. По настоянию Ким Ен Уна, ещё не окончившего школу, родители подали документы и получили гражданство СССР осенью 1958 г. Это позволило восстановить ему корейские имя и фамилию. Все братья и сёстры (в семье было три сына и три дочери) окончили техникумы и вузы в советском государстве.

Выпускники средней школы № 1. г. Углегорска Сахалинской области. 1958 г.

(Фото из архива Е.Е. Кима).

Graduates of secondary school No. 1 in the city of Uglegorsk, Sakhalin Oblast. 1958.

(Photo from E.E. Kim's archive).

Ким Ен Ун прошёл путь от разнорабочего до заместителя председателя Комитета по международным делам Верховного Совета СССР, доцента вуза и ведущего научного работника академического института [Юбилей... 2021: 182]. Общий стаж работы учёного составляет 68 лет, включая 43 года научно-педагогической деятельности.

Становление Ким Ен Уна как преподавателя высшей школы связано прежде всего с Иркутским государственным университетом, который он окончил в 1965 г. После завершения обучения в аспирантуре в 1968 г. он вернулся в университет и преподавал там до 1977 г. Затем Е.Е. Ким был приглашён во вновь открывшийся Омский государственный

университет, где в 1977–1989 гг. работал в должности доцента [Юбилей... 2016: 182]. В 1990–1995 гг. он преподавал в качестве приглашённого специалиста в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук МГУ, а также в Высшей школе переподготовки и повышения квалификации преподавателей социально-гуманитарных наук при МГУ им. М.В. Ломоносова. В 2013–2023 гг. Ким Ен Ун вёл в НИУ ВШЭ курсы по истории и политике Кореи, а также по истории корейской философии. В 2020–2026 гг. Е.Е. Ким преподавал в Государственном академическом университете гуманитарных наук (ГАУГН), где читал курсы по новейшей истории Кореи, истории общественно-политической мысли, политической истории и истории религий Кореи.

Выпускники исторического отделения историко-филологического факультета Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. 1965 г. (Фото из архива Е.Е. Кима).

Graduates of the history department of the historical and philological faculty of Irkutsk State University named after A.A. Zhdanov. 1965. (Photo from E.E. Kim's archive).

С 2021 г. Ким Ен Ун преподаёт на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, где в рамках магистерской программы «Современная Азия в многополярном мировом порядке» ведёт специальные курсы «Международные отношения в Большой Восточной Азии» и «Эволюция Корейской проблемы в системе международных отношений». Подготовленные им учебные курсы пользуются устойчивым интересом студентов.

Проблемами Кореи Е.Е. Ким начал заниматься как член Комитета по международным делам Верховного Совета СССР, участвуя при этом в переговорах с парламентариями и общественными деятелями двух Кореи, а также в международных парламентских встречах.

Политзанятие на предприятии г. Иркутска. 1975 г. (Фото из архива Е.Е. Кима).
Political training session at an enterprise in Irkutsk. 1975. (Photo from E.E. Kim's archive).

В качестве депутата ВС СССР Ким Е.Е. выступал докладчиком от советской делегации на Генеральной конференции ЮНЕСКО (Париж, 1989 г.), на сессии Межпарламентского Союза (Пхеньян, 1990 г.). После распада СССР в качестве президента общественной организации Международной конфедерации корейских Ассоциаций (МККА) участвовал в подготовке Постановления Верховного Совета РСФСР о реабилитации российских корейцев в 1993 г. До этого в 1992 г. совместно с профессором Дипломатической Академии МИД РФ В.Ф. Ли опубликовал сборник документов по депортации корейцев Дальнего Востока в республики Средней Азии осенью 1937 г., впервые введенных таким образом в научный оборот [Белая книга... 1992]. В 1997 г. также был опубликован сборник новых документов по депортации и обустройству корейцев в местах переселения [Белая книга... 1997]. Оба сборника назывались «Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х гг.». В 1999 г. было опубликовано переведённое Ким Ен Уном на русский язык полное собрание деклараций независимости Кореи, содержащее 21 документ, обнародованный с ноября 1918 г. по лето 1920 г. [Полное собрание... 1999]. Для российского корееведения это были преимущественно неизвестные документы. Вторая «Белая книга» и «Полное собрание...» сопровождалась вступительными статьями и подробными комментариями Ким Ен Уна.

Народный депутат СССР по советскому территориальному округу 238 г. Омска. 1989 г.

(Фото из архива Е.Е. Кима).

People's Deputy of the USSR for Soviet territorial district No. 238 in Omsk. 1989.

(Photo from E.E. Kim's archive).

Встреча народного депутата СССР с избирателями г. Омска. 1990 г. *(Фото из архива Е.Е. Кима).*

Meeting of a People's Deputy of the USSR with voters in the city of Omsk. 1990.

(Photo from E.E. Kim's archive).

С 1994 по 2003 г. Е.Е. Ким работал помощником депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ и на общественных началах выполнял задачи секретаря депутатской группы Государственной Думы по связям с парламентом Республики Корея. В этот период он участвовал в визитах в РК, встречах и конференциях, организовывавшихся как по парламентской линии, так и по линии научного сотрудничества. В качестве зарубежного гостя Е.Е. Ким принимал участие в инаугурациях президентов РК Ким Ен Сама, Ким Дэ Чжуна, Но Му Хена, Ли Мен Бака и Пак Кын Хе, а также в беседах и переговорах с первыми лицами южнокорейского государства.

С 2003 г. по настоящее время Ким Ен Ун работает в Центре корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН (до 2022 г. – Институт Дальнего Востока РАН) в качестве ведущего научного сотрудника. Учёный признан отечественными корееведами высококвалифицированным специалистом по внутренней и внешней политике двух корейских государств, проблемам мира и безопасности на Корейском полуострове, межкорейским и российско-корейским отношениям. Внимательное изучение проблем внутренней политики Республики Корея позволило ему начиная с 2007 г. точно предсказывать избрание всех президентов РК: Ли Мен Бака, Пак Кын Хе, Мун Чжэ Ина, Юн Сок Ёля и Ли Чжэ Мена.

Под руководством Е.Е. Кима впервые в российском корееведении подготовлены исследования по трудовому праву Республики Корея [Ким 2005] и КНДР, по проблеме государственной службы и административного права в Южной Корее, а также особенностям парламентаризма в РК [Ким 2024]. Одним из первых в российском корееведении он стал

исследовать теоретические, методологические и практические вопросы стратегического партнёрства России и Республики Корея, их сотрудничества в области природопользования и охраны окружающей среды. Фундаментальные работы Е.Е. Кима по истории [Ким 2025], политике, религии, праву внесли существенный вклад в развитие российского корееведения. В недавно опубликованной работе, посвящённой конституционному развитию КНДР, Е.Е. Ким совместно с О.О. Базиной подробно анализирует данный процесс, учитывая всю его сложность и многогранность, а также невозможность его сведения лишь к изучению текстов конституций. Авторы отмечают, что Конституция КНДР не является статичным документом, а отражает изменяющиеся социально-экономические, культурные, политические реалии, идеологические установки и властные отношения. В контексте международных отношений изучение данной тематики является особенно актуальным для государств, стремящихся наладить контакты с этой уникальной страной [Базина, Ким 2026].

Уже в 2009 г. Ким Ен Ун первым из российских корееведов предсказал начало депопуляции населения РК [Ким 2010]. Также одним из первых он обосновал тезис о становлении в Республике Корея двухпартийной системы, предполагающей периодическую смену власти консервативных и условно либеральных сил [Ким 2013]. Учёный отмечал завершение периода балансирования РК в международной политике и переход к долгосрочной тенденции всё более тесной интеграции внешней политики страны в стратегическую орбиту США вне зависимости от того, какие политические силы приходят к власти. Причины этой тенденции, в том числе экономические, он рассматривает в одной из своих более поздних работ [Ким 2021].

Ещё в 1993 г., выступая на одной из конференций в Сеуле перед членами Консультативного совета по мирному демократическому объединению Кореи, Е.Е. Ким отметил, что режим КНДР не падёт до тех пор, пока в стране не появится свой Горбачёв, однако с учётом судьбы СССР появление такой фигуры маловероятно. В 2004–2019 гг. во время практически ежегодных встреч с представителями Института объединения при Министерстве объединения РК он неизменно желал южнокорейским коллегам, среди которых преобладали молодые исследователи, сохранить работу до выхода на пенсию, тем самым подчёркивая своё скептическое отношение к перспективам объединения Кореи. Он одним из первых среди российских корееведов опубликовал работу, в которой утверждал, что две Кореи прошли точку невозврата и их мирное объединение стало невозможным. Ещё в 2012 г. Е.Е. Ким писал: «Во всяком случае, можно прогнозировать, что до 2020 г. никакого объединения Кореи в единое государство не произойдёт. Противоречия между двумя странами, различия в уровне жизни, в общественных институтах, в структуре экономики будут такими, что не может быть никакого объединения к этому сроку» [Ким 2012]. Как отмечает учёный, попытка объединить Корею военным путём с учётом накопленных вооружений и их разрушительной мощи могла бы привести к катастрофическим последствиям для всего Корейского полуострова. Поэтому, признавая необходимость использования всех возможных средств для обеспечения безопасности, мира и благополучия каждого народа, он исходит из принципа равной и неделимой безопасности и подчёркивает недопустимость силового сценария объединения.

В этой связи Е.Е. Ким последовательно выступает за мирное сосуществование двух корейских государств как суверенных и нейтральных, не связанных участием в военных блоках. Одним из условий такого сосуществования он считает отказ от конституционных

положений, содержащих территориальные притязания на другое государство, тем более если обе страны являются членами ООН и признают закреплённые в её Уставе принципы государственного суверенитета и территориальной целостности.

Особое внимание Е.Е. Ким обращает на положения Конституции Республики Корея, согласно которым территория РК включает весь Корейский полуостров и прилегающие к нему острова. Тем самым, по его мнению, существование КНДР как самостоятельного государства не получает полноценного конституционного признания. В своих работах он предлагал изменить соответствующие положения Конституции РК как одно из условий нормализации отношений и мирного сосуществования двух государств Корейского полуострова [Ким 2026].

КНДР, в свою очередь, с 1972 г. отказалась от претензии на представительство всего корейского народа, а в 2026 г. впервые обозначила южный рубеж как государственную границу с Республикой Корея. По оценке Е.Е. Кима, это свидетельствует о переходе от фактического к юридическому признанию существования РК как отдельного государства и об отказе от прежней установки на объединение страны. Тем самым, считает исследователь, была сформулирована новая модель отношений между двумя корейскими государствами, основанная на принципах мирного сосуществования.

В своих работах Ким Ен Ун последовательно выступает за развитие тесного сотрудничества России и КНДР. В частности, он подчёркивает стратегическое и историческое значение Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и КНДР, подписанного в 2024 г. По его оценке, «это действительно документ стратегического взаимодействия, затрагивающий все аспекты двусторонних отношений в увязке и с их международной деятельностью, направленной на мир, сотрудничество, безопасность не только собственную, но и регионов и всей планеты». Не менее показательно его мнение о совпадении коренных интересов России и КНДР. Они связаны с особенностями «морального кода воинов России и КНДР, единого понимания принципов и методов международной справедливости и многополярного мира, единых принципов внешней политики, которые базируются на гуманистических идеях социалистов и первого в мире социалистического государства» [Ким 2026].

Е.Е. Ким продолжает активно участвовать в международных и общероссийских научных конференциях, ежегодно выступая, как правило, не менее чем на десяти таких мероприятиях. В 2025 г. он принял участие в 17 конференциях, в том числе с участием исследователей из стран СНГ, Республики Корея и КНР. Ким Ен Ун также является постоянным докладчиком ведущей научной конференции корееведов России и стран СНГ, 30-я по счёту встреча которой состоялась в марте 2026 г. на базе ИКСА РАН. Выступления учёного неизменно привлекают внимание профессионального сообщества и становятся предметом научной дискуссии. Так, на состоявшейся в 2026 г. конференции «Новая политика Кореи в отношении АСЕАН: прагматичное партнёрство ради общего будущего и интересы России» Е.Е. Ким проанализировал отношения Республики Корея с государствами АСЕАН и отметил стремление Сеула последовательно расширять своё влияние в регионе и за его пределами, претендуя на более значимую роль, чем предполагает его формальный статус. Исследователь также выделил основные задачи политики РК в отношении АСЕАН, среди которых отметил расширение экономического и политического присутствия, укрепление позиций в конкуренции с Японией и содействие продвижению американского

влияния в регионе. В этом контексте Ким Ен Ун пришёл к выводу, что Республика Корея выступает конкурентом Китая и России в странах АСЕАН [Ким, Степанова 2026].

Е.Е. Ким подготовил переводы работ ряда южнокорейских авторов, содержащих малоизвестные материалы о процессе установления дипломатических отношений между СССР и Республикой Корея [Чон Дже Мун 2005], а также исследования, в которых подчёркивалась важная роль России в стратегии РК [Цой Чжэ Док 2019].

Ким Ен Ун выступает не только как активный участник, но и как инициатор и организатор международных научных конференций, в том числе с участием политологов и историков из России, КНДР и Республики Корея. Эти мероприятия способствовали развитию профессионального диалога и обсуждению актуальных проблем Корейского полуострова.

Преподавательскую деятельность Е.Е. Ким начал ещё во время обучения в аспирантуре. За последующие годы он накопил значительный опыт работы со студентами, а также руководства выпускными квалификационными работами бакалавров и магистров и исследованиями аспирантов. Только в XXI в. под его руководством было подготовлено более 150 бакалаврских и магистерских работ. Многие его ученики впоследствии связали профессиональную деятельность с корееведением: работают в институтах РАН, в том числе в ИКСА РАН, преподают в НИУ ВШЭ, а также продолжают карьеру на корейском направлении в государственных и коммерческих структурах.

За годы работы в ИКСА РАН Ким Ен Ун опубликовал более 150 научных трудов, внёсших заметный вклад в отечественное корееведение. Общее число его печатных работ составляет около 250 наименований, включая книги, брошюры и статьи на русском, английском [Kim 2021], корейском [Kim 2020] и китайском языках.

За заслуги в научной деятельности Е.Е. Ким в 2021 г. был удостоен звания «Почётный работник науки и высоких технологий Российской Федерации».

Коллеги по работе, редколлегия и редакция журнала «Восточная Азия: факты и аналитика» поздравляют юбиляра и желают Евгению Евгеньевичу – выдающемуся учёному и преподавателю – крепкого здоровья, благополучия и новых творческих успехов!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Базина О.О., Ким Е.Е. Конституционное развитие Корейской Народно-Демократической Республики сквозь призму конституционных изменений // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23. № 2. С. 221–233. DOI 10.19073/2658-7602-2026-23-2-221-233
- Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. 1 / авт.-сост. Ли У Хе [Ли В.Ф.], Ким Ен Ун. Москва: Интерпракс, 1992.
- Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. 2 / авт.-сост. Ли У Хе [Ли В.Ф.], Ким Ен Ун. Москва: МККА, 1997.
- Ким Е.У., Сенчищева М.В. Адмирал Ли Сун Син в политике Пак Чон Хи // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 3. С. 84–101. DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-84-101
- Ким Е.У. Демографические и социальные сдвиги на Корейском полуострове // Развитие социально-гуманитарного сотрудничества в Северо-Восточной Азии: материалы круглого стола, 23 октября 2009 года. М.: Изд-во РГСУ, 2010. С. 117–121. ISBN 978-5-7139-0774-7

- Ким Е.Е. Международные трудовые стандарты в законодательстве Республики Корея // Корея: новые горизонты: доклады, представленные на IX научной конференции корееведов России и стран СНГ, Москва, 29–30 марта 2005 года. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. С. 262–269.
- Ким Е.У. Особенности парламентаризма в Республике Корея // Власть. 2024. Т. 32. № S4. С. 65–78. DOI 10.56700/u4478-7355-4637-x
- Ким Е.У. Политические перемены в Северо-Восточной Азии и перспективы объединения Кореи // Корейский полуостров: накануне перемен: доклады, представленные на XVI научной конференции корееведов России и стран СНГ, Москва, 29–30 марта 2012 года. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2012. С. 76–86.
- Ким Е.У. Политический ландшафт в Республике Корея: тенденции эволюции // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 6. С. 55–68.
- Ким Е.У. Реалии многовекторной внешней политики РК // Современные проблемы Корейского полуострова: материалы XXV конференции корееведов России и стран СНГ. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2021. С. 56–65.
- Ким Е.У. Сотрудничество Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики на современном этапе (политический аспект) // ИДВ АН СССР – ИКСА РАН 1966–2026. Избранные статьи 2021–2026. М.: ИКСА РАН, 2026. С. 302–309.
- Ким Е.У., Степанова А.Н. Отношения государств Корейского полуострова со странами Юго-Восточной Азии // Вьетнамские исследования. 2026. Т. 10. № 2. С. 127–132. DOI 10.54631/VS.2026.102-713934
- Полное собрание деклараций независимости Кореи / отв. ред. Ким Ен Ун.; пер. с кор. Ким Ен Ун. М.: МККА, 1999.
- Цой Чжэ Док. Стратегия Республики Корея / пер. с кор. Ким Е.У. и др. М.: ИДВ РАН, 2019. 285 с.
- Чон Дже Мун. Россия далёкая и близкая: мои переговоры в Москве / пер. с кор. Ким Ен Ун. М.: ОГНИ, 2005. 237 с.
- Юбилей Ким Ен Уна // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 182–183.
- Юбилей Ким Ен Уна // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 6. С. 182–183.

REFERENCES

- Bazina O.O., Kim E.U. (2026). Konstitutsionnoye razvitiye Koreyskoy Narodno-Demokraticeskoy Respubliki skvoz' prizmu konstitutsionnykh izmeneniy [The constitutional development of the Democratic People's Republic of Korea through the prism of constitutional amendments]. *Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye* [Siberian Law Review], 23 (2): 221–233. (In Russian). DOI 10.19073/2658-7602-2026-23-2-221-233
- Choi Jae Duk (2019). *Strategiya Respubliki Koreya* [Strategy of the Republic of Korea]. Transl. from Korean by Kim E.U. et al. Moscow: IFES RAS, 285 p. (In Russian).
- Chung Jae Moon (2005). *Rossiya dalekaya i blizkaya: moi peregovory v Moskve* [Russia Distant and Close: My Negotiations in Moscow]. Transl. from Korean by Kim En Un. Moscow: OGNI, 237 p. (In Russian).
- Kim E.E. (2005). Mezhdunarodnyye trudovyye standarty v zakonodatel'stve Respubliki Koreya [International labor standards in the legislation of the Republic of Korea]. In: *Koreya: novyye gorizonty: doklady, predstavlenyye na IX nauchnoy konferentsii koreevedov Rossii i stran SNG, Moskva, 29–30 marta 2005 goda* [Korea: New Horizons: Papers Presented at the IX Scientific Conference of Korean Studies Scholars from Russia and the CIS Countries, Moscow, March 29–30, 2005]: 262–269. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).

- Kim E.E. (2012). Politicheskiye peremeny v Severo-Vostochnoy Azii i perspektivy ob'yedineniya Korei [Political changes in Northeast Asia and prospects for Korean unification]. In: *Koreyskiy poluostrov: nakanune peremen: doklady, predstavlenyye na XVI nauchnoy konferentsii koreyevodov Rossii i stran SNG, Moskva, 29–30 marta 2012 goda* [The Korean Peninsula: On the eve of changes: Papers presented at the XVI Scientific Conference of Korean Studies Scholars from Russia and the CIS Countries, Moscow, March 29–30, 2012]: 76–86. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Kim E.U. (2010). Demograficheskiye i sotsial'nyye sdvigi na Koreyskom poluostrove [Demographic and social changes on the Korean peninsula]. In: *Razvitiye sotsial'no-gumanitarnogo sotrudnichestva v Severo-Vostochnoy Azii: materialy kruglogo stola, 23 oktyabrya 2009 goda* [Development of Social and Humanitarian Cooperation in Northeast Asia: Materials of the Round Table, October 23, 2009]: 117–121. Moscow: Izd-vo RGSU. (In Russian). ISBN 978-5-7139-0774-7
- Kim E.U. (2024). Osobennosti parlamentarizma v Respublike Koreya [Features of parliamentarism in the Republic of Korea]. *Vlast'* [The Authority], 32 (S4): 65–78. (In Russian). DOI: 10.56700/u4478-7355-4637-x
- Kim E.U. (2013). Politicheskiy landshaft v Respublike Koreya: tendentsii evolyutsii [The political landscape in the Republic of Korea: Trends of evolution]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 6: 55–68. (In Russian).
- Kim E.U. (2021). Realii mnogovektornoy vneshney politiki RK [The realities of the multi-vector foreign policy of the Republic of Korea]. In: *Sovremennyye problemy Koreyskogo poluostrova: materialy XXV konferentsii koreyevodov Rossii i stran SNG* [Current problems of the Korean Peninsula: Proceedings of the XXV Conference of Korean Studies Scholars from Russia and the CIS Countries]: 56–65. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Kim E.U. (2026). Sotrudnichestvo Rossiyskoy Federatsii i Koreyskoy Narodno-Demokraticeskoy Respubliki na sovremennom etape (politicheskiy aspekt) [Cooperation between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea at the present stage: political aspect]. In: *IDV AN SSSR – IKSA RAN. 1966–2026: izbrannyye stat'i 2021–2026* [IFES AS USSR – ICCA RAS. 1966–2026: Selected Articles 2021–2026]: 302–309. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Kim En Un, Senchishcheva M.V. (2025). Admiral Li Sun Sin v politike Pak Chon Khi [Admiral Yi Sun-sin in Park Chung-hee's politics]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 7 (3): 84–101. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2025-3-84-101
- Kim En Un, Stepanova A.N. (2026). Otnosheniya gosudarstv Koreyskogo poluostrova so stranami Yugo-Vostochnoy Azii [Relations between the states of the Korean Peninsula and the countries of Southeast Asia]. *V'yetnamskiye issledovaniya* [The Russian Journal of Vietnamese Studies], 10 (2): 127–132. (In Russian). DOI 10.54631/VS.2026.102-713934
- Lee V.F., Kim En Un (1992). *Belaya kniga o deportatsii koreyskogo naseleniya Rossii v 30–40-kh godakh. Kniga pervaya* [White Book on the deportation of the Korean population of Russia in the 1930s–1940s. Book 1]. Moscow: Interprax, 204 p. (In Russian).
- Lee V.F., Kim En Un (1997). *Belaya kniga o deportatsii koreyskogo naseleniya Rossii v 30–40-kh godakh. Kniga vtoraya* [White Book on the deportation of the Korean population of Russia in the 1930s–1940s. Book 2]. Moscow: MKKA, 302 p. (In Russian).
- Polnoye sobraniye deklaratsiy nezavisimosti Korei* [Complete Collection of Declarations of Independence of Korea] (1999). Ed. and transl. from Korean by Kim En Un. Moscow: MKKA, 142 p. (In Russian).
- Yubiley Kim Yen Una [Jubilee of Kim En Un] (2016). *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 5: 182–183. (In Russian).
- Yubiley Kim Yen Una [Jubilee of Kim En Un] (2021). *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 6: 182–183. (In Russian).

* * *

- Kim Yong Woon (Kim En Un), Vishnyakova V. (2021). The Northern Policy of the Republic of Korea: a new dimension. In: *Regions in the Contemporary World: the Global Turbulence and its Impact on Asia*. Ed. by E. Kanaev, S. Luzyanin, A. Baklanov, V. Vishnyakova: 80–95. Moscow: Filin.
- Kim En Un (2020). Reosia daejoseon, dae hanbanda jeongchaek: gwageo, hyeonan, jeonmang [Korean policy of Russia: past, current issues, prospects]. *Proceedings of the international videoconference organized by the Russian Academy of Sciences and the International Korea Foundation on October 28–29, 2020: Hanbando pyeonghwa tongil saeroun jipyeonggeul itta* [Connecting New Horizons for Peaceful Unification of the Korean Peninsula]. Seoul, 312 p. (In Korean). [김 영웅. 러시아 대조선, 대 한반도 정책: 과거, 현안, 전망. 한반도 평화 통일 새로운 지평을 잇다].

Поступила в редакцию: 24.08.2026
Принята к публикации: 09.09.2026

Received: Aug 24, 2026
Accepted: Sep 9, 2026

Научное издание

Восточная Азия: факты и аналитика
2026, Т. 8, № 3

Редактор	Цветкова А.А.
Редактор английских текстов:	Горчакова Т.Е.
Редактор:	Суркова Т.И.
Редактор:	Скворцова Е.М.
Компьютерная вёрстка:	Суркова Т.И.
Редактор сайта:	Казаков О.И.

Дата публикации:	30.09.2026
------------------	------------

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32,
Институт Китая и современной Азии РАН
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 09 13
Центр научного мониторинга и развития

Scientific edition

East Asia: Facts and Analytics
2026, Vol. 8, No. 3

Editor:	Tsvetkova A.A.
Editor (English):	Gorchakova T.E.
Editor:	Surkova T.I.
Editor:	Skvortsova E.M.
Layout:	Surkova T.I.
Website editor:	Kazakov O.I.

Date of issue:	Sep 30, 2026
----------------	--------------

Contacts:

- *Address:* Institute of China and Contemporary Asia of the Russian
Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 (499) 124 09 13
Center for Scientific Monitoring and Development

